

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

«Наука»

Москва

2017

Главный редактор:

В. А. Плунгян

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлеская

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский

д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова

д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе

д. ф. н., академик РАН, Тбилисский университет, Грузия

В. З. Демьянков

д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский

д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо

д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв

д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

Г. И. Кустова

д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован

д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская

Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина

д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Зав. отделами:

А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией:

Н. В. Ганнус

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2017

© ФГУП Издательство «Наука», 2017

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY JAZYKOZNANIJA

(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

6

NOVEMBER — DECEMBER

«Nauka»

Moscow

2017

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. Dobrovol'skiy Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
 Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California, Los-Angeles, USA
 Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Galina I. Kustova Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. Rakhilina National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. Testelests Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Mariia D. Voelikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Пичхадзе. Славянская номинативная конструкция при глаголах восприятия, мысли и речи.....	7
Н. В. ПАТРОЕВА. Синтаксис русской поэзии XVIII века в связи с метрикой, строфикой, жанром стихотворения.....	20
V. Ž. JOVANOVIĆ. Formative semantic models of adjective compounds in English and Serbian.....	42
П. М. ЭЙСМОНТ. «Как стать большим?»: предикативные прилагательные в детской речи.....	65
Ю. Б. КОРЯКОВ. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода.....	79
Сунь Шуфан, С. Д. ШЕЛОВ. Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания.....	102

Рецензии

Е. М. Коницкая. <i>Н. Р. Добрушина</i> . Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016.....	115
Анна А. Зализняк, А. А. Смирнитская. <i>P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm</i> (eds.). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016.....	122
И. А. Стенин. <i>M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy</i> (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015.....	131
П. М. АРКАДЬЕВ. <i>E. Coghill</i> . The rise and fall of ergativity in Aramaic. Cycles of alignment change. Oxford: Oxford University Press, 2016.....	140
В. М. МОКИЕНКО. <i>С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова</i> (ред.). Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016.....	150
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 2017 г.	158

CONTENTS

Anna A. PICHKHADZE. Slavic nominative construction with verbs of perception, thought, and speech.....	7
Natalia V. PATROEVA. The syntax of 18-century Russian poetry in connection with metrics, strophic organization, and genre.....	20
Vladimir Ž. JOVANOVIĆ. Formative semantic models of adjective compounds in English and Serbian.....	42
Polina M. EISMONT. “How to grow big”: Predicative adjectives in Russian child language.....	65
Yuri B. KORYAKOV. Language vs. dialect: A lexicostatistic approach.....	79
SUN SHUFANG, Serguey D. SHELOV. Term as a fundamental item of terminology.....	102

Reviews

Elena M. KONITSKAYA. <i>N. R. Dobrushina. Soslagatel'noje naklonenije v russkom jazyke: opyt issledovanija grammatičeskoj semantiki</i> [Subjunctive mood in Russian: A study of grammatical semantics]. Praha: Animedia Company, 2016.....	115
Anna A. ZALIZNIAK, Anna A. SMIRNITSKAYA. <i>P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm</i> (eds.). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016.....	122
Ivan A. STENIN. <i>M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy</i> (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015.....	131
Peter M. ARKADIEV. <i>E. Coghill. The rise and fall of ergativity in Aramaic. Cycles of alignment change</i> . Oxford: Oxford University Press, 2016.....	140
Valerii M. MOKIENKO. <i>S. G. Shulezhkova, A. A. Osipova</i> (eds.). <i>Daite miru shans! Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii</i> [Give peace a chance! Dictionary of Russian and German political slogans]. Magnitogorsk: Magnitogorskii Dom pechati; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016.....	150
Index of the papers published in “Voprosy Jazykoznanija” in 2017.....	158

СЛАВЯНСКАЯ НОМИНАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРИ ГЛАГОЛАХ ВОСПРИЯТИЯ, МЫСЛИ И РЕЧИ*

© 2017

Анна Абрамовна Пичхадзе

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, 119019, Российская Федерация; rusyaz@yandex.ru

В славянских средневековых текстах представлена номинативная конструкция при глаголах восприятия, мысли и речи, унаследованная из индоевропейского праязыка. Необходимыми условиями для ее реализации были совпадение субъекта главного предиката с субъектом номинативной конструкции и эллипсис ее субъекта. Если матричный глагол являлся переходным, а его объект не был выражен на поверхностном уровне, валентность матричного глагола могла заполняться исключительно причастной предикацией. Если же матричный глагол имел эксплицитное прямое дополнение или употреблялся в медиальной форме, от матричного глагола могла зависеть как причастная номинативная конструкция, так и конструкция с именным предикативным членом в именительном падеже. Субъект зависимого предиката обычно не был согласован по падежу с кореферентным прямым дополнением главного предиката. Субъект зависимого предиката был согласован по падежу с кореферентным субъектом главного предиката в именных конструкциях, тогда как в причастных предикациях такое согласование могло отсутствовать, что свидетельствует об определенной автономности вложенных предикаций, сближающей их с придаточными предложениями.

Ключевые слова: вложенная предикация, номинативная именная конструкция, номинативная причастная конструкция

SLAVIC NOMINATIVE CONSTRUCTION WITH VERBS OF PERCEPTION, THOUGHT, AND SPEECH

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation; rusyaz@yandex.ru

The nominative construction with verbs of perception, thought, and communication attested in Slavic medieval texts was inherited from the Proto-Indo-European language. The necessary structural conditions of its use were the referential identity of the subject of the matrix predicate and the subject of the nominative construction as well as the ellipsis of the subject of the nominative construction. If the matrix predicate was transitive and its object was implicit, then the matrix predicate could only superordinate a participial construction. If the matrix predicate had an overt direct object or was in the medial voice, then the matrix predicate could superordinate either a participial nominative construction or a construction with a noun (or other substantives) in the nominative case. Usually, the subject of the subordinate predicate did not agree for case with the co-referential direct object of the matrix predicate. The subject of the subordinate predicate agreed for case with the co-referential subject of the matrix predicate in the constructions with nouns and other

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Я чрезвычайно благодарна сотрудникам отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения и балканистики РАН за обсуждение предварительной версии этой статьи и высказанные замечания, а также С. Ч. Офертасу (Институт востоковедения РАН) за консультацию.

substantives, but the agreement could be absent from the participial constructions — this fact may evidence a certain autonomy of embedded clauses and make them similar to subordinate clauses.

Keywords: embedded clause, nominative construction with substantives, nominative participial construction

Введение

Глаголы восприятия — как непосредственного, чувственного, так и ментального — в разных языках мира характеризуются специфическими особенностями в управлении актантами. В частности, в индоевропейских языках они способны присоединять вложенные предикации, т. е. сентенциальные актанты, в которых предикат выражен нефинитивной формой глагола. К числу таких вложенных конструкций относятся *accusativus cum infinitivo* (винительный с инфинитивом) и *accusativus cum participio* (винительный с причастием). Наряду с вложенными предикациями в индоевропейских языках широко использовалась именная конструкция с предикативным падежом — *accusativus duplex* (двойной винительный).

В старославянском и древнерусском при глаголах восприятия, мысли или речи, помимо стандартных придаточных предложений, употреблялись четыре особые конструкции. Из них самыми частотными были конструкции *accusativus duplex* (двойной винительный) [Зализняк 2004: 158] и *accusativus cum participio* (винительный с причастием), в котором второй винительный был выражен причастием, ср. в Суздальской летописи XIII в.: приде Изяславъ слышавъ пришедшаго Юрга 'пришел Изяслав, услышав, что пришел Юрий' ([ПСРЛ I: 321], см. примеры в [Потебня 1958: 308—316]). Оборот «винительный с причастием» употреблялся не только в книжных текстах: недавно он был обнаружен в новгородской берестяной грамоте 2-й пол. XII в. № 1020 — причастие имеет здесь несогласованную форму, которая регулярно использовалась в тех случаях, когда субъект причастия не совпадал с субъектом главного предиката: оу Хотъслава ми было гривн[а] възати: а творати и не[ре]ставивъше 'У Хотослава мне следовало взять гривну; а говорят, что он преставился' [Янин и др. 2015: 117].

Кроме того, в средневековых славянских памятниках встречается специфическая конструкция, в которой глагол восприятия управляет одновременно двумя актантами — прямым дополнением, выраженным именной группой, и придаточным предложением, субъект которого кореферентен прямому дополнению главного предиката и эллиптирован в придаточном предложении [Pichkhadze 2012], ср. в Суздальской летописи: Половцы же оуслышавше Русь вже пришли на ни(х) · ради възша 'Половцы же, услышав, что Русь пришла на них, обрадовались' ([ПСРЛ I: 395]). Такая конструкция известна и другим индоевропейским языкам, ср. лат.: *viden me ut rapior?* 'ты не видишь, что меня хватают?' Plautus, *Rudens*, 869 [Lehmann 1988: 208], где субъект придаточного предложения представлен в виде прямого дополнения *me* 'меня' главного предиката *viden* 'не видишь ли' и располагается перед союзом, вводящим придаточное предложение. Похожие конструкции встречаются и за пределами индоевропейских языков, ср. [Dubinsky, Davies 2006: 136].

1. Номинативная причастная конструкция при имплицитном объекте

Изредка в славянских памятниках при глаголах восприятия, мысли и речи отмечается еще одна конструкция, возможная только при совпадении субъекта главного предиката с субъектом зависимой причастной предикации: если субъект глагола восприятия воспринимает свое собственное действие или состояние или же сообщает что-то о самом себе, причастие в зависимой предикации фигурирует в форме именительного падежа. При этом субъект причастия обязательно эллиптируется. Матричный глагол употребляется в действительном залоге, но прямое дополнение, которым он способен управлять, может не выражаться на поверхностном уровне. Такая вложенная предикация синонимична придаточному изяснительному предложению, ср.: и повѣдааше съ нима видѣвъ георгина 'и сказал, что видел

с ними Георгия' Чудеса Бориса и Глеба по Успенскому сборнику XII—XIII вв.¹, 19г; и мнѣвъ оутвердѣвъ него крѣпнѣмъ оуже не первыми оучении оучаше его 'и полагая, что [он сам] утвердил его крещением, уже не учил его прежними поучениями' Пролог Библиотеки Академии наук № 4.9.20, л. 74, XIII в. (цит. по Картотеке [СлРЯ XI—XVII вв.]).

Описанная конструкция имеет существенное отличие от пассивной трансформации accusativus cum participio в nominativus cum participio. При пассивной трансформации матричный глагол перестает быть переходным. Так, глагол видѣтиса в контексте из Стихираря XII в. не может управлять прямым дополнением, а причастие лежащъ, относящееся к его субъекту, ожидаемым образом принимает форму именительного падежа: Въ яслѣхъ худѣхъ сынъ единочадыи лежащъ видѣтиса 'в простых яслях одиночадый сын виден лежащим' [СлРЯ XI—XVII вв., 2: 175]. Представленное здесь синтаксическое построение является пассивным соответствием accusativus cum participio, который выглядел бы как **сына единочадаго лежаща видимъ*.

Во вложенной номинативной конструкции, которая разбирается ниже, глагол восприятия обладает способностью управлять прямым дополнением, тем не менее кореферентное этому дополнению причастие имеет форму именительного падежа, который сигнализирует о тождестве субъекта причастия и субъекта главного предиката. Вот два примера из Повести временных лет:

- (1) Влгъ же и Борисъ. придоша Чернигову: мнѣше оудѣвъше 'Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая [о себе самих], что [они] победили' [ПСРЛ I: 200; II: 191];
- (2) половци же видѣвъше оудѣвъше [в Радзивилловском и Академическом списках оудѣвъше, в Ипатьевском ошибочно сѣдѣвъше] пущиша по земли воююще 'половци же, увидев, что победили, погнали по земле, воюя' [ПСРЛ I: 220; II: 211].

В обоих примерах в роли главного предиката выступает причастие, но он может быть выражен и финитной формой, ср. контекст из древнерусского перевода «Жития Андрея Юродивого»: мнѣше болише вида 'он думал, что видит сумасшедшего' в соответствии с греческим оборотом accusativus cum infinitivo — ἔδοξεν ἔξοχον βλέπειν, т. е. причастие вида (Nom. sing. m.) передает инфинитив βλέπειν 'видеть' [Молдован 2000: 398]. Такая же фраза в соответствии с тем же греческим оборотом обнаруживается в кирилло-мефодиевском переводе Евангелия от Луки (24:37): мыѣхъхъ дхъ видѣаште (Part. nom. pl. m.) 'они думали, что видят дух', ἔδοκουν πνεῦμα θεωρεῖν [Růžicka 1963: 193]. Аналогичные примеры при глаголах речи из древнеболгарского перевода «Слов Афанасия Александрийского против ариан» см. в [Vaillant 1977: 214]: аште ли же... исповѣдашѣтъ таковаа слышѣвъше (Part. nom. pl. m.) 'если же они признаются, что слышали такое', εἰ δὲ... ὁμολογοῦσιν ἀκηκοέναι и др.

Причастие в номинативной конструкции часто выполняет функцию связки при существительном или прилагательном, как в контексте из славянского перевода «Повести о Варлааме и Иоасафе»: убо елины, премудрии глаголюще суще, уродеви быша 'ибо эллины, утверждавшие, что они мудры, оказались глупцами', οἱ οὖν Ἕλληνες σοφοὶ λέγοντες εἶναι ἐμωράνθησαν [Лебедева 1985: 219]². Здесь, как и в трех предыдущих примерах, причастие суще передает греческий инфинитив εἶναι.

В древнерусском языке причастная номинативная конструкция конкурировала с изъяснительным придаточным предложением и постепенно вышла из употребления. Однако пример из Галицкой летописи, составленной в 1260-е гг., показывает, что конструкция еще сохраняла актуальность во второй половине XIII в.:

- (3) вставиша же в Берестин. Володимера Пиньского. и Оугровъчанъзи и Берестъанъзи. стеречи земѣ. ѿ Атыаъзъ [так!]. в то же время воеваша Литва Лахъзи мнѣше мирни соущи. и придоша ко Берестью.

¹ Успенский сборник XII—XIII вв. здесь и ниже цитируется по изданию [Князевская и др. 1971].

² Этот пример сообщила мне М. С. Мушинская.

Болодѣмъ же р(ѣ)е. ѡже естѣ мирни но мнѣ естѣ не мирни. и изидѣ на нѣ ‘оставили же в Берестии Владимира Пинского и угровчан и берестьян защищать землю от ятвягов. А в это время Литва воевала с ляхами, считая, что сохраняет мир [с Владимиром], и подступила к Берестию. Владимир же сказал: «Если вы и мирные [или: А что вы мирные], но для меня вы не мирные». И пошел на них [войной]» [ПСРЛ II: 754].

Литва, воюя с ляхами, считала, что не нарушает этим мира с Владимиром, но Владимир, видя в ляхах своих союзников, смотрел на дело иначе.

Рассматриваемая конструкция встречается также в церковнославянских памятниках XIV—XVI вв., переписанных с более ранних оригиналов: Мериле Праведном, Измарагде, Великих Четых минеях и др. Она зафиксирована в «Слове о рассуждении любви и правде» Ермолая-Еразма, русского публициста XVI в.: *Сему бо низшему мниши от любви дав милостину, у инаго же убога же во вражду взял еси — несть се исполнение любви, но большеи вражде еже к насилуемым* ‘Ты думаешь, что от любви дал милостину этому низшему, а у другого, тоже бедняка, отнял по вражде — это исполнение не любви, но большей вражды к насилуемым’ [Клибанов 1960: 195]. Из-за недостатка материала трудно сказать, свидетельствует ли этот пример о том, что конструкция еще сохранялась в русском языке XVI в.

Иногда причастная номинативная предикация присоединяется при помощи союза *ѡко* ‘что, будто’. Использование союза характерно для Киевской летописи:

- (4) и возвратиса ко своимъ. *мнѣмъ ѡко оуже побѣдѣмъ* *ѡга* а не вѣдъз *свои(хъ)* *побѣженъ(хъ)* ‘и возвратился к своим, думая, что уже победил Олега, не зная, что его [войско] побеждено’ [ПСРЛ II: 692].

При трактовке причастных форм в средневековых славянских текстах приходится принимать во внимание тот факт, что нечленные причастия рано начали утрачивать склонение и исконные формы именительного падежа на -це/-ци и -ше/-ши (реже на -а/-а или -з) стали превращаться в универсальные неизменяемые формы, прежде всего как раз в предикативных конструкциях. Однако до XIII в. процесс утраты согласования по падежу³ протекал с заметной регулярностью только при несовпадении субъекта главной и зависимой предикаций [Пичхадзе 2016; Живов 2017: 375—376, 385, 426—430]. Это дает основание видеть в процитированных примерах с идентичным субъектом главного и зависимого предикатов именно формы именительного падежа — тем более что иногда их древность подтверждается текстологическими данными, как в случае с примерами из Повести временных лет, зафиксированными обеими ветвями традиции, т. е. Лаврентьевским и Ипатьевским сводами. Сопоставление с другими индоевропейскими языками подтверждает, что в приведенных примерах причастие выступает в форме именительного падежа.

Конструкция, идентичная славянской, известна балтийским языкам, ср. др.-лит. *szinnok* (Imper. 2 sing.) *essas* (Part. praes. nom. m.) *vszwaidsas* (Nom.) ‘знай, что ты надзиратель (букв.: знай сущий надзиратель)’; литов. *jis mănė* (Pst. 3 sing.) *daugiau žinas* (Part. praes. nom. m.) ‘он думал, что больше знает (букв.: думал больше знающий)’; лтш. *zināju* (Pst. 1 sing.) *tēvu klausījusi* (Part. pst. nom. f.) ‘я знала, что слушалась (букв.: знала... слушавшаяся) отца’ [Амбразис 1990: 135, 137]. В балтийских языках эта конструкция получила более широкое распространение, чем в славянских: она употребляется не только при глаголах восприятия и передачи информации, но и при глаголах эмоционального состояния [Там же: 124—125, 134—135].

Точно такая же конструкция функционировала в древнегреческом языке; здесь она тоже была возможна не только при глаголах восприятия, мысли и речи, но и при глаголах, обозначающих эмоции. В традиционных греческих грамматиках именительный падеж причастия при совпадении его субъекта с субъектом матричного глагола трактовался как результат аттракции падежа [Kühner, Gerth 1898: 48, § 481]:

³ Рассогласование по числу довольно часто фиксируется уже с конца XII в., прежде всего в памятниках киевского происхождения [Живов 2017: 431—432; Пичхадзе 2016: 500].

- (5) **οἶδα** θνητὸς ὢν (Part. praes. nom. m.) ‘я знаю, что смертен (букв.: знаю смертный сущий)’ Th. 7.47;
- (6) **έώρων** οὐ **κατορθοῦντες** (Part. praes. nom. m.) καὶ τοὺς στρατιώτας ἀχθομένους ‘они видели, что [они сами] не достигают успеха (букв.: видели не преуспевающие) и что воины недовольны’ Th. 4, 27.

В примере (6) причастие **κατορθοῦντες** ‘преуспевающие’ употреблено в именительном падеже, потому что его субъект идентичен субъекту главного глагола **έώρων** ‘они видели’, а причастие **ἀχθομένους** ‘негодующих’ — в винительном, потому что его субъект **τοὺς στρατιώτας** ‘воинов’ отличен от субъекта главного глагола и стоит в винительном падеже.

- (7) **νόμιζε** δ’, ἐὰν ἐμὲ νῦν ἀποκτείνης, ἄνδρα ἀγαθὸν **ἀποκτείνων** (Part. praes. nom. m.) ‘имей в виду, что, если ты меня сейчас убьешь, убьешь порядочного человека’ (букв.: ‘имей в виду... порядочного человека убивающий’) X. A. 6.6.24 [Ibid.: 70, § 484].

Поскольку существует параллелизм между вложенными причастными и инфинитивными предикациями, важно отметить, что в древнегреческом именительный падеж при совпадении субъекта фиксируется не только в причастных, но и в инфинитивных вложенных предикациях при глаголах мысли и речи. Обычно в таких случаях употребляется *accusativus cum infinitivo*, но нередко встречается и именительный с инфинитивом:

- (8) **λέγοντος** ὥς... οὔτε αὐτὸς (Nom.) **οἶός** (Nom.) τε **ἔσθαι** (Inf.) ἄρχειν, οὔτε **ἄλλον οὐδένα** (Acc.) ‘говоря, что ни он сам способен будет властвовать, ни кто-либо другой’ Herod. 4, 137 [Gonda 1955—1956: 293];
- (9) **Κλέων** οὐκ **ἔφη αὐτός** (Nom.), **ἀλλ’ ἐκείνον** (Acc.) **στρατηγεῖν** (Inf.) ‘Клеонт сказал что не он сам, но тот возглавит войско’ Th. 4.28 и т. п. [Kühner, Gerth 1898: 31—32, § 476].

В этих примерах субъект инфинитива, кореферентный говорящему, обозначен формой именительного падежа, а субъект, отличный от него, — формой винительного.

Номинативная причастная конструкция при глаголах восприятия, мысли и речи употреблялась также в санскрите (см. ниже).

2. Номинативная конструкция при выраженном объекте

Как и в упомянутой выше конструкции с придаточным изъяснительным типа *оуслышавше Русь уже пришли на ни(х)*, в причастной номинативной конструкции глагол восприятия может управлять одновременно двумя актантами — прямым дополнением, выраженным именной группой, и сентенциальным актантом — причастной предикацией.

В греческом, если объект главного предиката выражен на поверхностном уровне, он имеет форму винительного падежа, а причастие согласуется с ним в падеже, т. е. возникает конструкция *accusativus cum participio*. Вот контекст, в котором представлены обе конструкции — номинативная с имплицитным объектом и аккузативная с эксплицитным объектом: οὐχ ᾧ **κρείττων ἦδει ὢν** (Part. praes. nom. m.)... ἀλλ’ ἅπερ εὔ **ἦδει ἑαυτὸν** (Pron. acc. m.) **ἦττονα ὄντα** (Part. praes. acc. m.) ‘не потому, что знал, что [он] сильнее (букв.: знал сильнейший сущий), но потому, что хорошо знал, что он слабее (букв.: знал себя слабейшего сущего)’ X. C. 1.4.4 и т. п. [Kühner, Gerth 1898: 49, § 481]. В славянских языках тоже использовалось аккузативное согласование [Havránek 1928: 157, 160; Večerka 1993: 136], ср. в Супрасльской рукописи⁴: *оумом себе си тамо жшита творж* ‘в уме себя представляю пребывающим там’ в соответствии с греческим *ἐμαυτὸν εἶναι ἐκεῖ φαντάζομαι* 343.17—18 — в славянском переводе *себе* передает полноударную форму местоимения *ἐμαυτὸν* ‘меня самого’, а причастие *жшита* — инфинитив *εἶναι*. В древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого» оборот

⁴ Здесь и ниже Супрасльская рукопись цитируется по изданию [Заимов, Капалдо 1982—1983].

εἴηενу себе мнѣши сущю ‘думая о себе, что она безумна’ соответствует греческой номинативной конструкции с глаголом νομίζω ‘считать’ в медиальном залоге: ὁσπερ τις **πασυχῇ νομιζομένη καὶ πάρετος** ‘считая (себя) больной и бессильной’ (букв.: больная и бессильная) [Молдован 2000: 324]. Аккузативное согласование с полноударной формой местоимения, поддержанное латинскими образцами, отмечается в аналогичных конструкциях в литовской и латышской письменности XVI—XVII вв. [Амбразас 1990: 140]. Лишь в единичных случаях фиксируется в славянских текстах аккузативное согласование при объекте, выраженном энклитической формой сѧ, ср. в «Римском патерике» (древнеболгарском переводном памятнике X в.) в соответствии с греческой конструкцией accusativus cum participio: **каде сѧ (Асс.) видѣ на смрти соуща** (Part. praes. ass. m.) ‘как увидел себя при смерти’, ἦνικα **λοιπὸν ἑαυτὸν** (Асс.) τῷ τέλει **προσεγγίζοντα** (Part. praes. ass. m.) διέγων [Дидди 2001: 483].

Однако, в отличие от греческого, в славянских памятниках регулярно встречаются контексты, в которых прямое дополнение главного предиката выражено на поверхностном уровне, тем не менее причастие в составе вложенной конструкции не согласуется с ним, сохраняя именительный падеж. Такие конструкции возможны, даже если объект выражается полноударной формой себе, ср. в «Римском патерике»: **аще себе како мнить в недѣѣхъ сѧ** ‘если думает о себе, что он болен’, в греческом иначе — **ἐὰν ἑαυτὸν εἶναι τι νομίζῃ** ‘если себя чем-то [значительным] считает’ [Дидди 2001: 7]. Если же объект выражен энклитической формой возвратного местоимения, номинативная предикация является регулярной:

- (10) **и тако видѣ сѧ** [Святополк] **желание срѣце** (так!) **своего оудолучивъ**. **абие не възпомануо зълааго** **своего оубиства** ‘и поскольку увидел, что получил желание своего сердца, сразу забыл о своем злом убийстве’ Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику XII—XIII вв., 12г.

Можно допустить, что такую ситуацию иллюстрирует следующий пример из Чтения о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику XIV—XV вв.⁵, 112г:

- (11) **повѣдаше бо сѧ изъ иного града пришедъши** ‘сказала, что пришла из другого города (букв.: сказала себя... пришедшая)’ — если не считать, что пришедъши представляет собой уже неизменяемую форму причастия, относящуюся к местоимению сѧ, а не склоняемую форму именительного падежа женского рода, согласованную с субъектом главного глагола.

В отличие от контекстов с имплицитным объектом, при выраженном объекте в номинативной конструкции употребляются не только действительные причастия, но и имена (прилагательные и существительные) и местоимения, а также пассивные причастия, в древний период близкие по своей синтаксической функции к прилагательным. В контекстах с существительными, местоимениями и адъективами представлена уже не вложенная предикация, а конструкция с предикативным членом (casus duplex), выраженным именем, местоимением или пассивным причастием. Так, в Ио. 8:53 в большинстве списков славянского Евангелия читается **кого сѧ самъ тѣи твориши** ‘кем ты себя сам считаешь?’, что буквально соответствует греческому двойному винительному τίνα (Асс.) σεαυτὸν (Асс.) ποιεῖς, но в Зографском и более позднем (XIII—XIV вв.) Баницком евангелии на месте винительного падежа вопросительного местоимения представлен именительный: **къто сѧ самъ тѣи твориши** [Алексеев и др. 1998: 42]. В древнечешском переводе «Бесед» папы Григория Двоеслова по русскому списку XIII в. о тех, кто боится креститься, говорится: **игда видѣше сѧ грѣшнии**. **сѣйна поутѣ въззати**. **трепещють** ‘когда, видя себя грешниками, боясь пойти по пути таинства (т. е. крещения)’; конструкция с именительным грѣшнии передает двойной винительный латинского оригинала *cumque se* (Асс.) *peccatores* (Асс.) *considerant* ‘считают себя грешниками’ [ССЯ, I: 189].

⁵ Рукопись РГАДА, ф. 381.1, № 53 здесь и ниже цитируется по электронной копии, доступной на сайте: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_53.

Б. Гавранек отмечал, что в средневековых славянских памятниках номинативное согласование при выраженном объекте встречается чаще, чем аккузативное, — последнее характерно для переводных текстов, испытывающих влияние латинских оригиналов, т. е. ситуация напоминает ту, что наблюдается в литовских и латышских переводах XVI—XVII вв. Он приводит целый ряд примеров из разных славянских языков, в которых выраженный винительным падежом объект *са* кореферентен номинативному предикативному члену [Havránek 1928: 158—160]:

- (12) *стыдася не тѣчыѣ отъ иного видѣтиса. нѣ и самѣ нагѣ видѣти са* ‘стыдаться не только того, что его увидит кто-то другой, но и сам себя увидеть нагим (букв.: нагой)’, *ἐαυτὸν γυμνὸν θεωρεῖν* Супрасльская рукопись 280.21;
- (13) *оубоужь же са видѣ са протѣ отъ оковъ* ‘пробудившись же, увидел себя свободным (букв.: свободен) от оков’ Сказание о Борисе и Глебе с Чудесами по Успенскому сборнику XII—XIII вв., 23б; и *оубоужь са отъ сна видѣ са съдравъ* ‘и пробудившись ото сна, увидел себя здоровым (букв.: здоров)’ там же, 19г;
- (14) др.-чеш. *když se v tom neduostojen činí* ‘если сочтет себя в этом недостойным (букв.: недостойн)’, *indignum se iudicaverit*;
- (15) ст.-сербск. не *чуѣмо мѣ се Ѹ ничемъ дльжни* ‘мы не чувствуем себя чем-то ему обязанными (букв.: обязаны)’ и др.

Хотя *нагѣ*, *протѣ*, *съдравъ* и т. п. формально можно трактовать как винительный падеж, такая трактовка, с учетом многочисленности подобных примеров, едва ли приемлема, поскольку прилагательные, особенно постпозитивные, уже в древнейших восточнославянских памятниках обычно употреблялись в форме винительного падежа, омонимичного родительному, даже если определяемое ими существительное или местоимение сохраняло старую форму винительного, омонимичного именительному [Крысько 1994: 134—136]. Такая ситуация характерна уже для старославянского [Вайан 1952: 207—208].

Таким образом, в славянских языках при выраженном объекте было возможно альтернативное согласование — аккузативное и номинативное. В средневековых памятниках наблюдаются колебания в выборе согласования. Б. Гавранек приводит древнечешский пример: *se ve všem věren* (Nom. m.) *čině* ‘притворяясь верным (букв.: верен) во всем’ в более поздних рукописях (XV в.) заменяется на *věrna* (Acc. m.) *se čině* [Havránek 1928: 157].

Номинативные конструкции с выраженным объектом в винительном падеже отмечены и в прусских текстах, но только в качестве калек с иноязычных оригиналов, ср. прусск. *posinna mien* (Pron. 1 acc.) *pirsdau Deiwan wissans grikans skellants* (Part. praes. nom.) ‘признаю себя (букв.: меня) перед Богом во всех грехах виновным’ (*bekenne mich für Gott aller sünden schuldig*) Энхиридион 1561 г. [Амбразас 1990: 128]. Таким образом, отсутствие согласования в падеже причастного предиката или именного предикативного члена с прямым объектом представляет собой славянскую инновацию. Возможность такого рассогласования реализовалась в славянских языках не только в номинативной конструкции — она явилась необходимым условием для развития творительного предикативного.

3. Номинативная конструкция при непереходных глаголах

Видимо, несогласованность в падеже субъекта номинативной конструкции с кореферентным дополнением послужила стимулом к переосмыслению в славянских языках энклитической формы винительного падежа возвратного местоимения *са* как глагольной частицы. В результате присоединения *са* глагол становился возвратным и терял валентность на прямое дополнение, выраженное именной группой. Так от глагола *творити* ‘производить впечатление, создавать видимость; утверждать’ в результате присоединения *са* образовался глагол *творитиса* ‘делать вид, притворяться; утверждать о себе’, широко

распространенный с древнейших времен в церковнославянской и древнерусской письменности, ср. в новгородской берестяной грамоте № 550 посл. трети XII в.: а вежники творатеса вѣдающе собыславоу цетыри гривне ‘а вежники утверждают, что они отдали Сбыславу четыре гривны’ [Зализняк 2004: 401]. Сходным образом развивались глаголы мысли и знания: познати са → познатиса ‘почувствовать себя’, мынѣти са → мынѣтиса ‘думать о самом себе’, (сѣ)вѣдѣти са → (сѣ)вѣдѣтиса ‘знать о самом себе’; эти возвратные формы иллюстрируются в исторических словарях многочисленными примерами. Из глаголов речи в древности отмечены повѣдѣтиса / повѣдатиса, исповѣдѣтиса / исповѣдатиса. По-видимому, лишь в старорусский период возник глагол *сказатися* ‘сказать о себе самом’, зафиксированный с XVI в. и употреблявшийся с предикативным членом в именительном падеже: *сказалися болны* и т. п. [СлРЯ XI—XVII вв., 24: 168], — можно предположить, что причастная номинативная конструкция в это время уже перестала быть употребительной. Однако глаголы непосредственного чувственного восприятия редко сочетаются с са: к приведенным в предыдущем разделе примерам (*сѣидася... самъ нагъ видѣти са*, *видѣ са простъ отъ оковъ*, *видѣ са сѣдравъ*) словари ничего не добавляют, и существование возвратного глагола *видѣтиса* ‘видеть самого себя’, постулируемое в [СлРЯ XI—XVII вв., 2: 175], представляется проблематичным. Показателен контекст из «Римского патерика»: *кдѣ са (Асс.) видѣ на смрти соуца* (Part. praes. acc. m.), *братъ са повѣдѣ имѣа* (Part. praes. nom. m.) *сѣкровены ѿ златники* ‘когда увидел себя при смерти, рассказал брату, что у него [т. е. у говорящего] спрятаны три золотые монеты’, *ἡνίκα λοιπὸν ἑαυτὸν (Асс.) τῷ τέλει προσεγγίζοντα* (Part. praes. acc. m.) *διέγνω... ἐδηλοποίησεν, ὅτι κεκρυμμένα τρία τοῦ χρυσοῦ νομίσματα εἶχε* (Imperf. 3 sing.) [Дидди 2001: 483] — здесь при возвратном глаголе речи *повѣдѣтиса* предложено номинативное предложение (хотя в греческом оригинале ей соответствует придаточное предложение), а при глаголе восприятия *видѣти* — оборот «винительный с причастием» (в полном соответствии с оригиналом), включающий местоимение *са*, которое не может быть глагольной частицей ввиду наличия согласованного с ним в винительном падеже причастия.

Конструкции с возвратными глаголами полностью синонимичны исходным конструкциям с переходными глаголами. В памятниках переходные и возвратные глаголы встречаются в идентичных контекстах. Например, в описании одного из чудес Бориса и Глеба по версии Сильвестровского сборника XIV—XV вв. употреблена конструкция с переходным глаголом: *и възатса оумъ ѿ него. и се мнѣше въ цѣкви* (так в рукописи) *сѣдаа сѣю. и въздрѣвъ видѣ сѣю бориса и глѣба. исходяща ѿ алтара идуща к нему* ‘и отнялся ум от него, и вот он представил [себя] сидящим (букв.: сидящий) в церкви двух святых и, подняв взор, увидел святых Бориса и Глеба, выходящих из алтаря и идущих к нему’ 112а; в версии Успенского сборника XII—XIII вв. глагол имеет возвратную форму: *бысть въ истоуплении. и видѣ видѣние. и мнѣшеся оумъмъ сѣдаа оу цѣкве сѣю. и оудрѣ сѣаа мѣнка бориса и глѣба. исходяща акы изо алтара. и идуща къ нему*. В «Римском патерике» конструкции с переходным и возвратным глаголом употреблены в одной фразе: *и пакы възвративса скоро въ тѣло. адова мѣченіа видѣвъ глѣше. и неицѣтомаа мѣста огньаа видѣвъ са повѣдааше* ‘и снова возвратившись вскоре в [свое] тело, говорил, что видел адовы мучения и рассказывал, что видел бесчисленные огненные места’, в греч. только *ἐφωράκεναι ἑλεγε* [Дидди 2001: 441].

Применительно к древнерусскому материалу часто бывает невозможно определить, имеем ли мы дело с местоимением в винительном падеже или с частицей возвратного глагола, как, например, в описании покушения Владимира на Рогнеду из Суздальской летописи:

- (16) и давши же мечъ сынови своему Изяславу в руку нагъ · и р(ч)е ꙗко внидетъ ти ѿцѣ рци възстѣпа · ѿче ꙗеда ѣдинъ мнишися хода · Володимеръ же р(ч)е · а хто та мнѣа сдѣ · и повергъ мечъ свон · и созва боларъ · и повѣда и(м) · они же рекоша оуже не оуби еа дѣтати дѣла сего ‘и дав обнаженный меч в руки сыну своему Изяславу, сказала: «Как войдет твой отец, скажи, выйдя: «Отец, неужели ты думаешь (о себе), что ты один ходишь?»» Владимир же сказал: «А кто думал, что ты здесь?» И, бросив меч, созвал бояр и рассказал им. Они же сказали: «Уж не убивай ее ради этого ребенка»’ [ПСРЛ I: 300].

В роли предикативного члена при таких возвратных глаголах, как и при выраженном объекте, могут выступать и имена, например прилагательные, как в контексте из Киевской летописи:

- (17) ко преставлению своему в болезни тѣжцыѣ. познаса хоудѣ. и созва моужа своѣа. и всю Галичскую землю 'при смерти, в тяжелой болезни он почувствовал себя слабым (букв.: слаб) и созвал своих людей и всю Галицкую землю' [ПСРЛ II: 656].

В Киевской летописи, как и в конструкции с имплицитным объектом, причастие может присоединяться союзом *ѣако*: мнѣтьсѣ *ѣако* *дѣла достигше* 244в33 'думают о себе, будто небес достигли' [Там же: 714], ср. в «Слове Денисья» из «Златой цепи»: мнѣхутьсѣ *оумомъ ѣако* на нб(ѣ)и сѣдѣше 'думали о себе, будто на небесах сидят' РГБ, ф. 304.1 (Тр.-Серг.), № 11, XIV в.

Такие же неоднозначные случаи встречаются и в других славянских языках. Например, в древнечешском переводе «Бесед» папы Григория Двоеслова по русскому списку XIII в. читается: *стражи же непыцѣваху са самъсонъ крѣпкъзи оуже ѣмше* 'стражи же думали, что уже взяли силача Самсона' *deputaverunt et Samson fortissimum se* (Acc.) *iam comprehendisse* (Inf.) *gavisi sunt* (в латинском оригинале accusativus cum infinitivo) [ССЯ, II: 397]. Сомнительно, что на основании этого контекста следовало бы постулировать существование глагола *непыцѣватисѣ* 'думать о самом себе', который нигде больше не засвидетельствован; видимо, корректнее рассматривать *са* как прямое дополнение, тем более что оно соответствует местоимению *se* в оригинале.

Превращение переходных глаголов мысли и речи в возвратные характерно и для балтийских языков. Здесь к глаголу присоединялась частица *si*, происходящая из энклитической формы местоимения *si*, обладавшей как дативным, так и аккузативным значением [Амбразас 1990: 138—140]. В. Амбразас подчеркивает, что имена выступают в номинативной конструкции именно при возвратных формах глагола: в др.-литов. *ne wertá sakos* 'считает себя недостойной' (в соответствии с польским *się niegodną poczyta*) именительный прилагательного *wertá* 'достойна' возможен при возвратной форме *sakos*, но невозможен при активной форме **ne wertá sako* [Там же: 140]. Точно так же в славянском возможно *мынаше сѣдравъ* 'считал себя здоровым', но весьма сомнительно **мынаше сѣдравъ* с тем же значением.

Развитие возвратных глаголов в номинативной конструкции в балтийском и славянском напоминает ситуацию в ведическом санскрите, где предикативный именительный как от причастий, так и от имен употреблялся при медиальных глаголах, обозначающих восприятие или именованье субъектом самого себя, заявление чего-либо о себе самом:

- (18) *sómaṃ manyate* (Praes. 3 sg.) *papivān* (Part. perf. nom. m.) 'он думает, что выпил сому' [Delbrück 1888: 104];
- (19) *tvam katthase* (Praes. 2 sg.), *mahārāja satyavādī* (Subst. nom. m.) *dr̥ḡhavrataḥ* (Subst. nom. m.) 'ты хвалишься, махараджа, что правдив, тверд в клятвах' (R.) [Oberlies 2003: 308—309].

По-видимому, наиболее архаичная стадия развития номинативной предикативной конструкции отражена в приведенных выше древнегреческих, балтийских и славянских примерах, где матричный глагол имеет переходную диатезу и обладает валентностью как на прямое дополнение, выраженное именной группой, так и на сентенциальное дополнение. При имплицитном объекте валентность матричного переходного глагола может заполняться исключительно причастной предикацией. Если же глагол управляет винительным падежом возвратного местоимения или имеет медиальную форму, от матричного глагола зависит либо причастная конструкция, либо конструкция с предикативным членом, который может быть выражен именем, местоимением или адъективом. При изначально непереходных глаголах, по-видимому, употреблялась только именная конструкция. К числу глаголов восприятия, имеющих только интранзитивную диатезу, относится глагол *сѣхъти* 'слыть', который

в средневековых славянских текстах отмечен только с именной номинативной конструкцией: иже *зълъ* словеть ‘кто злым слывет’, *зѣи* *словесуци* и *прѣвид*(и)ми ѿ всѣхъ ‘дурными слывающие и всеми обижаемыми’, *словеть бѣ* мстыи *гѣ* ‘слывет Богом мщения Господь’, а *чей словеть*, *того не упомнить* ‘а чьим его зовут, того он не помнит’ и т. п. [СДРЯ XI—XIV вв., 11: 370; СлРЯ XI—XVII вв., 25: 137—138]. Показательно, что и греческий глагол ἀκούω ‘слышать; слыть’ в последнем значении употреблялся обычно с именной номинативной конструкцией: ἀκούειν κακός (καλός) ‘слыть дурным (хорошим)’, κόλακες καὶ θεοῖς ἐχθροὶ ... ἀκούουσι D. 18.46 ‘слыгут льстецами и врагами богов’; однако изредка он мог присоединять инфинитивную конструкцию: ἦκουον εἶναι πρῶτοι Hdt. 3.131 ‘они слыли первыми’ [Liddel, Scott 1996: 54] — вероятно, по аналогии с переходным ἀκούω ‘слышать’, присоединявшим accusativus cum infinitivo. Латинский глагол *audio* ‘слышать; слыть’ в значении ‘слыть’ также управлял именной номинативной конструкцией [Lewis, Short 1958: 202].

Таким образом, выбор между вложенной причастной предикацией и конструкцией со вторым предикативным падежом в славянских языках был обусловлен диатезой главного предиката:

Таблица

Диатеза глагола	Действительные причастия в номинативной конструкции	Имена и пассивные причастия в номинативной конструкции
транзитивная	+	—
медialная	+	+
интранзитивная	—	+

Можно предположить, что так же обстояло дело и в других индоевропейских языках. Процитированный выше пример из «Жития Андрея Юродивого» τὴς *πασχικῆς νομίζομένης καὶ πάρετος* ‘считая себя больной и бессильной’ содержит причастие в медialной форме νομίζομένη, от которого зависят два прилагательных в именительном падеже, что было бы недопустимо при активной форме причастия (*πασχικῆς νομίζουσα καὶ πάρετος).

4. Приписывание падежа в предикативной причастной и именной конструкции

Отсутствие согласования по падежу между субъектом зависимого предиката в номинативной конструкции и кореферентным дополнением свидетельствует о том, что падеж субъекта зависимого предиката не определялся согласованием с кореферентным объектом. Соотносился ли падеж субъекта зависимого предиката с падежом кореферентного субъекта главного предиката? Чтобы установить, существовало ли падежное согласование между субъектом номинативной конструкции и субъектом главного предиката, нужно рассмотреть контексты, в которых субъект главного предиката стоял бы в косвенном падеже — т. е. главный предикат был бы выражен причастием в косвенном падеже или инфинитивом, субъект которого выражается формой дательного падежа.

Если предикативная конструкция является именной, имя в ее составе согласуется в падеже с субъектом главного предиката:

- (20) *гѣавзи* *слова* *къ творившомуся мръзѣѣ*. *въстани рече брате* ‘говоривший слова при творившемся мертвым: «Встань, — сказал он, — брат!»» (в греч. πρὸς τὸν πλασθέντα τὸν θάνατον ‘к изображавшему смерть’) «Житие Епифания Кипрского» по Успенскому сборнику XII—XIII вв., 160в32;
- (21) *оуча братию не възноситисѣ ни о чьмъже. нъ сѣмереноу быти мниху. а самому мьнышю всѣхъ творитисѣ* ‘уча братию не гордиться ничем, но быть смиренным монахом, а самому считать себя меньше всех’ «Житие Феодосия Печерского» по Успенскому сборнику XII—XIII вв., 43г7.

Однако в случае причастной предикации номинативная конструкция может сохраняться, даже если субъект главного предиката выражен формой косвенного падежа, ср. в Мариинском евангелии (Лк. 20:20): *посълаша застъдникъ. творашася* (Part. praes. acc. m.) *праведьници* (Nom.) *сжште* (Part. praes. nom. m.) ‘послали соглядатаев, притворяющихся праведниками’, *ἐγκαθέτους ὑποκρινομένους ἑαυτοὺς δικαίους εἶναι*. Писец Зографского евангелия даже перенес именительный падеж вложенной предикации на матричное причастие, что привело к рассогласованию матричного причастия с существительным, атрибутом которого оно является, т. е. причастие, по-видимому, было переосмыслено как атрибут субъекта глагола *посълати*: *посълаша дѣлателя* (Acc.) *твораштеса* (Nom.) *праведьници сжште* [ССЯ, IV: 440].

К сожалению, отсутствие материала не позволяет определить, насколько регулярно в номинативной конструкции сохранялся именительный падеж, не согласующийся с падежом главного предиката. Тем не менее приведенный пример указывает на то, что сохранение именительного падежа зависимого причастия при косвенном падеже главного предиката было возможно.

Отсутствие согласования в падеже между субъектом предикативной конструкции и кореферентным субъектом главного предиката встречается не только в причастных, но и в инфинитивных конструкциях, которые калькируют в славянских переводных памятниках греческие обороты *accusativus cum infinitivo* и *nominativus cum infinitivo*, ср. сохранение дательного падежа субъекта в инфинитивной конструкции в Изборнике 1076 г., 223—223об.: *въжидюшѣ на блудъ. не тѣкъмо немощныѣ. нъ и тѣхъ мынаштинхъса* (Part. praes. acc. m.) *правдѣномъ* (Dat.) *быти. и въздържникомъ* (Dat.) *и цѣлоуумышнымъ* (Dat.) ‘разжигают на блуд не только слабых, но и думающих о себе, что они праведны и воздержанны и целомудренны’, *καὶ αὐτοὺς τοὺς δοκοῦντας* (Acc.) *εἶναι* (Inf.) *δικαίους* (Acc.) *καὶ ἐγκρατεῖς* (Acc.) *καὶ σώφρονας* (Acc.) [И76, I: 601—602; II: 71].

Подобные факты свидетельствуют об определенной автономности вложенных предикаций, сближающей их с придаточными предложениями: их субъект может стоять в падеже, независимом от главного предиката и присущем самой предикативной конструкции в соответствии с ее синтаксической ролью. Номинативная причастная предикация в этом отношении схожа с другими сентенциальными причастными предикациями, ср. гипотезу о приписывании падежа субъекта внутри вложенной предикации, высказанную по поводу аналогичных славянским литовских конструкций «винительный с причастием» и «дательный самостоятельный» в [Аркадьев 2011: 66—73; Arkadiev 2013: 401, 433].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеев и др. 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подг. Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б., Азарова И. В., Алексеева Е. Л., Ванеева Е. И., Пентковский А. М., Ромодановская В. А., Ткачева Т. В. СПб.: Российское Библейское Общество, 1998.
- Дидди 2001 — Дидди К. Патерик Римский: Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе. М.: Индрик, 2001.
- Займов, Капалдо 1982—1983 — Супрасълски или Ретков сборник = Супрасльская рукопись: В 2 т. / Увод и комент. на старобълг. текст Йордан Займов; Подбор и комент. на гр. текст Марио Капалдо. София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1982—1983.
- И76 I-II — Изборник 1076 г. 2-е изд. / Подгот. Мушинская М. С., Мишина Е. А., Голышенко В. С. Под ред. Молдована А. М. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Клибанов 1960 — Клибанов А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР / Лихачев Д. С. (отв. ред.). Т. XVI. М.; Л.: Наука, 1960. С. 178—207.
- Князевская и др. 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. Князевская О. А., Демянов В. Г., Ляпон М. В. Под ред. Коткова С. И. М.: Наука, 1971.
- Лебедева 1985 — Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и комент. Лебедевой И. Н. Л.: Наука, 1985.

- Молдован 2000 — Молдован А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.
- ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.
- ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.
- СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Вып. 1—. М.: Русский язык, 1988—.
- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII в. Вып. I—XXIX—. М.: Наука, 1975—2011—.
- ССЯ — Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. I—IV. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. (= *Slovník jazyka staroslověnského* / *Lexicon linguae paleoslovenicae*. Т. I—IV. Praha: Československá Akademie Věd, 1958—1997).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Амбразас 1990 — Амбразас В. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас, 1990. [Ambrasas V. *Sravnitel'nyi sintaksis prichastii baltiskikh yazykov* [Comparative syntax of participles in the Baltic languages]. Vilnius: Moksas, 1990.]
- Аркадьев 2011 — Аркадьев П. М. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 44—75. [Arkad'ev P. M. On the syntax of «accusativus cum participio» constructions in Lithuanian. *Voprosy jazykoznanija*. 2011. No. 5. Pp. 44—75.]
- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. [Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A manual on Old Slavonic]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Живов 2017 — Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. Т. I. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. [Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: V 2 t. T. I*. [History of the language of Russian literary texts: In 2 vol. Vol. I. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialect* [The Old Novgorod dialect]. 2nd ed., revised. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Крысько 1994 — Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994. [Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka* [Evolution of the category of animacy in the history of the Russian language]. Moscow: Lyceum, 1994.]
- Пичхадзе 2016 — Пичхадзе А. А. О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 499—515. [Pichkhadze A. A. On predicative vs. attributive participles in Old Russian: Indeclinable participles. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. No. 10. [Proceedings of Vinogradov Russian Language Institute. Vol. 10] Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2016. Pp. 499—515.]
- Потебня 1958 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М.: Учпедгиз, 1958. [Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike. T. I—II*. [From the notes on the Russian grammar]. Vol. I—II. Moscow: Uchpedgiz, 1958.]
- Янин и др. 2015 — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001—2014 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001—2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Arkadiev 2013 — Arkadiev P. M. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective. *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. P. 397—437.
- Delbrück 1888 — Delbrück B. *Altindische Syntax*. Halle: Verl. der Buchhandlung des Waisenhauses, 1888.
- Dubinsky, Davies 2006 — Dubinsky S. W., Davies W. D. Control and raising. *Encyclopedia of language & linguistics*. Brown K. (ed.). 2nd ed. Vol. 3. Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 131—139.
- Gonda 1955—1956 — Gonda J. Defining the nominative. *Lingua*. 1955—1956. Vol. V. Pp. 288—297.
- Havránek 1928 — Havránek B. *Genera verbi v slovanských jazycích*. Vol. I. (1. část). Praha: Královská česká společnost nauk, 1928.
- Kühner, Gerth 1898 — Kühner R., Gerth B. *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Teil II: Satzlehre*. Hanover; Leipzig, 1898. Available at: <http://www.perseus.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/getobject.pl?c.20:6:2:1.NewPerseusMonographs>.

- Lehmann 1988 — Lehmann Ch. Towards a typology of clause linkage. Haiman J., Thompson S. A. (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 181—225. (= Typological Studies in Language, 18.)
- Lewis, Short 1958 — Lewis Ch. T., Short Ch. *A new Latin dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1958.
- Liddel, Scott 1996 — Liddell H. G., Scott R. (eds.). *A Greek-English lexicon*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Oberlies 2003 — Oberlies Th. *A grammar of Epic Sanskrit*. Berlin: de Gruyter, 2003.
- Pichkhadze 2012 — Pichkhadze A. Subject of subordinate clause as object with verbs of perception, thought, and communication in Old Russian. *Slověne*. 2012. Vol. 1. No. 1. Pp. 52—60.
- Růžička 1963 — Růžička R. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*. Berlin: Akademie Verlag, 1963.
- Vaillant 1977 — Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. T. 5: La syntaxe*. Paris: Éditions Klincksieck, 1977.
- Večerka 1993 — Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II: Die innere Satzstruktur* (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, XXXIV (XXVII, 2)). Freiburg: U. W. Weiher Verlag, 1993.

Получено / received 31.05.2017

Принято / accepted 27.06.2017

СИНТАКСИС РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА В СВЯЗИ С МЕТРИКОЙ, СТРОФИКОЙ, ЖАНРОМ СТИХОТВОРЕНИЯ*

© 2017

Наталья Викторовна Патроева

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, 185910, Российская Федерация; nvpatr@list.ru

Целью статьи является анализ основных тенденций, выявляющих тяготение того или иного жанра, типа метрической и строфической организации, к тому или иному структурному типу предложения. Поэтический синтаксис понимается широко — как синтаксическое построение стихотворного текста, основной единицей которого автор статьи считает предложение. С опорой на данные «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» делается вывод о том, что синтаксис эпохи русского барокко, классицизма и сентиментализма в целом отличается пристрастием к сложным предложениям (в среднем 62 % от общего количества конструкций), из них более половины составляют многочастные с одним или разными видами связи образования; сложносочиненные предложения составляют только 6 % от всех предложений, а сложноподчиненные встречаются более чем в два раза чаще (14 %); на долю бессоюзия приходится 18 % сложных конструкций; еще более 20 % от общего числа контекстов составляют сложные предложения с разными видами связи. Отмечаются последовательное стремление русских поэтов синтаксически упростить короткие (одно- и двустопные) двусложники, эксперименты с анапестом, дактилем и тактовиком; сложными построениями оказываются стихи, написанные силлабикой, длинными и средними ямбами, хореем, амфибрахием, вольными и разностопными размерами, логаядами, гексаметром и пентаметром. Важнейшая закономерность композиционно-синтаксической организации стихотворных текстов — сложное построение большинства нечетных по количеству строк строфических произведений, десятистиший и октав. Выявляется сложность синтаксической организации духовной оды, гимна, мадригала, послания, кантаты и сонета. На протяжении XVIII в. упрощается построение басен, эпиграмм и эпитафий, стансов, внежанровых стихотворений; синтаксически наиболее простой оказывается баллада.

Ключевые слова: малые и средние поэтические жанры, метрика, поэтический синтаксис, русская поэзия XVIII века, строфика

THE SYNTAX OF 18-CENTURY RUSSIAN POETRY IN CONNECTION WITH METRICS, STROPHIC ORGANIZATION, AND GENRE

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; nvpatr@list.ru

The article concerns the attraction of various types of metric or strophic organization and genre to a particular structural type of sentence. I understand poetic syntax as the syntactic organization of poetic text, the main unit whereof is a sentence. Drawing on the data from “The syntactic dictionary of Russian poetry of the 18th century”, I conclude that the syntax of the Russian Baroque, Classicist, and Sentimentalist poetry tends to have complex sentences (on average, 62 % of the total number of structures), more than a half

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

of them having multiple units with one or different types of connection. Complex sentences, on average, are only 6 % of the polypredicative structures, while compound sentences occur more than two times more frequently (14 %); asyndeton is 18 % of the complex structures; complex sentences with different types of connection are more than 20 % of the contexts. There is a consistent tendency to syntactically simplify short (monometer and dimeter) dissyllabic feet as well as experiments with the anapest, dactyl, accentual verse; complex structures are usually present in poems written in syllabic, long, and medium iamb, trochee, amphibrach, feet of free meter and different-feet meter, logaoedic verse, hexameter, and pentameter. The most important feature of the compositional and syntactic organization of poetic texts is complex construction of the majority of strophic poems, decimes, and octaves odd by the number of rows. The complexity of the syntactic organization of ode, hymn, madrigal, epistle, cantata, and sonnet is revealed. During the 18th century the structure of fables, epigrams, epitaphs, elegiac stanzas, poems without genre is simplified; ballad turns out to be syntactically the simplest.

Keywords: poetic syntax, Russian poetry of XVIII century, metrics, stanzaic prosody, small and medium poetic genres

1. В поэтической речи, в силу ее высокой степени организованности [Ковтунова 1986: 5], отбор, строение и расположение синтаксических конструкций приобретают особое значение. По мнению Р. О. Якобсона [1987: 84], именно от «грамматической ткани поэтического языка в большей мере зависит его действительная значимость»: синтаксические формы здесь не только информативно и эстетически нагружены, но и выполняют самые разнообразные функции (структурную, композиционную, ритмообразующую, интонационную, экспрессивную и др.), кроме того, грамматика художественного текста также отражает особенность художественного мышления, индивидуальной психологии писателя, авторскую «картину мира», поэтому без выяснения вопроса о роли синтаксиса в формировании поэтического стиля нельзя ни «установить конкретно-языковое — а следовательно, стилистическое — своеобразие отдельных писателей и целых литературных направлений, ни выявить ту роль, которую соответствующие писатели и направления играли в общем процессе развития синтаксической системы данного языка» [Сильман 1967: 7]. Между тем до сих пор «стихотворный синтаксис в целом остается (...) сравнительно мало исследованной областью» [Матяш 2011: 103], и вопросы о том, что такое «поэтический синтаксис», какова его основная единица, какими особенностями синтаксическая организация стихотворного текста отличается от синтаксиса прозы и как взаимодействуют в системе поэтического текста ритм, размер, метр, каталектика, рифмовка, синтаксис, по-прежнему актуальны и ждут специального комплексного анализа.

Разработка проблем синтаксической организации поэтического текста началась примерно столетие назад в трудах лингвистов и литературоведов — представителей «Московского лингвистического кружка» и членов «Общества изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ). В 1910—1920-е гг. О. М. Бриком, Б. М. Эйхенбаумом, Б. В. Томашевским, Ю. Н. Тыняновым были намечены возможные подходы к изучению взаимодействия ритма и синтаксиса [Тынянов 1965: 69—70; Эйхенбаум 1969: 328]¹. При этом одни из «опоязовцев» настаивали на том, что в стихе синтаксис существенно деформируется ритмом и становится чем-то «условным»², другие же более осторожно заявляли о том, что синтаксическая структура только «приспосабливается» к ритмо-метрической [Брик 1927]. В качестве основной структурной единицы стиха, на которую ритм и метр накладывают те или иные ограничения, была выдвинута строка («стиховой ряд», стих), демонстрирующая постоянную борьбу

¹ «Стихотворный синтаксис строится в неразрывной связи с ритмом (...). Стихотворная фраза есть явление не синтаксическое вообще, а ритмико-синтаксическое» [Эйхенбаум 1969: 328].

² Ср.: «Грамматическое исследование поэзии, особенно лирической, — область филологического знания, более проблематичная в исходной своей точке, чем изучение грамматики художественной прозы. Сама значимость грамматики для поэтического текста не раз подвергалась сомнению (...) тенденция к аграмматизму (...) высказывания в лирической поэзии гораздо сильнее, чем в поэзии сюжетной, а тем более в прозе» [Сидорова 2000: 300].

ритма и синтаксиса, несовпадение синтаксического и ритмо-метрического членения (в связи с появлением переносов, или анжамбеманов).

В середине XX в. Б. В. Томашевский и Н. С. Поспелов разрабатывают новый аспект проблемы — взаимодействие синтаксиса и композиции стихотворного текста [Томашевский 1959: 305—313; Поспелов 1960: 33—39]³: в частности, было замечено, что более сложное синтаксическое строение свойственно строфически организованным произведениям, поскольку чаще выявляется тенденция к симметрии предложения и строфы, к совпадению их границ. Впрочем, несколько позже высказывались и иные суждения: о часто не менее сложном синтаксическом построении астрорических стихотворений в силу большей свободы, нескованности строфическими рамками, разомкнутости, которые предоставляет лишенная деления на строфы стиховая композиция; см., например, [Пейсахович 1976].

В 1970-е гг. Г. Н. Акимова [1973] уделила много внимания вопросу о длине и средних размерах предложения в поэзии (на материале од), их сопоставлению с аналогичными характеристиками в прозе. Так, уже усилиями не стиховедов, а грамматистов сформировался еще один подход к анализу поэтического синтаксиса: не отрицая важности изучения стихотворного синтаксиса в аспекте строки или составляющего ее слова (Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, Г. А. Шенгели и др.), строфы и сложного синтаксического целого (Н. С. Поспелов), Акимова сосредоточила взгляд на описании основной синтаксической единицы — предложения — как одновременно и основной единицы поэтического синтаксиса⁴ в плане «количественном (объем предложения) и качественном (принципы развертывания и расширения предложения)» [Акимова 1977: 100].

1980—1990-е гг. и начало следующего столетия ознаменовались выходом в свет монографий по «грамматике поэзии» И. И. Ковтуновой и ее учеников и последователей [Очерки 1993; Поэтическая грамматика 2005; 2013] — представителей функционально-коммуникативного подхода, интерпретирующего поэтический текст, прежде всего, как особую («фиктивную», «превращенную») форму коммуникации, в условиях которой исходная целеустановка предложения существенно трансформируется, высказывание характеризуется «повышенной предикативностью», семантической и функциональной «неоднозначностью», в создании которой важную роль играет поэтический дейксис, сочетание симметричности и асимметричности построения, а также инверсия компонентов (свое начало «грамматика поэзии» берет в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Р. О. Якобсона; см. подробнее [Шапир 1987]). 2000-е гг. демонстрируют усиление интереса стиховедов к «установлению структурной связи явлений стиха с явлениями (...) грамматики» [Гаспаров, Скулачева 2004: 12—13] (сравнительно недавние исследования М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой, М. И. Шапира в области «лингвистики стиха» опираются на классические работы В. М. Жирмунского, Б. И. Ярхо, Б. В. Томашевского, Г. А. Шенгели, специальный анализ которых нет возможности представить в узких рамках статьи).

В этом кратком экскурсе в историю изучения поэтического синтаксиса мы, к сожалению, оставляем без внимания многочисленные и интересные работы, посвященные анализу разнообразных фигур речи, формирующих сложно организованную структуру и семантику

³ Ср. также с мнением Т. И. Сильман [1977: 49]: «Синтаксис в стихе опирается на ритмическое строение строф и стихотворных строк и тем самым приобретает особое структурное, архитектурное значение».

⁴ Задаваясь вопросом, из чего состоит стих, современные стиховеды отвечают «из словосочетаний», подчеркивая при этом, однако, что «слова в стихе складываются друг с другом не механически, а по законам синтаксиса» [Гаспаров, Скулачева 2004: 119]. Вероятно, отказ от признания предложения в качестве основной единицы поэтического синтаксиса диктуется в этом случае тем обстоятельством, что границы стиха далеко не всегда совпадают с границами отдельного простого предложения или части сложной конструкции. На наш взгляд, присутствие синтаксического переноса, сигнализирующего об отсутствии симметрии между стиховым и синтаксическим членением, никак не мешает признать основной единицей стихотворного синтаксиса предложение, поскольку сам факт переноса уже заставляет сопоставить границы именно предложения и строки.

стихотворного текста⁵, а также построений, обнаруживающих сходство поэтической речи с иными типами дискурса (внутренней, разговорной речью или философскими текстами — см. [Лебедева 1971; Азарова 2010]), поскольку сосредоточимся далее на освещении некоторых аспектов, касающихся взаимосвязи синтаксиса, метрики, строфики и жанровой специфики поэтического текста, с опорой на данные, полученные в ходе работы над осуществляемым с 2015 г. кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета научным проектом «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века». Задачей статьи является выяснение основных тенденций, выявляющих тяготение того или иного типа метрической организации, строфической организации, жанра к тому или иному структурному типу предложения, поскольку поэтический синтаксис, понимаемый широко — как синтаксическое построение стихотворного текста, а не более узко — как синтаксис лишь семантически и коммуникативно трансформированных либо экспрессивно-стилистически отмеченных конструкций, в качестве основной своей единицы, подобно синтаксису общелитературного языка, имеет предложение (в этом смысле строка, синтагма, колон, фраза, строфа или астрофический период — не синтаксические единицы грамматического уровня поэтического текста, но элементы членения стихотворного текста, имеющие отношение прежде всего к его метрической, ритмо-мелодической и композиционной организации). Выбор структурного, семантического и коммуникативно-функционального типа которого автором, а также расположение в системе целого текста во взаимосвязи со всеми иными его элементами и в соответствии с размером, строфикой, рифмовкой составляют «необщее выражение» индивидуального слога не только отдельного поэта, но и поэтического синтаксиса как особой подсистемы общелитературного языка соответствующего периода, с одной стороны, и языка поэзии — с другой. Предпочтение именно предложения как законченной в структурно-смысловом отношении единицы в качестве исходного элемента поэтического синтаксиса позволяет также сосредоточиться на исследовании семантики, коммуникативных особенностей и трансформаций, функционального потенциала, сочетаемости, различных видов риторических приемов, активности более или менее «тесных» типов синтаксических связей в строке и между стихами и т. п. аспектов.

2. «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века» демонстрирует репертуар синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами XVIII в. (А. Д. Кантемиром, В. К. Тредиаковским, М. В. Ломоносовым, А. П. Сумароковым, Г. Р. Державиным, М. М. Херасковым, А. Н. Радищевым, Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым), и является по своему предназначению сводным⁶ писательским словарем, демонстрирующим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей, а также в развитии русского литературного языка ломоносовской и карамзинской поры в целом (поскольку преобладающими для данного периода были именно поэтические жанры) и позволяет представить общую картину формирования синтаксических норм малых и средних жанров русской силлабической и силлабо-тонической поэзии в аспекте их становления, изменчивости либо преемственности и в тесной связи с динамикой норм жанрово-стилистических и ритмо-метрических. В качестве единицы описания (словарной единицы) в словаре выступает простое и сложное предложение, анализируемое с точки зрения разнообразных параметров: а) по структурной схеме или типологической рубрике (простое или сложное предложение, элементарное⁷

⁵ Обзор работ в этой области и анализ функционирования некоторых типов фигур речи в поэзии см. в [Береговская 2004].

⁶ См. о типе сводного писательского словаря в работе [Шестакова 2012].

⁷ По давней учебной традиции однородные члены предложения считаются принадлежностью осложненного предложения. Известность получила и точка зрения, согласно которой предложения с однородными сказуемыми следует считать не простыми, а сложными, с несколькими предикативными центрами [Белошапкина 1967; РГ 1980]. В концепции данного словаря однородные члены относятся

или осложненное⁸, двусоставное или односоставное, сложное бинарное либо многочастное предложение); б) по типу синтаксических связей⁹ и количеству частей (для полипредикативных конструкций); в) по грамматическому значению, т. е. типу синтаксических отношений, выявляемых между частями сложных предложений; г) по модальной характеристике (утвердительное, обще- или частноотрицательное); д) по полноте / недостаточности состава (полное, неполное, эллиптическое); е) по принадлежности к так называемым «элементам текста» (синтаксически не членимым, выраженным частицами, междометиями, модальными словами синтагмам, обращениям, сегментам типа именительного или инфинитива темы, парцеллятам, парантезам, представляющим собой автономные синтаксемы); ж) по типу осложняющих конструкций (фиксируется присутствие в предложении обособленных оборотов, вводных либо вставных синтагм, обращений, сегментированных или присоединительных конструкций), однородных рядов; з) по длине (количеству слов, строк-стихов, строф, составляющих конструкцию); и) по соотносительности с жанром, видом строфы, вольной или астрофической композицией, метрической схемой; к) по риторическому приему (фигуре речи); л) с точки зрения наличия / отсутствия анжанбемена (поскольку «из многочисленных аспектов изучения стихотворного синтаксиса наиболее существенным для стихотворной

не к осложняющим элементарное предложение конструкциям, а к так называемым «расширителям» модели (ср. с мнением В. Н. Перетрухина [1979: 48], отмечающего неправомерность включения в число способов осложнения простого предложения однородных членов, которые занимают лишь одну синтаксическую позицию и поэтому только количественно «расширяют» структурную схему, поэтому предложения с однородными членами характеризуются как «неосложненные»).

⁸ К «осложненным» моделям предложений отнесены структуры, содержащие вторично-предикативные и интонационно выделенные паузами синтагмы: обособленные причастные, деепричастные, адъективные, субстантивные, наречные, инфинитивные и местоименные полупредикативные обороты, союзные пояснительные конструкции, сравнительные обороты, сегментированные (или «пролептические» [Санников 2008: 89—102]) построения, присоединительные конструкции, вводные и вставные конструкции, обращения. Обоснование границ понятия «осложненное предложение» см., например, в работе [Патроева 2016б: 6—20].

⁹ Спорное для ряда современных исследователей (как в свое время и для М. Н. Петерсона) деление сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные по типу союза, а также выделение, наряду с союзными, бессоюзных сложных конструкций составителям словаря представляется все же максимально адекватным задачам описания: результаты выборки нацелены, кроме прочего, на выяснение эволюции русской синтаксической системы (а в работах по историческому синтаксису используется именно трехчастная оппозиция сложных предложений) и на то, чтобы продемонстрировать (в сопоставлении с данными, полученными стиховедами) степень распространенности союзно оформленных сочинительных и подчинительных типов связей, а также определить долю бессоюзия в стихотворных жанрах. Несмотря на то что грамматическая семантика предложений, особенно поддерживаемая значением союза, в большинстве случаев поддавалась дефиниции, в ряде случаев точной квалификации «мешали» синонимичность сложносочиненных и сложноподчиненных, в традиционных терминах, конструкций (некоторые из подобных релятов подробно рассматриваются в [Санников 2008: 394—434; Урысон 2011]) и неоднозначность отношений между частями бессоюзных соединений, только еще более характерную для поэтического текста, чем для какой бы то ни было иной коммуникативной сферы. Определяющим фактором при отнесении предложения к сложносочиненному либо сложноподчиненному был тип союза (памятуя о критерии А. М. Пешковского [1959: 137], союзы, используемые для оформления однородных рядов, отнесены к сочинительным, все иные — к подчинительным), хотя, разумеется, автор статьи отдает себе отчет в том, что многозначность союзов в ряде случаев ставит под сомнение оппозицию «сочинение / подчинение частей». Поскольку в рамках этой статьи нет возможности более подробно останавливаться на этих и иных теоретико-методологических основаниях использованной в синтаксическом словаре классификации, сошлемся на работу [Патроева 2016а] и добавим только, что исторически сложившийся в качестве грамматически отчетливо выраженного «синтаксический строй русского языка таков, что в нем сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные предложения составляют взаимно соотносительные (...) и взаимно дополняющие (...) компоненты единой подсистемы, которая и должна изучаться в ее целостности» [Тарланов 2007: 330].

речи является соотношение строки (единицы стихового ритма) и фразы или, точнее, вопрос о соотношении метрических и синтаксических границ» [Матяш 2011: 93] — см. табл. 8 и 9 в Приложении, с. 41). Всего в словарное описание включены более 14 000 предложений. Словарь помогает также выяснить активность в поэзии разных типов так называемых «сильных» позиций текста (заглавия, эпиграфа, посвящения), конструкций с прямой речью как особых синтаксических феноменов. Подобное комплексное описание позволило выявить целый ряд тенденций, доказывающих вполне очевидную и тесную связь синтаксиса, метрики, строфики и жанра произведения.

Поэтический синтаксис эпохи классицизма и сентиментализма в целом отличается пристрастием к сложным предложениям (в среднем 58 % от общего количества конструкций), из них более половины составляют многочисленные с одним или разными видами связи образования, — см. табл. 1 и 2 (с. 34—36). Если проследить динамику моно- и полипредикативных структур у поэтов начала, середины и конца XVIII в., то окажется, что силлабическая поэзия (Кантемир, Тредиаковский, Сумароков) прибегала к использованию сложных конструкций в среднем в 70 % от общего количества предложений; пришедшая ей на смену силлабо-тоника (Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков) снизила этот показатель до 60 %¹⁰, однако классицисты второго поколения повысили этот показатель до прежнего уровня (Херасков, Державин, Радищев), и прежде всего в своих одах; затем сентименталисты вновь и более существенно, чем поэты середины столетия, ослабили роль полипредикативных построений, сократив их относительную долю до 56 % (у Карамзина) и даже до 49 % (у Дмитриева¹¹). Таким образом, замена силлабики силлабо-тонической системой, освоение русскими поэтами все более разнообразных техник стиха (размеров, отступлений от строгой метрической схемы, разностопности, полиметрии, спектра рифм и клаузул), как, разумеется, и переход от высоких жанров к средним, сопровождались (впрочем, вполне предсказуемым) сокращением активности сложных предложений в стихотворной речи, причем этот процесс, очевидно, шел параллельно с формированием нового прозаического слога и чуть опережая его.

3. Исследователи «лингвистики стиха» уже отмечали гораздо более высокую, чем в прозе, активность сочинительных и бессоюзных связей в сравнении с подчинением [Скулачева, Буякова 2010]: согласно данным, полученным на материале солидного по объему корпуса фольклорных и литературных текстов, соотношение сочинительных и подчинительных связей на границах строк и частей сложных предложений в авторских поэтических произведениях в среднем примерно составляет 3:1 или 3:2 (подсчет при этом велся не по количеству сложносочиненных или сложноподчиненных предложений в целом, а по числу союзов или союзных слов, открывающих каждую часть предложения), тогда как в прозе — наоборот¹² (исключение среди авторов классицистического периода составляет

¹⁰ Этот «усредненный» показатель мало отличается от данных, выявленных исследователями на материале отдельных образцов русской художественной прозы последней трети XVIII в. (по данным австрийских коллег, в прозаических произведениях Д. И. Фонвизина и Н. М. Карамзина 1770—1790-х гг. около 40 % всех предложений простые, 60 % — сложные, см. [Хютль-Фольтер 2002: 309]), что, вероятно, говорит о влиянии поэтического языка эпохи барокко и классицизма на становление новой русской художественной прозы.

¹¹ И все же развитие русской поэзии в последующие десятилетия, что уже показали предварительные наблюдения над синтаксисом романтической лирики [Лебедев 2016], привело к увеличению доли сложных конструкций примерно до тех показателей, что характерны для стихотворений Карамзина, а не Дмитриева: очевидно, здесь сыграли роль как авторитет главы «нового слога», так и обнаружившееся у поэтов школы Жуковского и Батюшкова стремление к созданию «поэзии мысли», а не только «сердечного выражения», что потребовало не дальнейшего упрощения, а напротив, усложнения структуры и семантики поэтического дискурса.

¹² Эта тенденция на материале прозы подтверждается исследователями жанра путешествия: у Фонвизина сложноподчиненные предложения составляют 58 % от всех полипредикативных единиц, у Карамзина — 42 % [Хютль-Фольтер 2002: 309].

Ломоносов, у которого подчинение выявлено в 45 % связей внутри сложных конструкций); доля бессоюзия на фоне союзных сложных предложений колеблется в стихе от 40 до 50 %, тогда как в прозе приближается к 20—30 % (округленно). Как полагает Т. В. Скулачева, «увеличение количества сочинительных связей, особенно между строками, и выравнивающая и сопологающая строки интонация обеспечивают сопоставимость и равновесность стихотворных строк» [Гаспаров, Скулачева 2004: 275], необходимые для создания стихотворного ритма, — то, что в свое время В. М. Жирмунский [1975: 452] назвал приемом «синтаксического сопоставления», основанного на параллелизме, рядоположенности и интонационном единстве.

Соглашаясь с этим выводом о ритмообразующей функции сочинения в поэзии, отметим, что, по нашим данным, сложносочиненные предложения из двух и более частей составляют в среднем не более 6 % всех конструкций, а сложноподчиненные встречаются почти в два раза чаще (15 %); на долю бессоюзия приходится примерно пятая часть контекстов; в среднем около 25 % составляют сложные предложения с разными видами связи (см. табл. 1 и 3, с. 34—35, 37). Эти количественные показатели, демонстрирующие существенное расхождение между поэзией и прозой в способе построения текста¹³, все же свидетельствуют о стремлении поэтов, использующих, в терминах М. И. Шапира [2003: 33, 35], классический «синтаксический» тип фразы (в котором сила межстрочных связей обычно уступает «тесноте» связей внутристиховых, а границы предложения или предикативной части стремятся совпасть с размером строки), разнообразить как ритмо-мелодическое движение стихотворного текста, так и его сложно организованную семантику, достаточно активно насыщая поэтическую систему не только ассоциативно-сопоставительными и перечислительными смысловыми соответствиями, но и отношениями атрибуции и обусловленности; «выравнивающие» и «сопологающие» строки по смыслу соединительно-перечислительные и сопоставительно-противительные отношения в сфере сочинения составляют в среднем около половины, а среди бессоюзно оформленных — только треть контекстов.

4. Средняя длина предложения — один из важных ритмо- и стилеобразующих факторов речи. В поэзии оказывается возможным использование очень больших по объему (до нескольких десятков слов) осложняющих единиц, благодаря тому, что стихотворный синтаксис, подчиненный строгой метрической схеме, легче, чем прозаический, выносит не разрушающую понимание сообщения сложность построения. По нашим данным, демократизирующая поэтическую речь тенденция к значительному сокращению длины фразы, обычно отмечаемая в качестве яркой приметы «нового слога» в русской литературе, не нашла сколько-нибудь четкого и последовательного отражения в исследованном материале, если говорить об объеме предложения, выраженном в количестве занимаемых им строк (стихов), а не слов: в направлении от Ломоносова к Карамзину средняя протяженность предложения составляет примерно три стиха (см. табл. 4, с. 37), и не только не убывает резко, но даже возрастает, достигая максимума у Державина и Радищева. Длина же предложения, выраженная в количестве слов, предсказуемо уменьшается в 1,5—2 раза при сопоставлении силлабического синтаксиса Кантемира и построения фраз классицистами (исключая Радищева) и сентименталистами. Это сокращение словного объема предикативной структуры, казалось бы, следует обосновать, прежде всего, перестройкой жанрово-стилистической системы поэзии (приход «средних» жанров на смену «высоким») и обнаружившимся у карамзинской школы стремлением к сближению художественной речи с устной разговорной, однако при сопоставлении питавшего особое пристрастие к оде Ломоносова и более

¹³ В прозе XVIII в., согласно проводившимся исследованиям (к сожалению, на не очень обширном материале, а также без разделения на бинарные и многокомпонентные как «чистые», так и контаминированные структуры), в повествовательных произведениях Фонвизина и Карамзина сложносочиненных предложений по 10 %, сложноподчиненных — 58 и 42 %, к бессоюзным относится 18 и 6 % соответственно [Хютль-Фольтер 2002: 309].

ценившего послание и песню Карамзина мы обнаруживаем (см. табл. 4, с. 37), что разница в средней длине фразы, выраженная в количестве знаменательных и незнаменательных слов, у этих авторов составляет только одно слово, причем самое длинное предложение Карамзина (143 слова и 34 строки!) превышает максимумы Кантемира и Ломоносова (133 и 134 слова, 18 и 12 строк соответственно), уступая только 156-словной фразе Тредиаковского, размещающейся, однако, в 22 стихах. Впрочем, если сопоставлять выявленные средние размеры с длиной предложений в прозе XVIII в., то длина стихотворного высказывания оказывается, несмотря на преобладание в поэзии рассматриваемого периода многочастных сложных построений, в среднем меньше того же показателя в прозе [Акимов 1977: 101], однако было бы явным преувеличением, на наш взгляд, делать на этом основании вывод о «синтаксической неразвернутости стихотворной речи» как о некоей общепозитической закономерности [Там же: 108], поскольку не менее 2/3 конструкций в стихах, по крайней мере изучаемого периода, представлены сложными и осложненными моделями.

Объяснение взаимосвязи неожиданных и противоречащих, на первый взгляд, друг другу тенденций следует, вероятно, искать в области метрики и строфики стихотворных текстов. С одной стороны, Карамзин и Дмитриев уже гораздо реже используют популярное у предшественников по поэтическому цеху десятистишие (на долю этого типа строфы приходится в их построениях не более 10 %, в то время как у Ломоносова и его последователей этот показатель достигает примерно 25—40 %). С другой стороны, сентименталисты, наряду с коротким катреном, явно тяготеющим к совпадению с границами предложения, часто прибегают к вольным строфическим композициям, освобождавшим поэтов от необходимости соотносить протяженность предикативной единицы и строгой строфической формы. Державин, не питавший пристрастия, в отличие от своих предшественников и современников, к астрофическому типу построения текста, активно экспериментирует не только с одической строфой, но и с шести- и семистишиями, что, очевидно, также способствовало удлинению размера предложения, в сравнении с ломоносовским, и приближению его к силлабическому показателю. Радищев, в основном писавший десятистишиями, добивается, как и Державин (см. табл. 6, с. 39), увеличения словного объема одической фразы, насыщенной ораторскими интонациями и многочастными построениями с подчинением и бессоюзием.

Длина предложения оказывается тесно связанной с границами строфы (как правило, синтаксическое и строфическое членение несимметричны — см. табл. 8 (с. 41), однако классицисты «второго поколения» стремились гораздо чаще, чем их предшественники и лирики сентиментальной школы, к совпадению размеров предложения и строфы) и с метрической схемой: на протяжении XVIII в. самыми популярными стихотворными размерами были ямбы — шестистопный, четырехстопный, затем (у Сумарокова, Хераскова, Карамзина и Дмитриева) еще и вольный (см. табл. 5, с. 38—39). Ямб шестистопный и вольный — размеры, требующие длинных строк, а значит, их более сложный, чем у короткого четырехстопного ямба, ритм обуславливает и увеличение количества слов во фразе. К тому же за шестистопным ямбом был прочно закреплен «высокий» ореол метра, которым писались героические эпопеи, поэмы и трагедии, что также обязывало автора подчиняться традиции монументально и сложно устроенного текста даже при создании «средних» (послания, сатиры, элегии, идиллии, эклоги) и «низких» (эпиграммы, «надписи», мадригалы) жанров.

Таким образом, в течение XVIII в. жанрово-стилистическая динамика оказала на фразовые размеры меньшее влияние, чем на отличающиеся консерватизмом метрические схемы и строфические формы.

5. Наблюдения, сделанные в ходе работы над синтаксическим словарем, позволили предположить некоторые выводы, касающиеся связи синтаксического строения поэтического текста с его метрикой и строфикой¹⁴.

¹⁴ Об основных тенденциях в метрике и строфике русской поэзии XVIII в. см. [Вишневский 1972; 1978; 2000].

Силлабический стих (см. табл. 5, с. 38—39), в первой трети XVIII в. чаще представленный 13- или 11-сложником, демонстрирует явное пристрастие к сложным конструкциям (Кантемир — 80 % всех предложений), однако Тредиаковский и Сумароков допускают простые предложения в своей более разнообразной по количеству слогов силлабике уже в 40 % репрезентаций.

Шестистопный ямб, обслуживавший у истоков русской силлабо-тонической поэзии практически все большие и малые поэтические жанры и относящийся к длинным размерам, только в 36 % контекстов строился по простым, но почти всегда осложненным обособлениями и обращениями моделям, с многочисленными однородными рядами (синтаксическая общность 6-стопного ямба и силлабического стиха обусловлена, вероятно, генетически: по количеству стоп-слогов 6-стопный ямб подобен силлабическим 12-13-сложникам); во второй половине XVIII в. Херасков и Державин еще более усложняют синтаксис Я6, однако уже к концу столетия Карамзин и Дмитриев до половины конструкций в этом размере строят по простым и уже не столь перегруженным обособленными оборотами моделям, часто прибегая к сочинительным и бессоюзным рядам однородных членов.

Второй по степени популярности и жанрово «всеядный» размер — четырехстопный ямб, несколько менее «легкий» (в части многокомпонентных предложений), чем Я6, в начале освоения русскими поэтами-классицистами, — потом медленно эволюционировал в направлении некоторого упрощения синтаксической организации.

В еще одном широко распространенном размере — неравноностопном ямбе — также преобладают сложные, как правило, многочастные, построения. Еще более сложен вольный хорей.

Редкий, но преобладающий среди хореев Х4 [Гаспаров 1972] на протяжении XVIII в. постепенно демократизируется (от Сумарокова до Карамзина и Дмитриева), поскольку за ним все прочнее закрепляется репутация песенного размера, очень существенно отдалившегося от традиций синтаксически переусложненной силлабики, однако как преимущественно сложный текст выстраивают Х4 в одах, переложениях псалмов Державин, Херасков и Радищев.

Сложность построения демонстрируют экспериментальные для XVIII в. размеры: Х3, длинные двусложники Я5, Х5, Х6, Х7 и амфибрахий, анапест, логзед, гекзаметр и пентаметр. Напротив, простые предложения часты в полиметрических композициях, коротких Я2, Я3, Х2, в дактиле и тактовике¹⁵, характерных главным образом для песен и внежанровых стихотворений.

6. Важнейшая закономерность композиционно-синтаксической организации стихотворных текстов — сложное построение большинства нечетных по количеству строк и вольных строфических форм — см. табл. 6 (с. 39).

Преобладающими типами строфы в XVIII в. оказываются катрен, все более расширявший свои права в поэзии второй половины века, и одическое десятистишие; см. [Гаспаров 1984: 93].

С одностиями как уникальным явлением¹⁶ «своего рода *антистрофы*» [Федотов 2002: 19] и двустиями русская поэзия познакомилась благодаря сентименталистам¹⁷: одно- и двустия стремятся к синтаксической лаконичности (50—80% предложений¹⁸ в них являются простыми, но, как правило, осложненными обособленными оборотами

¹⁵ Тонический стих в основном был размером «простонародных» песен (см. о традиции его использования [Плунгян 2014: 47]) и был тесно связан со славянским народным стихом, что во многом объясняет преобладание простых предложений в тактовике.

¹⁶ Об истории одностий см., например, [Кузьмин 2016: 105—204].

¹⁷ Эпитафии-моностихи Державина («Здесь лежит Суворов» и др.) словарному описанию не подвергались, так как малые жанры Державина извлекались из издания в серии «Библиотека поэта. Большая серия», в состав которого они не были включены редакторами.

¹⁸ Если, однако, сопоставить графически расчлененные на двустия стихотворения и рассматриваемые в качестве астрофических двустрочия — целые произведения, то среди последних не более 30 % построены как монопредикативные высказывания у Кантемира, Карамзина, Дмитриева. Таким

и однородными рядами, ярко воплощающими сформулированный Т. И. Сильман главный принцип поэзии: «как можно короче и как можно полнее» [Сильман 1977: 33].

Трехстишия и пятистишия как нечетные по количеству строк образования, требующие особой рифмовки, отличаются уже гораздо более сложным построением (в них только до 30 % простых конструкций) и не претерпевают динамики на протяжении века.

Четырехстиший становится больше с течением времени, и этот тип строфы ярко отражает происходившие в поэтическом синтаксисе изменения, так что среди катренов Карамзина и Дмитриева преобладают, в отличие от классицистического этапа, простые конструкции.

Шестистишия разнятся: если у Кантемира, Хераскова и Державина они почти сплошь сложны, то у Ломоносова половину предложений в секстинах уже составляют простые, но чаще осложненные обособленными оборотами и увеличенные за счет однородных рядов конструкции; Дмитриев предпочитает строить шестистишия монопредикативными, без большого количества осложнителей, предложениями.

Семистишия, привнесенные в русскую поэзию Тредиаковским и Сумароковым, оказываются нейтральны к использованию простых и сложных предложений, поскольку, как правило, нечетное количество строк и более сложная, чем у четных строф, рифмовка заставляют поэтов делить септимы на два предложения. Дмитриев и Карамзин более явно стремятся упростить синтаксис семистиший, чем Сумароков и Державин.

Структура восьмистиший оказывается в среднем «легче», чем секстин, в поэзии Ломоносова, Сумарокова и Карамзина, которые упрощают их синтаксическое строение в сравнении с силлабическим этапом; однако Херасков, Державин и даже Дмитриев, напротив, выстраивают октавы как преимущественно сложные строфы в вероятном стремлении отличить восьмистишия от простой суммы катренов.

Деятелистишия построены очень сложно (Кантемир, Державин).

Характерные для од десятистишия имеют сложное синтаксическое строение; простые, но, как правило, осложненные обособленными оборотами, обращениями и нагруженные однородными рядами конструкции составляют в десятистишиях не более трети в сравнении с преобладающими многочастными. Ломоносов членит децимы на два и более простых предложения гораздо чаще, чем его последователи-классицисты. Дмитриев и Карамзин несколько упрощают построение десятистиший, экстраполируя демократизирующую поэтический синтаксис тенденцию и на строфу с одическим ореолом.

Астрофические стихотворения близки по своим синтаксическим особенностям и к более сложным восьми-, десяти- и двенадцатистишиям, претерпевая эволюцию в направлении все более заметного упрощения только в поэзии Тредиаковского и сентименталистов (видимо, по аналогии с катренами). На этом фоне вольные композиции стремятся к большей простоте уже у Ломоносова.

7. Проведенные наблюдения позволяют прийти к важным заключениям, касающимся функционирования разных видов конструкций в границах тех или иных стихотворных жанров, а также уточнить некоторые особенности индивидуально-авторского слога на синтаксическом уровне (последний аспект требует, разумеется, специального подробного рассмотрения).

Некоторые жанры отличаются стабильностью синтаксической организации (см. табл. 7, с. 40—41): так, ода как «высокий» жанр неизменно сложна, особенно духовная; также сложным построением отличаются гимны, эпистолы, сатиры, кантаты, сонеты. Идиллия, эклога и песня, романс, относящиеся к «средним» жанрам, уже больше насыщены простыми и более короткими предложениями. Простые предложения преобладают в балладах и баснях.

Иные жанры существенно изменяют свой синтаксический облик на протяжении XVIII в.: упрощается построение посланий, элегий, эпиграмм и внежанровых стихотворений

образом, стремление высказаться максимально лаконично обуславливает необходимость предикативного усложнения текста.

(у Тредиаковского последние еще состоят по преимуществу из сложных конструкций). Интересен своей жанровой и синтаксической противоречивостью мадригал, традиционно считающийся «низким» жанром, но сложно устроенный в синтаксическом плане.

8. Поэтический синтаксис формируется в условиях сложнейшего взаимодействия метрики, строфики и жанровых традиций и потому тяготеет к достаточно протяженным, состоящим в среднем из трех-четырех частей конструкциям, позволяющим — на фоне постоянно разворачивающейся борьбы ритма, метра и синтаксиса, попеременно сменяющих друг друга тенденций к сжатию и избыточности выражения, симметрии и асимметрии построения — как можно более успешно, в сравнении с простыми предложениями, выдерживать, преодолеть сопротивление жестких факторов (метрической схемы и строфической композиции) и при этом вложить в предложение так же сложно устроенный смысл, период в развитии мысли, целостный образ. Граница предложения чаще всего совпадает с частью характерной для XVIII столетия большой строфы; гораздо реже объем предложения оказывается равен целой строфе и только в единичных случаях выходит за ее пределы (см. табл. 8, с. 41). Длина предложения и его структурный тип оказываются, таким образом, более всего зависимыми от строфического построения текста, хотя размер, жанровые стилистические нормы и, разумеется, содержание стихотворения также предъявляют свои требования и накладывают свои ограничения на поэтический синтаксис. Невысокий процент использования анжамбеманов¹⁹ (см. табл. 9, с. 41) свидетельствует о стремлении поэтов классического периода совместить границы строки и синтаксической конструкции (чаще не отдельного предложения, а части сложной конструкции или осложняющего компонента), хотя в поэзии Ломоносова, Державина и Карамзина уже начинается проявляться все более отчетливое желание делать межстрочные связи более тесными и разнообразить ритм асимметрией стихового и синтаксического членения и паузирования.

Стихотворный текст в своих малых жанровых разновидностях отчетливо демонстрирует «напряжение», возникающее между желанием поэта сказать «как можно полнее» (в содержательно-информативном плане) и стремлением выразиться «как можно короче» (в формальном плане), между небольшим объемом целого произведения и сложностью построения его отдельных единиц. Проведенный в процессе работы над словарем анализ синтаксического строения русской поэтической классики создает необходимую основу для дальнейшего исследования целого ряда пока недостаточно изученных лингвопоэтических и историко-грамматических проблем, которые, разумеется, могли бы стать предметом будущих исследований в этой области. В заключение отметим, что именно в поэтической речи во всей полноте раскрывается функционально-семантический потенциал синтаксических единиц, здесь синтаксическая система языка проверяется поэтом на прочность, гибкость, богатство смысловых нюансов, но это, как и проблема интерпретации понятия «поэтический синтаксис» в аспектах синтаксических доминант идиостилей русских поэтов, тема, выражаем надежду, будущих филологических разысканий по материалам подготовленного к изданию синтаксического словаря XVIII в.²⁰

¹⁹ Учитывались случаи отсутствия знака препинания и, следовательно, пунктуационно оформленной паузы в конце строки как сигналы сильных синтаксических переносов; нарушение симметрии границ стиха и предикативной единицы (отдельного предложения, части сложной конструкции) наблюдается чаще, притом что знак препинания может в этом случае оформлять конец строки на месте межстиховой паузы.

²⁰ Автор статьи выражает глубокую благодарность сотрудникам кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета Е. Р. Гусевой, А. М. Дундуковой, И. Н. Дьячковой, А. А. Лебедеву, Е. А. Мухиной, А. В. Приображенскому, А. В. Рожковой, О. В. Семеновой, Н. С. Шубиной, также трудившимся над созданием словаря и предоставившим необходимые для этой работы материалы по синтаксической разметке поэтических текстов, а также сотрудникам отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ им. В. В. Виноградова Л. Л. Шестаковой и Н. В. Перцову за ценные советы и замечания, касающиеся концепции синтаксического словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Азарова 2010 — Азарова Н. М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Логос; Гнозис, 2010. [Azarova N. M. *Yazyk filosofii i yazyk poezii — dvizhenie navstrechu* (grammatika, leksika, tekst). [Language of philosophy and language of poetry: Moving towards each other (grammar, lexicon, text)]. Moscow: Logos; Gnozis, 2010.]
- Акимова 1973 — Акимова Г. Н. Размер предложения как фактор стилистики и грамматики (На материале русского литературного языка XVIII в.) // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 69—79. [Akimova G. N. The size of the sentence as a factor of stylistics and grammar (on the material of the XVIII century Russian literary language). *Voprosy jazykoznanija*. 1973. No. 2. Pp. 69—79.]
- Акимова 1977 — Акимова Г. Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса // Вопросы языкознания. 1977. № 1. С. 96—108. [Akimova G. N. Some features of the syntax of poetry. *Voprosy jazykoznanija*. 1977. No. 1. Pp. 96—108.]
- Белашапова 1967 — Белашапова В. А. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1967. [Beloshapkova V. A. *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1967.]
- Береговская 2004 — Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. [Beregovskaya E. M. *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* [Essays on expressive syntax]. Moscow: Rokhos, 2004.]
- Брик 1927 — Брик О. Ритм и синтаксис // Новый Леф. 1927. № 3. С. 15—20; № 4. С. 23—29; № 5. С. 32—37; № 6. С. 33—39. [Brik O. Rhythm and syntax. *Novyi Lef*. 1927. No. 3. Pp. 15—20; No. 4. Pp. 23—29; No. 5. Pp. 32—37; No. 6. Pp. 33—39.]
- Вишневский 1972 — Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. Пенза: Изд-во Пензенского пед. ин-та, 1972. С. 129—258. [Vishnevskii K. D. Russian metrics of the XVIII century. *Voprosy literatury XVIII veka*. Penza: Penza Pedagogical Institute Publ., 1972. Pp. 129—258.]
- Вишневский 1978 — Вишневский К. Д. Архитектоника русского стиха XVIII — первой половины XIX века // Исследования по теории стиха. Л.: Наука, 1978. С. 48—66. [Vishnevskii K. D. Architectonics of the Russian verse of the XVIII — first half of the XIX century. *Issledovaniya po teorii stikha*. Leningrad: Nauka, 1978. Pp. 48—66.]
- Вишневский 2000 — Вишневский К. Д. Нетождественные строфы в русской поэзии XVIII—XIX вв.: классификация и функции // Онтология стиха. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. С. 51—62. [Vishnevskii K. D. Non-identical stanzas in the Russian poetry of the XVIII—XIX centuries: Classification and functions. *Ontologiya stikha*. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2000. Pp. 51—62.]
- Гаспаров 1972 — Гаспаров М. Л. Метрический репертуар русской лирики XVIII—XX вв. // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 54—67. [Gasparov M. L. The metrical repertoire of the Russian lyric poetry of the XVIII—XX centuries. *Voprosy jazykoznanija*. 1972. No. 1. Pp. 54—67.]
- Гаспаров 1984 — Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [An outline of the history of the Russian verse: Metrics, rhythemics, rhyme, strophic organization]. Moscow: Nauka, 1984.]
- Гаспаров, Скулачева 2004 — Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи по лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i po lingvistike stikha* [Articles on the linguistics of verse]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Жирмунский 1975 — Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений // Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. С. 433—536. [Zhirmunsky V. M. Composition of lyrical poems. *Zhirmunsky V. M. Teoriya stikha*. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1975. Pp. 433—536.]
- Ковтунова 1986 — Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. [Kovtunova I. I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Кузьмин 2016 — Кузьмин Д. В. Русский моностих: очерк истории и теории. М.: Новое литературное обозрение, 2016. [Kuz'min D. V. *Russkii monostikh: ocherk istorii i teorii* [Russian monostich: An outline of history and theory]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2016.]
- Лебедев 2016 — Лебедев А. А. Поэтический синтаксис П. А. Вяземского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. [Lebedev A. A. *Poeticheskii sintaksis P. A. Vyazemskogo. Avtoref. kand. diss.* [P. A. Vyazemsky's poetic syntax. Author's abstract of the cand. diss.]. St. Petersburg: St. Petersburg Syaye Univ., 2016.]
- Лебедева 1971 — Лебедева Н. В. Синтаксис поэтической речи // Русская речь. 1971. № 1. С. 27—31. [Lebedeva N. V. The syntax of poetic language. *Russkaya rech'*. 1971. No. 1. Pp. 27—31.]

- Матяш 2011 — Матяш С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII—XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. [Matyash S. A. *Vol'nyi yamb russkoi poezii XVIII—XIX vv.: zhanr, stil', stikh* [Free iamb in Russian poetry of the XVIII—XIX centuries: Genre, style, verse]. St. Petersburg: Philology Department of the St. Petersburg State Univ., 2011.]
- Очерки 1993 — Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М.: Наука, 1993. [*Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the history of the XX century Russian poetic language. Grammatical categories. Syntax of text]. Moscow: Nauka, 1993.]
- Патроева 2016a — Патроева Н. В. Некоторые теоретико-методологические основы создания словаря «нелексического» типа (на материале «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века») // Подробности словесности: сборник статей к юбилею Людмилы Владимировны Зубовой. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 259—266. [Patroeva N. V. Some theoretical and methodological principles of creation of a «non-lexical» dictionary (based on the material of the «Syntactic dictionary of the XVIII century Russian poetry»). *Podrobnosti slovesnosti: sbornik statei k yubileyu Lyudmily Vladimirovny Zubovoi*. St. Petersburg: Svoe Izdatel'stvo, 2016. Pp. 259—266.]
- Патроева 2016b — Патроева Н. В. Русское осложненное предложение: учеб. пособие: в 3-х ч. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. [Patroeva N. V. *Russkoe oslozhennoe predlozhenie: ucheb. posobie: v 3-kh ch. Ch. 1*. [The Russian expanded sentence: A study guide in 3 parts. Part 1.] Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 2016.]
- Пейсахович 1976 — Пейсахович М. А. Астрофический стих и его формы // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 93—106. [Peisakhovich M. A. Astrophic verse and its forms. *Voprosy jazykoznanija*. 1976. No. 1. Pp. 93—106.]
- Перетрухин 1979 — Перетрухин В. Н. Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // Филологические науки. 1979. № 4. С. 46—50. [Peretruxhin V. N. Expansion, extension, and complication in the simple sentence. *Filologicheskie nauki*. 1979. No. 4. Pp. 46—50.]
- Пешковский 1959 — Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 131—146. [Peshkovskii A. M. Does coordination and subordination of sentences exist in Russian? Peshkovskii A. M. *Izbrannye trudy*. Moscow: Uchpedgiz, 1959. Pp. 131—146.]
- Плунгян 2014 — Плунгян В. А. Неклассический стих Лермонтова: некоторые детали // Ученые записки ПетрГУ. 2014. Сер.: Общ. и гуманитарные науки. № 7 (144). С. 40—51. [Plungian V. A. Lermontov's non-classical verse: Some details. *Uchenye zapiski PetrGU*. 2014. Ser.: Obshchestvennye i humanitarnye nauki. No. 7 (144). Pp. 40—51.]
- Поспелов 1960 — Поспелов Н. С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Pospelov N. S. *Sintaksicheskii stroi stikhotvornykh proizvedenii Pushkina* [Syntactic structure of Pushkin's poetry]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960.]
- Поэтическая грамматика 2005 — Поэтическая грамматика / отв. ред. Красильникова Е. В. Т. I. М.: Азбуковник, 2005. [*Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Krasil'nikova E. V. (ed.). Vol. I. Moscow: Azbukovnik, 2005.]
- Поэтическая грамматика 2013 — Поэтическая грамматика / отв. ред. Красильникова Е. В. Т. II. М.: Азбуковник, 2013. [*Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Krasil'nikova E. V. (ed.). Vol. II. Moscow: Azbukovnik, 2013.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the semantic and pragmatic space]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Сидорова 2000 — Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 2000. [Sidorova M. Yu. *Grammatika khudozhestvennogo teksta* [Grammar of the literary text]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2000.]
- Сильман 1967 — Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л.: Просвещение, 1967. [Sil'man T. I. *Problemy sintaksicheskoi stilistiki* [Problems of syntactic stylistics]. Leningrad: Prosveshchenie, 1967.]
- Сильман 1977 — Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. [Sil'man T. I. *Zametki o lirike* [Notes on lyrics]. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1977.]

- Скулачева, Буякова 2010 — Скулачева Т. В., Буякова М. В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. №2. С. 37—54. [Skulacheva T. V., Buyakova M. V. Verse and prose: Coordination and subordination. *Voprosy jazykoznanija*. 2010. No. 2. Pp. 37—54.]
- Тарланов 2007 — Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении: учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. [Tarlanov Z. K. *Universitetskii kurs russkogo sintaksisa v nauchno-istoricheskom osveshchenii: ucheb. posobie* [A university course of the Russian syntax in scientific and historical light: A teaching guide]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 2007.]
- Томашевский 1959 — Томашевский Б. В. Стих и язык: филологические очерки. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. [Tomashevskii B. V. *Stikh i yazyk: filologicheskie ocherki* [Verse and language: Philological essays]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1959.]
- Тынянов 1965 — Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М.: Советский писатель, 1965. [Tyunyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1965.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [Description of the semantics of conjunctions]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Федотов 2002 — Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2-х кн. Кн. 2. Строфика. М.: Флинта: Наука, 2002. [Fedotov O. I. *Osnovy russkogo stikhoslozheniya. Teoriya i istoriya russkogo stikha: V 2-kh kn. Kn. 2. Strofika* [Fundamentals of the Russian versification. Theory and history of the Russian verse: In 2 vol. Vol. 2. Strophic organization. Moscow: Flinta: Nauka, 2002.]
- Хютль-Фольтер 2002 — Хютль-Фольтер Г., Сауберер Г. О синтаксисе «Писем русского путешественника» Карамзина в сравнении с синтаксисом «Писем из Франции» Фонвизина // Онипенко Н. К. (ред.). Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: Эдиториал УРСС, 2002. [Hüttl-Folter G., Sauberer G. On the syntax of Karamzin's «Letters of a Russian traveller» compared with the syntax of Fonvizin's «Letters from France». *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta*. Onipenko N. K. (ed.). Moscow: Editorial URSS, 2002.]
- Шапир 1987 — Шапир М. И. «Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1987. Т. 46. № 2. С. 221—236. [Shapir M. I. «Grammar of poetry» and its creators (Theory of «poetic language» by G. O. Vinokur and R. O. Jakobson). *Izvestiya AN SSSR. OLYa*. 1987. Vol. 46. No. 2. Pp. 221—236.]
- Шапир 2003 — Шапир М. И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31—78. [Shapir M. I. Three reforms of the Russian verse syntax (Lomonosov — Pushkin — Josef Brodsky). *Voprosy jazykoznanija*. 2003. No. 3. Pp. 31—78.]
- Шестакова 2012 — Шестакова Л. Л. Сводные словари поэтического языка в современной русской лексикографии // Современное русское языкознание и лингводидактика: сб. трудов, посвященный 90-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 411—420. [Shestakova L. L. Consolidated dictionaries of poetic language in modern Russian lexicography. *Sovremennoe russkoe jazykoznanie i lingvodidaktika: sb. trudov, posvyashchenniy 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO N. M. Shanskogo*. Moscow: Moscow Region State Univ. Publ., 2012. Pp. 411—420.]
- Эйхенбаум 1969 — Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. М.: Советский писатель, 1969. С. 327—511. [Eikhenbaum B. M. *Melodics of the Russian lyrical verse*. Eikhenbaum B. M. *O poezii*. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1969. Pp. 327—511.]
- Якобсон 1987 — Якобсон Р. О. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С.80—98. [Jakobson R. O. Problems of poetics. A postscript to the book with the same name. Jakobson R. O. *Raboty po poetike*. Moscow: Progress, 1987. Pp. 80—98.]

Получено / received 25.01.2017

Принято / accepted 04.04.2017

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Общая типология предложений

Тип предложения	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
Неосложненные двусоставные предложения (НДП)	80 (9,7%)	114 (19,2%)	448 (20,5%)	600 (19,9%)	101 (13,9%)	266 (14,4%)	23 (10,0%)	427 (23,6%)	952 (27,3%)
Неосложненные односоставные предложения (НОП)	22 (2,7%)	17 (2,9%)	61 (2,8%)	128 (4,2%)	47 (6,5%)	73 (4,0%)	7 (3,0%)	140 (7,7%)	286 (8,2%)
Осложненные двусоставные предложения (ОДП)	45 (5,4%)	55 (9,3%)	269 (12,3%)	288 (9,5%)	28 (3,8%)	140 (7,6%)	24 (10,4%)	138 (7,6%)	392 (11,3%)
Осложненные односоставные предложения (ООП)	23 (2,8%)	22 (3,7%)	65 (3,0%)	88 (2,9%)	21 (2,9%)	49 (2,7%)	5 (2,2%)	74 (4,1%)	146 (4,2%)
Бинарные сложносочиненные предложения (БССП)	19 (2,3%)	19 (3,2%)	99 (4,5%)	179 (5,9%)	43 (5,9%)	91 (4,9%)	3 (1,3%)	96 (5,3%)	199 (5,7%)
Бинарные сложноподчиненные предложения (БСПП)	96 (11,6%)	57 (9,6%)	342 (15,7%)	431 (14,3%)	93 (12,8%)	187 (10,1%)	26 (11,3%)	162 (9,0%)	256 (7,3%)
Бинарные бессоюзные предложения (ББСП)	71 (8,6%)	67 (11,3%)	278 (12,7%)	294 (9,7%)	90 (12,4%)	223 (12,1%)	28 (12,2%)	255 (14,1%)	390 (11,2%)
Многокомпонентные сложные предложения ¹ с сочинением (МССП)	6 (0,7%)	4 (0,7%)	3 (0,1%)	13 (0,4%)	3 (0,4%)	11 (0,6%)	0 (0,0%)	1 (0,1%)	27 (0,8%)
Многокомпонентные сложные предложения с подчинением (МСПП)	76 (9,2%)	16 (2,7%)	140 (6,4%)	85 (2,8%)	30 (4,1%)	63 (3,4%)	2 (0,9%)	59 (3,3%)	57 (1,6%)

Тип предложения	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
Многокомпонентные сложные предложения с бессоюзием (МБСП)	35 (4,2%)	65 (11,0%)	114 (5,2%)	145 (4,8%)	49 (6,7%)	173 (9,4%)	37 (16,1%)	124 (6,9%)	146 (4,2%)
Многокомпонентные сложные предложения с сочинением и подчинением (МСПСП)	73 (8,8%)	34 (5,7%)	109 (5,0%)	191 (6,3%)	40 (5,5%)	89 (4,8%)	7 (3,0%)	48 (2,7%)	76 (2,2%)
Многокомпонентные сложные предложения с сочинением и бессоюзием (МСПСБ)	24 (2,9%)	27 (4,6%)	55 (2,5%)	174 (5,8%)	41 (5,6%)	165 (8,9%)	15 (6,5%)	96 (5,3%)	217 (6,2%)
Многокомпонентные сложные предложения с подчинением и бессоюзием (МСППБ)	146 (17,6%)	51 (8,6%)	100 (4,6%)	220 (7,3%)	102 (14,0%)	200 (10,8%)	40 (17,4%)	127 (7,0%)	150 (4,3%)
Многокомпонентные сложные предложения с сочинением, подчинением и бессоюзием (МСПСПБ)	109 (13,2%)	44 (7,4%)	98 (4,5%)	172 (5,7%)	40 (5,5%)	110 (6,0%)	13 (5,7%)	53 (2,9%)	117 (3,4%)
Фразеологизированные предложения	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (0,0%)	7 (0,2%)	0 (0,0%)	5 (0,3%)	0 (0,0%)	1 (0,1%)	23 (0,7%)
Нечленимые предложения	3 (0,4%)	1 (0,2%)	0 (0,0%)	7 (0,2%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	9 (0,5%)	49 (1,4%)
Всего ²	828 (100,0%)	593 (100,0%)	2182 (100,0%)	3022 (100,0%)	728 (100,0%)	1845 (100,0%)	230 (100,0%)	1810 (100,0%)	3483 (100,0%)

¹ Многокомпонентные сложные предложения — конструкции, состоящие из трех и более предикативных частей, демонстрирующие связь одного типа (так называемые «чистые» структуры) или основанные на комбинации разных типов связей; синтаксический словарь русской поэзии описывает

многокомпонентные сложные предложения с сочинением (в которых все части скреплены сочинительными союзами), с подчинением (в которых все части скреплены подчинительными союзами и союзными словами), с бессоюзием (в которых все части связаны без использования союзов, интонационно), с сочинением и подчинением (в построении предложения участвуют сочинительные и подчинительные союзы, а также относительные местоимения), с сочинением и бессоюзием (в построении предложения участвуют сочинительные союзы и только интонацией соединенные части), с сочинением, подчинением и бессоюзием (структура предложения включает части, соединенные как без участия релятивов, так и с помощью сочинительных, подчинительных союзов и относительных местоимений).

² Корпусы сопоставляемых текстов существенно различаются по объему в силу двух обстоятельств. 1) авторы синтаксического словаря придерживались принципа сплошной выборки предложений из полных или наиболее полных по объему собраний стихотворений, избегая по возможности только переводов других поэтов (так, из «Собрания стихотворений» Антиоха Кантемира для синтаксической разметки не был выбран раздел «Переводы», а также пятая сатира «На человеческие злонравия вообще», являющаяся вольным переделом одной из глав сатиры Буало), между тем последовательное исключение всяких стихотворных произведений, возникших как в разной степени вольные переводы и переложения, в качестве принципа, общего для словаря в целом, все же не представлялось возможным: например, многие басни И. И. Дмитриева возникли именно на основе вольных переводов зарубежных аналогов, однако, несмотря на данное обстоятельство, представляют собой оригинальные в художественном отношении произведения, оказавшие несомненное влияние не только на язык и стиль талантливых последователей Дмитриева (в частности, И. А. Крылова), но и на процесс демократизации норм русской литературной речи рубежа XVIII—XIX вв., — отсюда сравнительно небольшой объем попавших в выборку предложений из В. К. Тредиаковского, часто обращавшегося к переводам зарубежных авторов; 2) творческая биография некоторых авторов в большей степени была связана с созданием прозаических произведений, драм или поэм (Тредиаковский, Херасков, Радищев) или очень коротка (Кантемир), однако в силу того, что выборка данных по малым поэтическим жанрам производилась сплошным образом, данные о процентном соотношении тех или иных синтаксических структур представляются вполне информативными, несмотря на количественные расхождения в две с половиной тысячи предложений (например, между Дмитриевым и Радищевым).

Таблица 2

Соотношение простых и сложных предложений в русской поэзии XVIII в.
(% от общего числа предложений)

Тип предложения	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
Простое предложение	20,6 %	35,1 %	37,7 %	35,4 %	27,2 %	28,7 %	25,6 %	43,6 %	51,0 %
Сложное предложение	79,4 %	64,9 %	62,3 %	64,6 %	72,8 %	71,3 %	74,4 %	56,4 %	49,0 %

Таблица 3

Соотношение сочинения, подчинения и бессоюзия в сложных конструкциях

Тип процентного соотношения	Вид сложного предложения						
	Сложно-сочинение предложение (БСП+МСПП)	Сложное предложение с сочинением и бессоюзием (МСПБ)	Сложно-подчиненное предложение (БСП+МСПП)	Сложное предложение с подчинением и бессоюзием (МСПБ)	Сложное предложение с сочинением и подчинением (МСПП)	Бессоюзное сложное предложение (ББСП+МБСП)	Сложное предложение с сочинением, подчинением и бессоюзием (МСПСПБ)
Доля от общего количества конструкций	5,6%	5,7%	14,7%	8,1%	4,4%	17,7%	5,1%
Доля от количества сложных конструкций	9,1%	9,2%	24,0%	13,3%	7,2%	28,9%	8,3%

Таблица 4

Максимальная и средняя длина предложения

Автор	Длина предложения (кол-во слов)		Длина предложения (кол-во строк)	
	Максимальная	Средняя	Максимальная	Средняя
Кантемир	133	22,6	18	3,4
Тредиаковский	156	15,6	22	3,2
Ломоносов	134	16,6	12	3,4
Сумароков	88	14,3	17	2,7
Херасков	108	16,1	14	3,7
Державин	114	20,5	24	4,5
Радищев	60	19,9	10	4,3
Карамзин	143	15,0	34	2,9
Дмитриев	112	12,2	18	2,3

Таблица 5

Синтаксис и метрика (абсолютные и процентные показатели от общего количества предложений, встречающихся в стихотворениях соответствующего типа стихосложения и размера)

Метрика	Тип предложения											Всего предложений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БСП	БСПП	ББСП	ББСПП	МСПП	МБСП	МСПРЗ	
Силлабика	174 (14,1%)	93 (7,5%)	42 (3,4%)	42 (3,4%)	33 (2,7%)	137 (11,1%)	125 (10,1%)	7 (0,6%)	92 (7,4%)	67 (5,4%)	426 (34,4%)	1238 (100%)
Я6	491 (18,7%)	255 (9,7%)	127 (4,8%)	72 (2,7%)	161 (6,1%)	394 (15%)	258 (9,9%)	11 (0,4%)	118 (4,5%)	110 (4,2%)	622 (23,7%)	2619 (100%)
Я4	869 (18,9%)	450 (9,8%)	225 (4,9%)	164 (3,6%)	247 (5,4%)	474 (10,3%)	553 (12,0%)	17 (0,4%)	162 (3,5%)	359 (7,8%)	1074 (23,4%)	4594 (100%)
ЯНр ³	1028 (25,9%)	377 (9,5%)	251 (6,3%)	123 (3,1%)	222 (5,6%)	398 (10%)	397 (10,0%)	22 (0,6%)	96 (2,4%)	187 (4,7%)	870 (21,9%)	3971 (100%)
Я3	79 (17,9%)	39 (8,8%)	20 (4,5%)	25 (5,7%)	25 (5,7%)	60 (13,6%)	66 (14,9%)	4 (0,9%)	18 (4,1%)	20 (4,5%)	86 (19,5%)	442 (100%)
Я2	2 (40,0%)	0 (0,0%)	3 (60%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	5 (100%)
Я5	3 (10,7%)	1 (3,6%)	0 (0,0%)	3 (10,7%)	0 (0,0%)	5 (17,9%)	6 (21,4%)	0 (0,0%)	1 (3,6%)	1 (3,6%)	8 (28,6%)	28 (100%)
Х4	180 (18,1%)	108 (10,9%)	69 (6,8%)	34 (3,3%)	38 (3,8%)	108 (10,9%)	174 (17,4%)	1 (0,1%)	21 (2,1%)	76 (7,5%)	187 (18,8%)	996 (100%)
ХНр	19 (14,6%)	16 (12,3%)	1 (0,8%)	6 (4,6%)	5 (3,8%)	15 (11,5%)	15 (11,5%)	1 (0,8%)	3 (2,3%)	15 (11,5%)	34 (26,2%)	130 (100%)
Х3	6 (15,0%)	1 (2,5%)	0 (0,0%)	2 (5,0%)	4 (10%)	1 (2,5%)	6 (15,0%)	0 (0,0%)	1 (2,5%)	9 (22,5%)	10 (25%)	40 (100%)
Х5	2 (15,4%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	3 (23,1%)	2 (15,4%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (15,4%)	4 (30,8%)	13 (100%)
Х6	1 (14,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (14,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (14,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (57,1%)	7 (100%)
Х7	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (20%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (20%)	3 (60,0%)	5 (100%)
Д2	10 (21,7%)	3 (6,5%)	2 (4,3%)	2 (4,3%)	1 (2,2%)	5 (10,9%)	16 (34,8%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	3 (6,5%)	4 (8,7%)	46 (100%)
Д3	11 (50,0%)	3 (13,6%)	1 (4,5%)	1 (4,5%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (18,2%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (9,1%)	0 (0,0%)	22 (100%)
Д4	8 (29,6%)	5 (18,5%)	1 (3,7%)	2 (7,4%)	4 (14,8%)	0 (0,0%)	2 (7,4%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (14,8%)	1 (3,7%)	27 (100%)
ДНр	22 (34,4%)	9 (14,1%)	1 (1,6%)	3 (4,7%)	0 (0,0%)	4 (6,3%)	15 (23,4%)	0 (0,0%)	2 (3,1%)	8 (12,5%)	0 (0,0%)	64 (100%)
Амф2	7 (21,2%)	3 (9,1%)	1 (3,0%)	0 (0,0%)	3 (9,1%)	1 (3,0%)	7 (21,2%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	5 (15,2%)	6 (18,2%)	33 (100%)
Амф3	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (100,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (100%)
Амф4	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (50,0%)	1 (50,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (100%)
Ан2	1 (14,3%)	0 (0,0%)	1 (14,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (28,6%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	3 (42,9%)	7 (100%)

Метрика	Тип предложения										Всего предло-жений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БССП	БСПП	ББСП	МССП	МСПП	МБСП	МСПРЗ
АнЗ	1 (8,3%)	0 (0,0%)	2 (16,7%)	1 (8,3%)	1 (8,3%)	2 (16,7%)	2 (16,7%)	1 (8,3%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (16,7%)
АнНр	2 (22,2%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (22,2%)	1 (11,1%)	0 (0,0%)	1 (11,1%)	0 (0,0%)	3 (33,3%)
Полиметрические композиции	70 (19,1%)	35 (9,5%)	25 (6,8%)	11 (3,0%)	17 (4,6%)	37 (10,1%)	44 (12,0%)	4 (1,1%)	4 (1,1%)	52 (14,2%)	68 (18,5%)
Тактовик	0 (0,0%)	1 (10,0%)	0 (0,0%)	3 (30,0%)	0 (0,0%)	1 (10,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	1 (10,0%)	1 (10,0%)	3 (30,0%)

³ Нр — неравностоппный, в том числе вольный стих.

Таблица 6

Синтаксис и строфика (абсолютные и процентные показатели от общего количества предложений, встречающихся в тождественнострофических стихотворениях с графически выделенными пробелом строфами)

Строфика	Тип предложения										Всего предло-жений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БССП	БСПП	ББСП	МССП	МСПП	МБСП	МСПРЗ
2-стишие	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (50,0%)	2 (25,0%)	0 (0,0%)	2 (25,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	8 (100%)
3-стишие	5 (18,5%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (7,4%)	2 (7,4%)	1 (3,7%)	6 (22,2%)	0 (0,0%)	2 (7,4%)	4 (14,8%)	27 (100%)
4-стишие	281 (18,5%)	173 (11,4%)	79 (5,2%)	67 (4,4%)	88 (5,8%)	149 (9,8%)	216 (14,2%)	6 (0,4%)	42 (2,8%)	133 (8,7%)	289 (19,0%)
5-стишие	27 (19,0%)	12 (8,5%)	1 (0,7%)	2 (1,4%)	4 (2,8%)	10 (7,0%)	16 (11,3%)	3 (2,1%)	4 (2,8%)	17 (12%)	46 (32,4%)
6-стишие	86 (18,4%)	56 (12%)	19 (4,1%)	14 (3,0%)	13 (2,8%)	49 (10,5%)	68 (14,5%)	2 (0,4%)	8 (1,7%)	45 (9,6%)	108 (23,1%)
7-стишие	19 (20,7%)	13 (14,1%)	8 (8,7%)	5 (5,4%)	7 (7,6%)	7 (7,6%)	12 (13,0%)	1 (1,1%)	0 (0,0%)	3 (3,3%)	17 (18,5%)
8-стишие	115 (14,2%)	64 (7,9%)	56 (6,9%)	25 (3,1%)	41 (5%)	78 (9,6%)	114 (14,0%)	3 (0,4%)	34 (4,2%)	63 (7,8%)	219 (27,0%)
9-стишие	8 (22,2%)	1 (2,8%)	1 (2,8%)	0 (0,0%)	2 (5,6%)	2 (5,6%)	10 (27,8%)	2 (5,6%)	1 (2,8%)	0 (0,0%)	9 (25,0%)
10-стишие	504 (18,1%)	300 (10,8%)	104 (3,7%)	89 (3,2%)	127 (4,6%)	321 (11,5%)	380 (13,7%)	5 (0,2%)	99 (3,6%)	231 (8,3%)	621 (22,3%)
12-стишие	25 (18,3%)	9 (6,3%)	11 (8,3%)	3 (2,3%)	12 (9,1%)	8 (6,1%)	15 (13,4%)	0 (0,0%)	3 (2,3%)	8 (6,1%)	38 (28,7%)
вольная композиция (неравнострофный стих)	599 (22,3%)	270 (10%)	175 (6,5%)	101 (3,8%)	124 (4,6%)	277 (10,3%)	320 (11,9%)	13 (0,5%)	92 (3,4%)	147 (5,5%)	573 (21,3%)
астрофическая композиция	1262 (22,1%)	487 (8,5%)	289 (5,1%)	149 (2,6%)	324 (5,7%)	725 (12,7%)	505 (8,8%)	30 (0,5%)	222 (3,9%)	252 (4,4%)	1462 (25,6%)

5707 (100%)

Таблица 7

Синтаксис и жанр (абсолютные и процентные показатели от общего количества предложений, встречающихся в стихотворениях соответствующего жанра)

Жанры	Тип предложения												Всего предло-жений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БССП	БСПП	ББСП	МССП	МСПП	МБСП	МСПРз		
ода	629 (17,3%)	368 (10,1%)	135 (3,7%)	122 (3,4%)	183 (5,7%)	420 (11,6%)	420 (11,6%)	10 (0,4%)	143 (3,3%)	307 (8,5%)	893 (24,5%)	3630 (100%)	
	1 (3,0%)	0 (0,0%)	6 (18,2%)	2 (6,1%)	3 (9,1%)	1 (3,0%)	9 (27,3%)	1 (3,0%)	2 (6,1%)	1 (3,0%)	7 (21,2%)	33 (100%)	
послание, пись-мо, эпистола	248 (17,0%)	137 (9,4%)	65 (4,5%)	44 (3,0%)	93 (6,4%)	188 (12,9%)	152 (10,4%)	4 (0,3%)	71 (4,9%)	71 (4,9%)	384 (26,4%)	1457 (100%)	
элегия	60 (20,3%)	33 (11,2%)	22 (7,5%)	20 (6,8%)	24 (8,1%)	27 (9,2%)	36 (12,2%)	1 (0,3%)	4 (1,4%)	14 (4,7%)	54 (18,3%)	295 (100%)	
песня, романс	97 (20,7%)	30 (6,4%)	38 (8,1%)	23 (4,9%)	38 (8,1%)	41 (8,7%)	62 (13,2%)	1 (0,2%)	4 (0,9%)	44 (9,4%)	91 (19,4%)	469 (100%)	
кантата	3 (9,1%)	0 (0,0%)	1 (3,0%)	3 (9,1%)	3 (9,1%)	1 (3,0%)	3 (9,1%)	0 (0,0%)	1 (3,0%)	9 (27,3%)	9 (27,3%)	33 (100%)	
хор	17 (24,6%)	4 (5,8%)	6 (8,7%)	5 (7,2%)	2 (2,9%)	6 (8,7%)	8 (11,6%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	8 (11,6%)	13 (18,8%)	69 (100%)	
сатира	106 (11,8%)	44 (4,9%)	35 (3,9%)	22 (2,4%)	29 (3,2%)	117 (13,0%)	64 (7,1%)	5 (0,6%)	67 (7,5%)	38 (4,2%)	372 (41,4%)	899 (100%)	
басня	381 (29,4%)	135 (10,4%)	113 (8,7%)	28 (2,2%)	108 (8,3%)	100 (7,7%)	110 (8,5%)	9 (0,7%)	27 (2,1%)	47 (3,6%)	239 (18,4%)	1297 (100%)	
пригча	165 (25,9%)	55 (8,6%)	35 (5,5%)	6 (0,9%)	42 (6,6%)	91 (14,3%)	57 (8,9%)	4 (0,6%)	17 (2,7%)	18 (2,8%)	148 (23,2%)	638 (100%)	
сказка	11 (26,8%)	4 (9,8%)	1 (2,4%)	0 (0,0%)	2 (4,9%)	5 (12,2%)	7 (17,1%)	1 (2,4%)	2 (4,9%)	1 (2,4%)	7 (17,1%)	41 (100%)	
героида	20 (27,4%)	9 (12,3%)	4 (5,5%)	1 (1,4%)	4 (5,5%)	10 (13,7%)	2 (2,7%)	0 (0,0%)	2 (2,7%)	1 (1,4%)	20 (27,4%)	73 (100%)	
эпиграмма	79 (27,9%)	26 (9,2%)	11 (3,9%)	5 (1,8%)	19 (6,7%)	35 (12,4%)	34 (12,0%)	1 (0,4%)	5 (1,8%)	14 (4,9%)	54 (19,1%)	283 (100%)	
эпитафия	28 (22,4%)	13 (10,4%)	9 (7,2%)	8 (6,4%)	9 (7,2%)	9 (7,2%)	12 (9,6%)	1 (0,8%)	3 (2,4%)	11 (8,8%)	22 (17,6%)	125 (100%)	
надпись	48 (14,1%)	48 (14,1%)	12 (3,5%)	4 (1,2%)	34 (10,0%)	58 (17,1%)	33 (9,7%)	1 (0,3%)	13 (3,8%)	20 (5,9%)	69 (20,3%)	340 (100%)	
идиллия	30 (18,3%)	12 (7,3%)	11 (6,7%)	10 (6,1%)	9 (5,5%)	13 (7,9%)	14 (8,5%)	0 (0,0%)	10 (6,1%)	16 (9,8%)	39 (23,8%)	164 (100%)	
эклога	42 (26,1%)	17 (10,6%)	3 (1,9%)	2 (1,2%)	11 (6,8%)	21 (13,0%)	13 (8,1%)	1 (0,6%)	3 (1,9%)	3 (1,9%)	45 (28,0%)	161 (100%)	
баллада	20 (29,9%)	7 (10,4%)	7 (10,4%)	5 (7,5%)	6 (9,0%)	6 (9,0%)	3 (4,5%)	0 (0,0%)	1 (1,5%)	2 (3,0%)	10 (14,9%)	67 (100%)	

Жанры	Тип предложения											Всего предло-жений
	НДП	ДОП	НОП	ООП	БССП	БСПП	ББСП	МССП	МСПП	МБСП	МСПРз	
сонет	5 (14,7%)	2 (5,9%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	4 (11,8%)	3 (8,8%)	2 (5,9%)	0 (0,0%)	4 (11,8%)	1 (2,9%)	13 (38,2%)	34 (100%)
рондо	2 (25,0%)	1 (12,5%)	1 (12,5%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (25,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	0 (0,0%)	2 (25,0%)	8 (100%)
стансы	19 (18,6%)	18 (17,6%)	2 (2,0%)	5 (4,9%)	13 (12,7%)	14 (13,7%)	11 (10,8%)	0 (0,0%)	4 (3,9%)	2 (2,0%)	14 (13,7%)	102 (100%)
мадригал	3 (13,6%)	2 (9,1%)	1 (4,5%)	0 (0,0%)	2 (9,1%)	4 (18,2%)	2 (9,1%)	2 (9,1%)	0 (0,0%)	1 (4,5%)	5 (22,7%)	22 (100%)
внежанровое стихотворение	795 (21,8%)	360 (9,9%)	223 (6,1%)	137 (3,8%)	245 (6,7%)	318 (8,7%)	451 (12,4%)	22 (0,6%)	94 (2,6%)	247 (6,8%)	748 (20,5%)	3640 (100%)

Таблица 8

Границы предложения в сопоставлении с объемом строфы

Границы предложе-ния и строф ⁴	Кантемир	Тредиаков-ский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
СОВПАДАЮТ	22 (52,4%)	116 (28,0%)	195 (11,8%)	108 (12,4%)	88 (37,6%)	471 (32,7%)	28 (20,0%)	195 (18,7%)	178 (22,0%)
Предложение КОРОЧЕ строфы	14 (33,3%)	293 (71,5%)	1460 (88,0%)	765 (87,5%)	145 (62%)	948 (66,0%)	111 (80,0%)	834 (79,3%)	624 (76,8%)
Предложение ДЛИННЕЕ строфы	6 (14,4%)	2 (0,5%)	4 (0,2%)	1 (0,1%)	1 (0,4%)	19 (1,3%)	0 (0%)	21 (2,0%)	10 (1,2%)

⁴ Подсчеты проводились на материале тождественнострочических произведений с графической разбивкой (пробелом) на строфы.

Таблица 9

Синтаксические переносы из строки в строку
(в процентном соотношении с общим количеством строк-стихов)

Кантемир	Тредиаков-ский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Радищев	Карамзин	Дмитриев
29,4%	14,7%	24,4%	14%	20%	22%	16,2%	30,4%	18%

FORMATIVE-SEMANTIC MODELS OF ADJECTIVE COMPOUNDS IN ENGLISH AND SERBIAN*

© 2017

Vladimir Ž. Jovanović

University of Niš, Niš, 18000, Serbia; vladimirz.jovanovic@filfak.ni.ac.rs

The paper is a comparative-contrastive analysis of the models or patterns of adjective compound formation in English and Serbian, two typologically different languages. As any sustainable attempt to establish similarities and differences between the two languages regarding lexeme formation processes would not be possible if one relied solely on the surface formal features of compounds, the comparison has been drawn between formative-semantic models of adjective compounds based on the internal relations within their underlying structure. The contrasting procedure has been performed on 32 different models established in English and 19 in Serbian. The entire idea is founded upon the assumption that compound lexical constructs are interpretable in terms of reduced clauses (in this particular instance, adjectival clauses), an approach that could be traced back to the works of Lees, Ljung, Chomsky, Lieber, and others.

Keywords: compound adjectives, formation patterns, English, Serbian

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Владимир Ж. Јовановић

Нишки университет, Ниш, 18000, Србија; vladimirz.jovanovic@filfak.ni.ac.rs

В настоящей работе представлен сопоставительно-контрастивный анализ словообразовательных моделей сложных прилагательных в типологически несходных английском и сербском языках. Так как попытка установления сходств и различий между ними на основании характеристик исключительно поверхностной структуры сложных слов оказалась бы бесплодной, сопоставление основывалось на формировании особых словообразовательно-семантических моделей сложных прилагательных и их глубинных структур. Контрастивная процедура и результаты контрастивного анализа базируются на 32 разных моделях, которые можно установить в аналитическом английском языке, и 19 в синтетическом сербском языке. Идея о сопоставлении образцов основана на предположении, что сложные лексические образования можно интерпретировать с помощью придаточных предложений без союзов, то есть с опущенными союзами (в данном случае с помощью придаточных определительных предложений, в которых опускаются относительные местоимения); подобный подход встречается в работах некоторых исследователей.

Ключевые слова: английский, сербский, словообразовательные образцы, сложные прилагательные, тематические роли

* The paper has been written as a part of the research project “Languages and cultures across space and time” funded by the Ministry of Education, Science, and Technological Development of the Republic of Serbia (Grant No. 178002).

1. Introduction

The present paper reports on a comparative-contrastive analysis of the formative models that could be established within the domain of adjective composition in English and Serbian. The lexeme formation process of compounding in English as a root language is different from the same process in Serbian or any other of the synthetic languages like Russian or Slovak, for that matter.¹ Moreover, as Fabb [1998: 66] put it, “there are many possible semantic relations between the parts in a compound, as between the parts in a sentence, but unlike a sentence, in a compound, case, prepositions and structural position are not available to clarify the semantic relation”. Booij [2009: 322] formulated the same general trait as:

- (1) $[[a]X [b]Y]Y$ ‘Yi with relation R to X’

Since it would not be possible to establish any relevant similarities or differences between the two languages in the form of compounds as they appear on surface due to the accompanying process of derivation, among other reasons, the comparison has to be performed on the basis of adjective compound formative-semantic models particularly formulated within this research. This means that the contrasting of the languages upon their lexeme forming potentials is to be undertaken at a more basic level, before the process of lexicalisation takes place.²

The paper tries to provide arguments in favour of the idea that the syntactic component should not be altogether dismissed and eliminated in lexeme formation. Even though a clear distinction between morphology and syntax should be maintained, and these two are to be kept apart as two separate levels of language organization, cf. most notably by Ackema and Neeleman [2004; 2007], Borer [1989], and Selkirk [1982], the domain of lexical compounding and compound adjective formation in particular may be taken as a point of interface of the two. Among other things, syntax can be viewed as providing input for lexeme formation, the fact can be vouched for by a number of lexical formations such as *get-at-able*, *unputdownable*, *a has-been*, *all-too-common*, *whatshisname*, etc., many of which are counter-examples to Rudolf Botha’s [1983] **No-Phrase Constraint**. Moreover, in certain domains of lexeme composition syntax appears to be an indispensable framework for both formal analysis and meaning interpretation. For instance, the English compound *card-carrying* could be interpreted literally, namely ‘one who carries a card’, on the grounds of the meanings encoded in the parts of the compound. However, it seems that only after immersing the lexeme in an appropriate sentential context would the full and adequate meaning of the item be unfolded. The head noun *member* or *Democrat* considerably contributes to the correct or precise understanding of the preceding compound with modifying function. By the same token, the compound *air-minded* as such might be understood as a word referring to a person with certain mental properties (cf. *narrow-minded*, *absent-minded*, etc.), but it is through establishing a concrete semantic interpretation and inherent relations among the syntactic and semantic roles of its elements, both expressed and unexpressed, that the exact semantic structure of this word could be determined, i.e. a person who is dedicated to flying, whose ‘mind is in the air’. The same could apply to *cloth-eared* which by no means is interpretable in similar terms as another compound of the same surface structure, e.g. *rabbit-eared*.

The aim of the study is to attempt at providing a consistent explanation of the ways adjective compounds are formed based on the syntactic structures that may be considered as adequate adjective compound “nurseries” and applied to both English and Serbian compounds. Starting

¹ In the “Oxford handbook of compounding”, it is stated that in “inflectional languages like Czech, Slovak, or Russian, the individual constituents of syntactic phrases are inflected. Compounds result from the combination not of words, but stems — uninflected parts of independent words that do not themselves constitute independent words” [Lieber, Štekauer 2009: 5].

² Lexicalisation is understood here in terms presented by Lehmann [2002] and interpreted by Brinton and Traugott [2005: 21] as “‘a process in which something becomes lexical’ in the sense of entering the inventory and becoming holistic”.

from some of the earliest assumptions such as “what is traditionally referred to as derivation can be, and ought to be, integrated with the syntactic rules of English” [Lyons 1968: 196], to the more recent ones as “the meaning is non-compositional: the meaning of the word-form is more than the sum of the meanings of the parts” [Haspelmath, Sims 2010: 50], the analysis of English and Serbian compound adjective formation has been effected here through the interpretation of adjective compounds via the underlying syntactic structures that could be postulated. Having in mind the fact that compounds such as *tongue-tied* are not easily semantically explained and not readily comparable with others, e.g. *rat-infested*, the approach presented here may allow for making a wider-scope generalisation about the ways compound adjectives are formed and understood across languages. As opposed to other approaches which accounted for composition on the grounds of compound-building rules and phrase structure origin [Roeper, Siegel 1978; Spencer 1991; Roeper 1999], the approach presented here goes along the lines of those that look for explanations within the widest lexeme-formative context, i.e. clausal structure. The paper is meant to offer a fairly complete structural description of English and Serbian adjective compounds regarding the number and types of formative patterns in an attempt to account for the adjectivisation processes by adhering to the Generative linguistic view in its most rudimentary form (assuming simple active affirmative declarative syntactic structures at the underlying level), as presented in Chomsky [1957]. Even though compounding has been fairly treated in the domain of nominal compounds, there seems to exist a gap in the literature when it comes to adjectival compounds other than synthetic ones.

To make the comparison between the two typologically different languages more conspicuous, the following sections present two sets of adjective compound formation models; first, those that could be considered common in the two languages, and then the ones that make the difference. Although examples taken as representative for each model may not be the same in English and Serbian, the structural matrix they stem from can be looked at as shared, judging by the semantic roles and the formation pattern. This is the reason why the Serbian semantic counterpart *slobodoljubiv* ‘one who loves freedom’ has not been selected as a corresponding example for the English compound *freedom-loving*. What we are more interested in here are the moulds in which different adjective compounds are cast, not necessarily incorporating the same meaning, so that it may be claimed that the tertium comparationis in this contrastive study would be the underlying structural identity of the compounds in the two languages, rather than their semantic concordance. It should be noted that the analysis has been performed by taking into consideration only the primary, denotative meaning of the compounds, and that the models have been formed involving structural elements in their primary meaning. The compound adjectives considered in this research involve native compounds, excluding neo-classical, combining-form-based compounds, so that only right-headed compounds and those headed by adjectival words according to the idea presented by Selkirk [1982: 20] were taken into account.³

This approach presupposes the existence of an underlying clausal matrix where a compound base is formed and the affixation stage that occurs before the phonological component and the surface compound form is manifested.⁴ The entire idea is founded upon the assumption that adjective compounds as lexical constructs are interpretable in terms of reduced clauses (in this particular instance, adjectival clauses), an approach that can be traced back to the works of Lees [1963] and Ljung [1970] primarily, but also other authors, in combination with a modified version of the so-called Reductionist principle proposed by Matthews, according to whom “it is within transformational syntax that the integration of the lexicon has proved particularly attractive” [Matthews 1974: 175]. The ideas of clausal origin of compounds and lexical transformations have been exposed to criticism in literature, most notably by Allen [1978] and Selkirk [1982]. However, the scope of the overview in this study is much wider than that of Allen’s and Selkirk’s criticism of the ideas

³ For the notion of right-headedness of English compounds, see [Di Sciullo, Williams 1987].

⁴ For a more comprehensive view on the early treatments of compounding within the Generative framework, see [Ten Hacken 2009].

proposed by Roeper and Siegel [1978] and in contrastive considerations like the present one, the concept of sentential context as the source of word-formation may prove to be a useful starting assumption [Beard 1995]. The objections by Selkirk [1982: 45] include the inability of transformations to directly map syntactic representations to sub-categorisation frames. Naturally, there could be no **direct mapping**, but obviously there could be other alternatives to envisage such as reduction operations, which take into account the full potential of the human productive language ability across different layers of language organization. Further on, the models presented here do not entail any actual words but may be taken as abstractions, the concrete lexical expressions depend on many communicative factors. Finally, the approach presented in this paper helped in providing a clear statement that verbs are not possible as first elements of verbal, i.e. synthetic compounds in English, which was the second major criticism by Selkirk [1982: 46]. Apparently, this statement may be expanded to all compound adjectives, as it proved to be correct in the analysis undertaken. However, this may not be considered as utterly true of the Serbian language, as it will be understood from the discussion provided in 2.1, model 10.

The models presented in this proposal are viewed as deep phrasal structures with clausal post-nominal modification, whose development into lexical structures passes through several stages [Jovanović 2013]. Each nominal entity in the matrix clausal structure is assigned a semantic role or thematic relation in accordance with the action or state expressed by the verb [Jackendoff 1983]. Moreover, with the models where no nominal elements are postulated, the semantic roles of the head elements are also designated in accordance with the expressed meaning-function relation. Structural constituents are viewed as prototypical units, in accordance with the idea that lexical categories or word classes are to be regarded not as categories of particular languages but rather as typological prototypes on which speakers draw in constructing a grammatical structure, as suggested by Croft [2001]. In order to facilitate the understanding of the underlying processes in forming the semantic frame of a group of compounds, certain functional as well as empty categories are counted on. At this point, it is important to ascertain the significance of each and every symbol employed in the process of defining the models. To formulate the formative-semantic models, traditional labelling is employed, see Abbreviations. Bringing together the formation models of English and Serbian adjective compounds for comparison, we claim that a common formative core for adjective compounds can be determined for English and Serbian. Since the same models could certainly be implemented to analyse other languages from the two branches of the Indo-European family, there is enough grounds to believe that the common core of formative patterns that this study resulted in may be regarded as a part of the general capacity to produce compound lexical units.

The overview of English adjective compounds and their surface semantic-formative qualities is based on the contributions in the traditional literature and the works by Jespersen [1962], Marchand [1969], Adams [1973], Bauer [1983], Matthews [1991], Carstairs-McCarthy [2002], and Plag [2003], while the main theoretical approach is largely based on the treatments by Roeper and Siegel [1978], Lieber [1992], Emonds [2002], and Ackema and Neeleman [2004]. Serbian examples and their consideration relies on the descriptions by Stanojčić et al. [1989], Stevanović [1991], and Klajn [2002].

The research corpus consists of two lists of compound lexical items, the Serbian comprising 932 instances collected from [Vujanić et al. 2007; Stanojčić et al. 1989; Stevanović 1991; Klajn 2002], while the English list contains 734 of the most frequent examples of adjective compounds from [Adams 1973; Bauer 1983; Plag 2003; Simpson, Weiner 2009] as well as other sources.

2. Adjective compounds in English and Serbian

It is established in the presented analysis that English adjective compounds could be formed according to 32 different models that yield lexemes with specific structural and semantic characteristics, some of which are related and form a formative cluster and some of which are quite separate. Applying the same method to the Serbian language revealed the potential of producing

compounds according to 19 patterns. Having these numbers in mind, one could conclude that the adjective compound composition process in these languages is considerably different. Almost a 60% preponderance in the number of models in English as compared to that in Serbian indicates that there must be, among other things, a significant difference in the basic motivation for building compound adjective lexical structures. One interpretation could be that the Serbian language, due to its developed inflection system and a wide array of grammatical affixes, does not rely on compounding lexical structure in attributive positions but in the majority of the cases would preferably retain a syntagmatic construction.

The following segment of text provides a presentation of the formative models, taking into consideration the contrastive outcome. The first group is the common core of English and Serbian, while the following two regard the English and Serbian specificities, respectively. The model examples have been verified in the "Oxford English dictionary" [Simpson, Weiner 2009] and "Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika" [Stevanović et al. 1990], "Rečnik srpskoga jezika" [Vujanić et al. 2007], and "Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku" [Klajn 2002].

2.1. Formative-semantic models of adjective compounds in English and Serbian: Correspondences

The overall number of determined models amounts to 34. With regard to the number of models that are found in the intersection of English and Serbian, it could be inferred that 17 of the established models are shared by the two languages. The largest number of concurrent models is the one concerning those "fronted" by nouns, i.e. those that have nouns as constituents in the compound whose thematic role in the matrix clause is most often THEME/PATIENT. Five combinations involving nouns include potential relations to other nouns, verbs, and adjectives.

MODEL 1. In the first model postulated for both English and Serbian, two nominal bases are combined into a compound item stemming from two noun lexemes of an original relative clause, formally disregarding the comparative element. The subject noun is manifested in the compound as the second element. The adjectival nature of this lexical match is obtained through further derivation, in Serbian by the zero suffix and in English by the possessive *-ed* suffix.⁵ The comparison relation is established on the second nominal entity N_2 and any of the inherent, defining qualities of N_2 such as Eng. *light*, *unsubstantial*, etc., or Serb. *brz* 'fast', *silovit* 'powerful', etc. as in the comparison phrases *as light as a feather* or *brz kao vetar* 'as fast as the wind'. The quality is not lexically manifested in the compound structure but is only implicit, based on the intrinsic characteristics of the N_2 argument. The Serbian composition normally involves the null suffix, as in *svil-o-kos* (silk-INTF-hair-Ø) 'silky-haired' and the elimination of the theme vowel *-a* in *kos-a* 'hair'.

(2) BENCHMARK <i>a feather-headed boxer : vetronog trkač</i>							
N_m	[WH _{case}]	N_1	V _{cop}	[CMPR]	Adj	[CMPR]	N_2
<i>boxer</i>	<i>whose</i>	<i>head</i>	<i>be</i>	<i>as</i>	<i>as</i>	<i>feather</i>	
<i>trkač</i>	<i>čija</i>	<i>noga</i>	<i>biti</i>	<i>toliko</i>	—	<i>kao</i>	<i>vetar</i>
<i>runner</i>	<i>whose</i>	<i>leg</i>	<i>be</i>	<i>as</i>	—	<i>as</i>	<i>wind</i>

The English compounds lack an interfix, e.g. *almond-eyed*, *night-scented*, *pea-brained*, *pin-striped*, *razor-clawed*, *saw-toothed*, *silk-tailed*, *stick-legged*, *straw-haired*, *web-footed*, etc., whereas the Serbian ones use an interfix or a linking vowel: *band-o-glav* (pumpkin-INTF-head-Ø),⁶ *buć-o-glav* (pumpkin-INTF-head-Ø) [Klajn 2002: 77], *sablj-o-zub* (sabre-INTF-tooth-Ø), *srebr-o-glas-an* (silver-INTF-voice-DAF), *srebr-o-glav* (silver-INTF-head-Ø), *srebr-o-list* (silver-INTF-leaf-Ø), *svil-o-rep* (silk-INTF-tail-Ø), *svil-o-run* (silk-INTF-fleece-Ø), *vil-o-rog* (pitchfork-INTF-horn-Ø), *zmij-o-kos* (snake-INTF-hair-Ø), etc.

⁵ This nomenclature for suffixes has been offered by Rutherford [1998].

⁶ The first element is supposedly nominal as it is etimologically related to the concepts of *bundeva* 'pumpkin' or *badnjak* 'wood', according to Loma et al. (eds.) [2006: 157].

MODEL 2. This model is not very prominent as it does not yield many examples of compound lexemes in either of the languages, but a parallel valid in terms of semantic and matrix clause structure could be drawn. As opposed to the attitude presented in [Kürchner 1974: 103—105] that different but related deep structures underlie the compound and the pertinent relative clause, the present approach is based on the existence of one and the same clausal matrix for both. This model is the only one where two case markers could be posited for the arguments linked by metaphorical comparison. The reason for this is that the relatedness here is based on one very typical feature of the nominal entity in N_2 , which frequently, but not invariably so, comes from the fauna kingdom in both languages.

(3) BENCHMARK <i>a wasp-waisted brunette : konjoglav poštar</i>						
N_m	[WH _{case}]	N_1	V_{cop}	[CMPR]	N_{2case}	N_1
<i>brunette</i>	<i>whose</i>	<i>waist</i>	<i>be</i>	<i>as</i>	<i>wasp</i>	<i>waist</i>
<i>poštar</i>	<i>čija</i>	<i>glava</i>	<i>biti</i>	<i>kao</i>	<i>konj</i>	<i>glava</i>
<i>postman</i>	<i>whose</i>	<i>head</i>	<i>be</i>	<i>as</i>	<i>horse</i>	<i>head</i>

English examples: *hare-brained*, *eagle-eyed*, *bull-mouthed*, *pig-headed*, *chicken-hearted*, *lynx-eyed*, *bull-necked*, *pigeon-toed*, etc. The Serbian ones are less frequent: *drv-o-lik* (tree-INTF-shape-Ø), *jaj-o-lik* (egg-INTF-shape-Ø), *koz-o-nog* (goat-INTF-leg-Ø), *koz-o-rog* (goat-INTF-horn-Ø), *krav-o-ok* (cow-INTF-eye-Ø), *vol-o-ok* (ox-INTF-eye-Ø), *zmij-o-lik* (snake-INTF-shape-Ø), *zvezd-o-lik* (star-INTF-shape-Ø), *zvon-o-lik* (bell-INTF-shape-Ø), *žab-o-lik* (frog-INTF-shape-Ø), etc.

MODEL 3. This model is the last of the three formation models where a noun surfaces as the first constituent of the compound. As with the previous models, the relation between the elements involved here is that of comparison, but the nominal entity serves only as the parameter of analogy, whereas the quality is expressed by the second element of the adjective compound. The fact that the entire comparative phrase does not reach the phonological component is accounted for by the **No-phrase constraint** of root compounds introduced by Botha [1981: 18], which disallows for compound structures patterning *[N [AP *black as coal*] *bird*]. The constraint may be accepted as effective in patterns of this kind, even though it appears to have been flouted in the examples of phrasal compounds representing lexicalized phrases such as *dark-as-night rider*, *black-as-knight coat enhancer* and similar formations. The Serbian language does not involve any additional derivational suffix, as can be seen in *vod-o-rav-an* (water-INTF-level-DAF) ‘horizontal’.

(4) BENCHMARK <i>lemon-yellow dress : perolak bokser</i>						
N_m	[WH]	V_{cop}	Adj _i	[CMPR]	N	V_{cop} Adj _i
<i>dress</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>yellow</i>	<i>as</i>	<i>lemon</i>	<i>be yellow</i>
<i>bokser</i>	<i>koji</i>	<i>biti</i>	<i>lak</i>	<i>koliko</i>	<i>pero</i>	<i>biti lako</i>
<i>boxer</i>	<i>who</i>	<i>be</i>	<i>light</i>	<i>as</i>	<i>feather</i>	<i>be light</i>

English examples would be: *ash-blond*, *blood-red*, *bottle-green*, *crystal clear*, *dirt cheap*, *fire-hot*, *grass-green*, *ice-cold*, *milk-white*, *nut-brown*, *pearl-grey*, *paper-thin*, *pitch-dark*, *rock-steady*, *sky-blue*, *stone cold*. Although it has a derived second element, the compound *dog-tired* may be also classified here. The Serbian compounds include: *grom-o-glas-an* (thunder-INTF-loud-DAF), *srebr-o-sjaj-an* (silver-INTF-shine-DAF), etc. The first element may have an adjective form in Serbian, as in *olov-n-o-siv* (lead-DAF-INTF-grey), *vošt-an-o-bled* (wax-DAF-INTF-pale), *sumpor-n-o-zelen* (sulphur-DAF-INTF-green), *ulj-an-o-žut* (oil-DAF-INTF-yellow), *čelič-n-o-plav* (lead-DAF-INTF-grey), and *pepelj-av-o-siv* (ash-DAF-INTF-grey).

MODEL 4. With the fourth model, which is probably one of the most widespread models in both analytic and synthetic Indo-European languages, the composition process involves a compound base formation out of matrix clause elements where the nominal object (argument) is proposed to the predicate. The adjectival nature of the overall structure is obtained through concomitant suffixation. This is probably the model with the simplest underlying structure, along with models 11 and 15, and the only noun-initial model that is based on a verb form other than the copula in the matrix. The most productive bases in Serbian seem to be the verbs *davati* ‘to give’,

nositi ‘to bring’ and *tvoriti* ‘to make’, as in *med-o-nos-an* (honey-INTF-bring-DAF) ‘melliferous’, each with 5 to 9 established compounds. The derivational expansion involves the adjective-forming suffixes *-an* in *zakon-o-dav-an* (law-INTF-give-DAF) ‘law-giving’ and *-iv/-ljiv* as in *slobod-o-ljub-iv* (freedom-INTF-love-DAF) ‘freedom-loving’ and *-Ø-* in *zl-o-slut* (evil-INTF-portend-Ø) ‘foreboding’.

- (5) THEME/PATIENT *freedom-loving person : savetodavan organ*
N _m	[WH]	V	N
<i>person</i>	<i>who</i>	<i>love</i>	<i>freedom</i>
<i>organ</i>	<i>koji</i>	<i>davati</i>	<i>savet</i>
<i>body</i>	<i>which</i>	<i>give</i>	<i>counsel</i>

The list of English compounds is long, e.g.: *adverb-forming*, *breath-taking*, *class-changing*, *death-defying*, *god-fearing*, *hair-splitting*, *law-enforcing*, *life-giving*, *money-lending*, *time-consuming*, etc; in Serbian the examples include: *grad-o-nos-ni* (hail-INTF-bring-DAF), *led-o-lom-an* (ice-INTF-break-DAF), *naft-o-nos-ni* (oil-INTF-bring-DAF), *pobed-o-nos-an* (victory-INTF-bring-DAF), *pravd-o-ljub-iv* (justice-INTF-love-DAF), *smrt-o-nos-an* (death-INTF-bring-DAF), *src-e-paraju-ći* (heart-INTF-tear-DAF), *vin-o-rod-an* (wine-INTF-produce-DAF), *žit-o-rod-ni* (wheat-INTF-produce-DAF), *život-o-dav-an* (life-INTF-give-DAF) and others. Klajn [2002: 79] also lists compounds based on *-bolan* as the second element, presuming that the source is the verb *boleti* ‘to ache’ rather than the adjective *bolan* ‘hurtful’: *glav-o-bol-an* (head-INTF-ache-DAF) and *vrat-o-bol-an* (neck-INTF-ache-DAF). Both Vujanić et al. [2007] and Klajn [2002] regard compound adjectives *duš-o-mor-an* as interpretable in terms of the clause *koji mori dušu* ‘who/which tortures the soul’, but *ljub-o-mor-an*, cf. *koga mori ljubav* ‘who is tortured by love’, should not be included here due to obvious case differences of the implied subjective element.

As with the other models, the question of element ordering within the compound seems to be of considerable importance. In an attempt to provide an explanation of the morphology-syntax distinction through noun-compounding and what he calls “the *pig-hunter* question”, Carstairs-McCarthy [2010] takes into consideration Lieber’s **Argument-Linking Principle** by which the difference in sequencing of the predicate and its argument in compounds and clauses is to be accounted for. “Why does *pig* precede *hunt* in *pig-hunter* but follow it in *They hunt pigs*?” [Carstairs-McCarthy 2010: 26]. Lieber’s [1983] argument for synthetic compounds of this X V type is that the position of the non-head element X has to be occupied by the internal argument of the verbal element V. Perhaps it may be added here that the argument linking apparently occurs for the purposes of de-categorization of the argument element, as categorically marked elements (either for number or case, e.g. *pigs* > *pig*) would generally become devoid of inflectional marks after raising [Ackema, Neeleman 2004: 24] once they assume the compound initial position, as presented in (6). This operation, governed by what certain authors call “topicalisation rules” [Brekke 1970], may be semantically restricted when a particular meaning is to be maintained and another warded off, as in *ladies’ man* vs. *lady man*.

- (6) N₁ [[V] [N₂-IAF]] → [[N₂-V]-DAF]

Illustrations are numerous: *ant-eating*, *book-binding*, *decision-making*, *eye-opening*, *head-hunting*, *problem-solving*, *tea-drinking*, etc.

MODEL 5. The pattern that is shared in the two languages based on a lexical verb implies a prepositional structure following the verb, an adjunct whose prepositional part does not surface. This model appears to be in conflict with Roeper and Siegel’s [1978] **First Sister Principle** (2.2.1, models 27—29), but the interpretation that would entail **to abide law* is not acceptable. The English compound normally has a participial second constituent, as in *freedom-fighting*, while the Serbian one has a derived form based on the suffix *-an*, as in *duš-e-briž-an* (soul-INTF-care-DAF) ‘caring for the souls of others’. The interpretation of the Serbian example is based on the explanation of the adjective compound *bogohulan* in the dictionary “Rečnik srpskoga jezika” [Vujanić et al. 2007].

(7)	SOURCE/LOCATION/TARGET				<i>law-abiding citizen : bogohulan čovek</i>
	N _m	[WH]	V	[PREP]	N
	<i>citizen</i>	<i>who</i>	<i>abide</i>	<i>by</i>	<i>law</i>
	<i>čovek</i>	<i>koji</i>	<i>huli</i>	<i>na</i>	<i>boga</i>
	<i>man</i>	<i>who</i>	<i>blaspheme</i>	<i>at</i>	<i>god</i>

Other examples to illustrate this model include: *day-flying*, *earth-wandering*, *glass-gazing*, *night-blooming*, *night-flying*, *ocean-going*, *picture-going*, *sea-going*, *summer-flowering*, *wind-waving*, etc. The corresponding words from the Serbian language are: *basn-o-slov-an* (fable-INTF-know-DAF), *blag-o-naklo-na* (good-INTF-incline-DAF), *neb-o-lom-an* (sky-INTF-break-DAF) ‘which breaks to the sky’, *zim-o-grož-ljiv* (cold-INTF-abhor-DAF), *zl-o-slut-an* (evil-INTF-portend-DAF), etc.

MODEL 6. The sixth model present in both Serbian and English is closely related in form to model 4, as both of them are initialised by nominal elements. As opposed to the previous one, this model entails an un-surfaced causative verb and the existence of a modifying element in the underlying structure, either an indefinite pronoun or any other pronominal form marked for case. The surface form is the second verb V₂ in its *-ing* participle form in English or with an adjective forming suffix in Serbian (V-N-DAF). As Harley [2009: 217] indicates, the suffix *-ing* is appended only to “actual” verbs and never to bound roots, which provides fewer combinatory opportunities than with derivational agentive suffixes. This type mainly forms exocentric adjectival compounds and is not considered extremely productive.

(8)	THEME/PATIENT				<i>neck-breaking speed : vratolomna brzina</i>	
	N _m	[WH]	V ₁	[PRO _{case}]	N	V ₂
	<i>speed</i>	<i>which</i>	<i>(cause)</i>	—	<i>neck</i>	<i>break</i>
	<i>brzina</i>	<i>koja</i>	<i>(uzrokovati)</i>	—	<i>vrat</i>	<i>lomiti</i>
	<i>speed</i>	<i>which</i>	<i>cause</i>	—	<i>neck</i>	<i>break</i>

Common English instances include: *blood-curdling*, *habit-forming*, *hair-raising*, *head-spinning*, *heart-breaking*, *heart-melting*, *heart-rending*, *jaw-dropping*, *mind-boggling*, *mouth-watering*, etc. Of the Serbian examples, the following could illustrate this model: *brak-o-lom-na* (marriage-INTF-break-DAF), *glav-o-lom-na* (head-INTF-break-DAF), *nad-o-bud-an* (hope-INTF-arouse-DAF), *ver-o-lom-an* (faith-INTF-break-DAF), etc.

However, Serbian has an example which falls out and slightly modifies the existing model. This very complex model implicates a compound base obtained through lexicalisation of the nominal and verbal elements from an embedded clause in the matrix, a pattern not registered in English, unless we can draw a parallel with the compound *head-spinning*.

(9)	EXPERIENCER				<i>vrtozlava brzina</i>	
	N _m	[WH]	V ₁	[PRO _{case}]	V ₂	[PREP] N
	<i>brzina</i>	<i>koja</i>	<i>uzrokovati</i>	—	<i>vteti</i>	<i>u glava</i>
	<i>speed</i>	<i>which</i>	<i>cause</i>	—	<i>spin</i>	<i>in head</i>
	‘speed which causes someone’s head to spin’					

An alternative form of this model would be the case of verb-initialised compound lexemes, when the structure is sealed by a presupposed zero derivational morpheme in English (V-Ø-N). Among the more frequent English adjectives patterning on this are: *break-neck*, *catch-penny*, *cut-rate*, *cut-throat*, *pack-horse*, *telltale*, etc.

MODEL 7. This model involves adjective elements whose function is that of the subject in the matrix clause. The pattern applies to a pair of compound adjectives (English and Serbian compared) with the first constituent that surfaces in the form of an adjective rather than an adverb which is in a modification relationship with a participial form of the second constituent in English or a derivative adjective in Serbian.

(10) ATTRIBUTE

open-minded man : slobodouman novinar

N _m	[WH _{case}]	N	V _{cop}	Adj
<i>man</i>	<i>whose</i>	<i>mind</i>	<i>be</i>	<i>open</i>
<i>novinar</i>	<i>čiji</i>	<i>um</i>	<i>biti</i>	<i>slobodan</i>
<i>journalist</i>	<i>whose</i>	<i>mind</i>	<i>be</i>	<i>free</i>

At the clausal level, the relation between the subject and its complement is realised on the basis of the copulative verb *to be*, a structure indicative of the essential or defining features of an entity, usually represented by the formula N₁ LV N₁ or N₁ LV Adj, as in *The edge is sharp*. The compound lexeme itself encompasses the predicative adjective and the subject of the matrix clause, with the adjective form fronted. As the primary constituent of the adjective compound is an adjective proper, it is necessary to introduce other derivational elements to uphold the adjectival status of the lexeme. In English it is the suffix *-ed*,⁷ as the structure **open-mind* would not acquire adequate semantic and syntactic properties, while in Serbian the whole process is somewhat more complex. It presupposes two derivational bases (devoid of any inflection) and interfixation, to be seen in **slobod-o-um* (freedom-INTF-mind-Ø), as well as an instance of final suffixation by either *-an* or *-Ø*, as in *plav-o-ok* (blue-INTF-eye-Ø) ‘blue-eyed’ and *mlad-o-lik* (young-INTF-face-Ø) ‘young-faced’ and many similar compounds.

Plenty of adjective compounds can be enumerated within this scheme: *absent-minded*, *broad-leaved*, *foul-mouthed*, *large-statured*, *long-nosed*, *loud-mouthed*, *tight-fisted*, *sharp-eared*, *square-jawed*, *straight-faced*, and others. Some compounds from Serbian are: *crn-o-kos* (black-INTF-hair-Ø), *crven-o-kos* (red-INTF-hair-Ø), *dug-o-kos* (long-INTF-hair-Ø), *dug-o-uh* (long-INTF-ear-Ø), *oštr-o-ok* (sharp-INTF-eye-Ø), *plitk-o-um-an* (shallow-INTF-mind-DAF), *sed-o-kos* (grey-INTF-hair-Ø), *šuplj-o-glav* (empty-INTF-head-Ø), *dobr-o-duš-an* (good-INTF-soul-DAF), *drag-o-cen* (dear-INTF-price-Ø), *hladn-o-krv-an* (cold-INTF-blood-DAF), *kratk-o-dlak* (short-INTF-hair-Ø), *oštr-o-um-an* (sharp-INTF-wit-DAF), *prav-o-vreme-na* (right-INTF-time-DAF), and the like.

MODEL 8. The next model with a shared underlying structure would be the one producing a surface compound item which sources from an adjective phrase in the matrix clause with an adjective head post-modified by a prepositional phrase. The first element is of nominal origin with an instrumental or locative thematic role. Two sub-types could be established within this model:

(11) SOURCE/INSTRUMENT

travel-weary passenger : krvožedan pas

N _m	[WH]	V _{cop}	Adj	[PREP]	N
<i>passenger</i>	<i>who</i>	<i>be</i>	<i>weary</i>	<i>of</i>	<i>travel</i>
<i>pas</i>	<i>koji</i>	<i>biti</i>	<i>žedan</i>	<i>za</i>	<i>krv</i>
<i>dog</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>thirsty</i>	<i>for</i>	<i>blood</i>

The English language abounds in compounds of this pattern, as it appears to be highly productive. Several groups could be identified here based on specific second elements: *bloodthirsty*, *bomb-happy*, *capital-intensive*, *child-proof*, *chocolate-coated*, *colour-blind*, *fireproof*, *fool-proof*, *football-mad*, *iron-clad*, *lead-free*, *lovesick*, *machine readable*, *moon-sick*, *punch-drunk*, *rent free*, *snow-blind*, etc. This pattern would include examples such as *germ-resistant* and the like, even though the nominal element appears to be reduced by the plural morph. This model can also be exemplified by forms such as *fail-safe* or *shatter-proof*, where the first element *shatter-ing* is freed of the participle/gerund inflectional ending. Questions such as whether *bloodthirsty* was derived from *blood thirst*, or whether *bloodthirst* is a product of back formation can be most successfully resolved by means of etymological referencing. Among the Serbian compounds of this model, some of the examples are: *bog-o-bojaz-na* (god-INTF-fear-DAF), *vatr-o-otpor-no* (flame-INTF-resist-DAF),

⁷ The suffix is typical of English and is derivational in character. It stems from the OE *-ede* and OTeut *-ōdjo-*. As OED maintains, it “...is appended to ns. in order to form adjs. connoting the possession or the presence of the attribute or thing expressed by the n.” See [Simpson, Weiner 2009], entry *-ed*₂.

vatr-o-sigur-an (fire-INTF-safe-DAF), *vod-o-otpor-an* (water-INTF-resist-DAF), *zl-o-rad* (evil-INTF-joy-Ø), while others indicate a similar relation established on the basis of implicit but unexpressed case endings, as in *bog-o-protiv-an* (god.DAT-INTF-resist-DAF), *bog-o-ugod-an* (god.DAT-INTF-dear-DAF), *bes-o-muč-an* (rage.INS-INTF-torment-DAF), *ver-o-dostoj-an* (truth.ACC-INTF-worth-DAF), etc. Serbian compounds of this type mostly sound archaic, as it can be seen in the cluster of words *vlast-o-hlep-an* (power.ACC-INTF-greed-DAF) ‘power-hungry’, *čast-o-help-an* (honour.ACC-INTF-greed-DAF) ‘honour-hungry’, and *slav-o-help-an* (fame.ACC-INTF-greed-DAF) ‘fame-hungry’. The adjectival complement origin of the inherent structure could be postulated for such classic examples of Serbian compounding as the age-old *staroslavne* ‘famous from antiquity’. Some dubious cases of Serbian compounding, such as *brodoplovan* ‘sailable by ships’, could be perhaps associated with this pattern.

The other sub-type entails a different thematic role of the nominal element, as the underlying structure would be based on a prepositional phrase indicative of a source or location of the manifested quality.

(12) SOURCE/LOCATION						<i>foot-sore traveller : vatrostalna činija</i>
N _m	[WH]	V _{cop}	Adj	[PREP]	N	
<i>traveller</i>	<i>who</i>	<i>be</i>	<i>sore</i>	<i>in</i>	<i>foot</i>	
<i>činija</i>	<i>koja</i>	<i>biti</i>	<i>stalna</i>	<i>na</i>	<i>vatra</i>	
<i>bowl</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>resistant</i>	<i>to</i>	<i>heat</i>	

Some other compounds include: *brainsick*, *brim-full*, *colour-fast*, *earth-fast*, *foot-loose*, *foot-sore*, *head-strong*, *heart-happy*, *heart-sick*, *heart-whole*, *neck-strong*, *night-blind*, *nose-heavy*, *root-fast*, *seasick*, *top-heavy*, *water-soluble*, and *world-famous*. Their Serbian counterparts could be *zim-zelen* (winter-Ø-green), although its English equivalent *evergreen* is of different origin.

MODEL 9. This is one of the basic models for the formation of adjective compounds, in particular those that refer to non-human objects. The model is postulated since non-human entities may be characterized by a number of qualities in terms of number, size, age, shape, colour, material, etc. excluding possession in the human sense of the word. The outcome compound lexeme sources from a prepositional phrase the grammatical function of which is equivalent to the function of the genitive inflectional marking on nouns or phrases based on the verb ‘to have’, while its thematic roles can be various. Both languages imply further derivation of a compounded base. In English, the suffix *-ed* is appended, while in Serbian it is *-an*, or *-ski/-čki*, or *-Ø višečlan* ‘of many elements’. The adjectival constituent involves *više-* ‘many’, *mnogo-* ‘much’, and even *vlastiti-* ‘own’ as in *vlastoručan* ‘written by own hand’. Some Serbian descriptive and classifying adjectives follow this pattern, such as *zapadnoevropski* ‘Western European’, *zdravorazumski* ‘of/by sound mind’. Stevanović [1991] and Klajn [2002] tend to group compounds like *onovremenski* ‘of that time’, *ovonedeljni* ‘of this week’ and *svojevoljna* ‘by own will’ with others that have a pronominal first constituent, but the interpretation of these compounds would obviously allow for this structural model.

(13) SOURCE/LOCATION/TARGET						<i>many-faceted stone : mnogospratna građevina/malogradski manir</i>
N _m	[WH]	V _{cop}	[PREP]	Adj	N	
<i>stone</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>of</i>	<i>many</i>	<i>facet</i>	
<i>građevina</i>	<i>koja</i>	<i>biti</i>	<i>od</i>	<i>mnogo</i>	<i>sprat</i>	
‘building’	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>of</i>	<i>many</i>	<i>storey</i>	
<i>manir</i>	<i>koji</i>	<i>biti</i>	<i>iz</i>	<i>mali</i>	<i>grad</i>	
‘way’	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>from</i>	<i>small</i>	<i>town</i>	

The English contingent of lexemes is comprised by compounds such as: *single-handed*, *many-headed*, *many-worded*, *many-valued*, *middle-aged*, etc. Serbian examples seem to be more diverse: *blag-o-vreme-n* (good-INTF-time.GEN-DAF), *kratk-o-vid* (short-INTF-sight.GEN-Ø), *ov-o-zemaljski*

(this-INTF-earth.GEN-DAF), *prav-o-ug-li* (right-INTF-angle.GEN-DAF), *prav-o-vreme-n* (right-INTF-time.GEN-DAF), *sred-o-zem-ni* (middle-INTF-earth.GEN-DAF), *sred-o-pos-ni* (middle-INTF-lent.GEN-DAF), *sred-o-let-ni* (middle-INTF-summer.GEN-DAF), *svoj-e-glav* (OWN-INTF-head.GEN-Ø), *više-sat-ni* (many-hour.GEN-DAF) Klajn [2002: 77 ff].

MODEL 10. The next three models have an adjective as their primary constituent, so that the sematic or thematic roles they have in acts of communication are determined accordingly, primarily those of ATTRIBUTE, DIFFERENCE, DURATION, SPEED, etc.⁸ Due to case marking on the head-noun, the implicit function of the adjective is that of an object. However, the surface ordering of the constituents of such compounds in English is reversed to the one in the matrix clause, akin to model 4, while in Serbian the verb is frontal, which may cause a difference in thematic role determination. The verb-based compound elements on the surface are different. In English it is the passivized past participle (*Someone bore a child* vs. *A child was born*), and in Serbian it is the imperative form of the verb. Thus, the matrix clause is of the same structure as given below, but the differences are found in the ordering of elements as well as in the voice and mood of surface forms. The examples *nazovimudar* ‘quasi-wise’ and *nazoviumetnički* ‘quasi-artistic’ are cited by Klajn [2002: 122], whereas Vujanić et al. [2007: 767] establish *nazovi-* as “the first part of noun and adjective compounds which states that what the head means is not essentially true, but it is false, apparent, ostensible, etc.”

(14) ATTRIBUTE					<i>free-born child</i> : <i>nazovimoderan</i> nameštaj
N_m	[WH_{case}]	[PRO]	V	Adj	
<i>child</i>	<i>whom</i>	—	<i>bear</i>	<i>free</i>	
<i>nameštaj</i>	<i>kog</i>	—	<i>nazvati</i>	<i>moderan</i>	
<i>furniture</i>	<i>which</i>	—	<i>call</i>	<i>modern</i>	

Some of the more frequent English compounds are: *firstborn*, *ill-judged*, *ready-made*, *secondborn*, *stillborn*, etc. Some of the possible Serbian language formations are: *nazovi-brat-ski* (call.IMP-brother-DAF), *nazovi-mudar* (call.IMP-wise), *nazovi-otmen* (call.IMP-posh), *nazovi-praved-an* (call.IMP-just-DAF), *nazovi-socijalisti-čki* (call.IMP-socialist-DAF) and the like.

MODEL 11. The compounding model with two coordinated adjectives yields coordinated, or dvandva, compounds, a common feature in many languages including English and Serbian. There are plenty established and potential compound adjectives which combine two qualities or colours characteristic of an entity, as in *red-blue* or *crveno-plavi*.

(15) ATTRIBUTE COORDINATION						<i>deaf-mute</i> woman: <i>gluvonema</i> žena
N_m	[WH]	V_{cop}	Adj₁	[COORD]	Adj₂	
<i>woman</i>	<i>who</i>	<i>be</i>	<i>deaf</i>	<i>(and)</i>	<i>mute</i>	
<i>žena</i>	<i>koja</i>	<i>biti</i>	<i>gluva</i>	<i>(i)</i>	<i>nema</i>	
<i>woman</i>	<i>who</i>	<i>be</i>	<i>deaf</i>	<i>(and)</i>	<i>mute</i>	

The examples often quoted in the literature on English are: *bitter-sweet*, *devilish-holy*, *foolish-witty*, *grim-taciturn*, *hardy-handsome*, *harsh-rude*, *shabby-genteel*, *sober-sad*, *sweet-sour*, *yellow-green*. In Serbian, there are: *crn-o-beli* (black-INTF-white), *crn-o-žuta* (black-INTF-yellow), *gluv-o-nem* (deaf-INTF-mute), *gork-o-slan* (bitter-INTF-salty), *plav-o-siv* (blue-INTF-grey), *siv-o-maslina-sta* (grey-INTF-olive-DAF), *slatk-o-slan* (sweet-INTF-savoury), *slatk-o-bol-an* (sweet-INTF-pain-DAF), *star-o-drevni* (old-INTF-ancient), *žut-o-zelena* (yellow-INTF-green), and the like, with the suggestion that the forms with no hyphen used in orthography are likely to indicate colour nuances. The compounds *razn-o-razni* (various-INTF-various) and *sam-o-sam* (alone-INTF-alone) with identical adjective bases reduplicated make a unique case.

MODEL 12. In a similar way to the previous model, model 12 coordinates two adjective bases into a compound form that stems from nominal entities in the matrix clause. This means that these are primarily relational adjective compounds, not descriptive modifiers. Adjectives in the source

⁸ The semantic role labeling employed in the models was based upon Jurafsky and Martin [2009].

clausal structure could provide an interpretation that would not correspond to the semantic motivation for the composition process. In both languages, bases can be reduced in form and an interfix can be added. Frequent first part segments in English are: *dramatic-o-*, *economic-o-*, *historic-o-*, *oblong-o-*, *plan-o-*, *physic-o-*, *soci-o-*, among others. Anderson [1992: 298–300] considers similar words as “pseudo-compounds”, apparently without any more solid argumentation as to why these compounds should be treated as “pseudo”, since the considered forms qualify for the status of roots, and are extensively used in neoclassical and other compounds.

(16) SOURCE/LOCATION				<i>Polish-German border : grčko-turska granica</i>		
N _m	[WH]	V _{cop}	[PREP]	N ₁	[COORD]	N ₂
<i>border</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>between</i>	<i>Poland</i>	<i>and</i>	<i>Germany</i>
<i>granica</i>	<i>koja</i>	<i>biti</i>	<i>između</i>	<i>Grčka</i>	<i>i</i>	<i>Turska</i>
<i>border</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>between</i>	<i>Greece</i>	<i>and</i>	<i>Turkey</i>

A number of adjective compounds belongs within this pattern: *Anglo-Saxon*, *Greco-Roman*, *Franco-Prussian*, *Serbo-Croatian*, *Sino-Japanese*, *serio-comic*, *socio-political*, *spatio-temporal*, etc. Some of their counterparts exist in Serbian, along with a number of other compounds: *anglo-američki* (English-INTF-American-DAF), *društven-ekonomski* (society-DAF-INTF-economy-DAF), *književn-jezički* (literature-INTF-language-DAF), *kulturn-istorijski* (culture-DAF-INTF-history-DAF), *vojno-politički* (military-DAF-INTF-politics-DAF), *pravno-društven-i* (leg-DAF-INTF-society-DAF-IAF), *prostorno-vremenski* (space-DAF-INTF-time-DAF-DAF), *rasno-nacionalni* (race-DAF-INTF-nation-DAF-DAF), *rusko-slovenski* (Russian-DAF-INTF-Slavic-DAF), *slaven-srpski* (Slavic-DAF-INTF-Serbian-DAF), etc.

MODEL 13. The following three models are based on adverbs as first constituents, whose source is the verbal phrase from the matrix clause or a modified adjective phrase. The thematic role implies adverbial modification of an action definitive of the noun. In Serbian literature, there is uncertainty about the category of the first element of these compounds. They are said to be fronted by an adjective or an adverb, but in *tank-o-ćut-an* (exquisite-INTF-feel-DAF) ‘sensitive’ and *dalek-o-met-an* ‘far-reaching’, the modifying element is indubitably adverbial in nature. However, examples such as *dalek-o-vid* (far-INTF-see-Ø) ‘long-sighted’ or ‘far-sighted’ point to the fact that the second constituent should be treated as a noun, rather than a verb,⁹ and thus belong to the model 7. Moreover, the Serbian contingent includes examples based on the active participial such as *dobr-o-stoje-ći* (well-INTF-stand-IAF) ‘well-off’ and passive *blaž-en-o-poči-vši* (bless-DEF-INTF-rest-IAF) ‘blessed in death’, but there are also compounds with the null suffix, e.g. *mrk-o-gled* (grim-INTF-look-Ø) ‘scowling’, *-an/-ni* suffix: *spor-o-hod-ni* (slow-INTF-walk-DAF) ‘slow-moving’ or *blag-o-tvor-an* (good-INTF-make-DAF) ‘well-doing’. The second element of these compounds is to be differentiated from participial adjectives such as *daring*, *humiliating*, *interesting*, *trying*, etc., since the underlying clausal structure would be in discord with the intended interpretation, and any established or possible compounds would belong with model 15.

(17) MANNER/DIFFERENCE/DURATION				<i>high-flying bird : kratkotrajan bol</i>	
N _m	[WH]	V	Adv		
<i>bird</i>	<i>which</i>	<i>fly</i>	<i>high</i>		
<i>bol</i>	<i>koji</i>	<i>trajati</i>	<i>kratko</i>		
<i>pain</i>	<i>that</i>	<i>last</i>	<i>short</i>		

As Roeper and Siegel [1978: 226] point out, adverbs incorporated within this pattern may be optionally with or without the derivational suffix *-ly*, as in *smart(ly)-dressing* or *free(ly)-moving*.

This model may be illustrated by numerous compound adjectives in English, some of which are: *easy-going*, *far-seeing*, *fast-growing*, *hard-hitting*, *hard-working*, *long-lasting*, *long-suffering*, *low-lying*, *plain-speaking*, *slow-moving*, etc. Perhaps, we could also list here examples such

⁹ [Simpson, Weiner 2009] in OED provide an explanation for *long-sighted* as “1.1 Having ‘long sight’ (see long a. 18); capable of distinguishing objects clearly at a distance but not close at hand; hypermetropic.”

as *high-rise* and *quick-change*, mentioned in [Bauer 1983: 212], whose description he qualifies as awkward. One of the reasons for that may be the implicit elimination of verbal inflection in the verbal element (**high-ris-ing*) and involving the -Ø suffix. Some Serbian counterparts are: *brz-o-misl-en* (quick-INTF-think-DAF), *brz-o-plov-an* (quick-INTF-sail-DAF), *brz-o-potez-ni* (quick-INTF-draw-DAF), *brz-o-trk* (quick-INTF-run-Ø), *dalek-o-sež-ne* (far-INTF-reach-DAF), *dug-o-traj-an* (long-INTF-last-DAF), *lep-o-rek* (well-INTF-speak-Ø), *slab-o-misl-en* (slow-INTF-think-DAF), *spor-o-gore-ći* (slow-INTF-burn-IAF), *spor-o-voz-ni* (slow-INTF-drive-DAF), etc.

MODEL 14. Both English and Serbian appear to have all the frequent, salient, and logically acceptable adverb and adjective combinations within compounds, involving present and past participles, as well as proper adjectives. This model is different from the previous one in the sense that a matrix subject could be postulated empty, assuming that no passivisation could occur at this level of language unit formation. This makes the key difference in approach from the treatment presented in Roeper and Siegel [1978].¹⁰ The verb surfaces as a past participle in the second constituent of the compound, which is to be distinguished from the cases when the compound base is suffixed with the derivational -ed. The first element of the compound is an adverb in its own right, such as *much* or *half*, or may also be a reduced form, devoid of adverbial derivation, as in (18).

(18) MANNER/DIFFERENCE/DURATION				<i>fresh-baked bread</i> : <i>mnogopoštovani pisac</i>
N _m	[WH _{case}]	[PRO]	V	Adv
<i>bread</i>	<i>which</i>	—	<i>bake</i>	<i>fresh(ly)</i>
<i>pisac</i>	<i>koga</i>	—	<i>poštovati</i>	<i>mnogo</i>
<i>writer</i>	<i>whom</i>	—	<i>respect</i>	<i>much</i>

The English compounds of this type are: *clean-shaven*, *close-knit*, *dear-bought*, *half-baked*, *fresh-fried*, *fresh-ironed*, *fresh-ploughed*, *high strung*, *newborn*, *new found*, *new-clad*, *new-laid*, *newly-wed*, *new-sown*, *rough-hewn*, *so-called*, *well-known*, *wide-spread*, etc. The Serbian compounds: *dobr-o-zn-an* (well-INTF-know-DAF), *dol-e-potpis-an-i* (below-INTF-sign-DAF-IAF), *gor-e-imenov-an-i* (above-INTF-name-DAF-IAF), *mnog-o-napać-en* (much-INTF-suffer-DAF), *visok-o-kvalifikov-an* (highly-INTF-qualify-DAF), *visok-o-nadar-en* (highly-INTF-talent-DAF), *visok-o-poštov-an-i* (much-INTF-respect-DAF-IAF), *nov-o-izabra-na* (newly-INTF-elect-DAF), *nov-o-komponova-na* (newly-INTF-compose-DAF), *nov-o-peč-en-i* (newly-INTF-make-DAF-IAF), *nov-o-steč-eno* (newly-INTF-gain-DAF), and *tak-o-zv-an-i* (so-INTF-call-DAF-IAF). Regardless of the fact that the first elements of the compounds *firstborn* and *prv-o-rođ-en-i* (first-INTF-bear-DAF-IAF) are ordinal numbers, their meaning and function is adverbial; therefore, they are to be listed in this group.

MODEL 15. These are compounds encompassing a modifying adverb and an adjective head, a potentially very important model. The implication is that these belong to a predicative adjective phrase in the matrix clause. The thematic roles are pertinent to the degree of the quality in question. As opposed to the approach in [Klajn 2002], the first constituent in a number of compounds is taken here to be an adverb. This is understandable since the compound stems from a modified structure where the first constituent modifies the adjectival head, as in *yellowish-brown* or *mrkožut* 'brownish-yellow'. The examples that would undoubtedly be adverb-adjective lexicalisations are along the line of *niskoproduktivan* 'low-productive' and *blagonaklon* 'well-inclined'. At times, the constituents in Serbian may be reduced, as in *sveopšti* 'all-out' and thus hinder interpretation. In the said case, the first constituent imposes itself as a modifier for the second in a structure of modification from the matrix clause. It is a kind of intensification by a semantically related constituent that can be regarded as enhancement by synonymy, as in *starodrevan* 'old and ancient' mentioned by Klajn [2002: 101].

¹⁰ "Unfortunately, it is very difficult to show that the relative clause source is inadequate for these expressions. There is no progressive reading that distinguishes the relative clause versions. Thus, there is no obvious difference in meaning between *the meal which was prepared well* and *the well-prepared meal*" [Roeper, Siegel 1978: 231].

(19)	ATTRIBUTE					<i>wide-awake guard : jarkoružičast kišobran</i>
	N_m	[WH]	V_{cop}	Adv	Adj	
	<i>guard</i>	<i>who</i>	<i>be</i>	<i>wide</i>	<i>awake</i>	
	<i>kišobran</i>	<i>koji</i>	<i>biti</i>	<i>jarko</i>	<i>ružičast</i>	
	<i>umbrella</i>	<i>that</i>	<i>be</i>	<i>brightly</i>	<i>pink</i>	

It appears reasonable to include here examples of adjective compounds from both of the languages that have been posing a bit of a classifying problem, e.g. *dark blue* (*tamno plav*) or *light green* (*svetlo zelena*). As the form of the first element is adjectival and the function adverbial, it can only be accountable through an instance of transposition or functional shift, where the adjectival forms function as adverbs, cf. nouns modifying nouns in *stone wall*. This interpretation is perhaps more acceptable than the explanation by which these two are both adjectives co-ordinately modifying the head noun in the phrase.

In English, some of the more frequent compounds are *cross-modal*, *evergreen*, *light-blue*, *mock-heroic*, *wide awake*. In Serbian, these are: *jasn-o-žut* (clear-INTF-yellow), *mutn-o-beo* (turbid-INTF-white), *otvoren-o-žut* (clear-INTF-yellow), *prljav-o-beo* (dirty-INTF-white) 'off-white', *tamn-o-siv* (dark-INTF-grey), *sjajn-o-zelen* (shiny-INTF-green), *svetl-o-crven* (bright-INTF-red), *svetl-o-žut* (light-INTF-yellow), *zagasit-o-smeđ* (dark-INTF-brown), *zatvoren-o-siv* (dark-INTF-grey), etc.

MODEL 16. This formative pattern involves compounding adjectives with numerals, the last of the nine models that could be interpreted to presuppose a copulative verb in the matrix. The immediate source is a noun phrase transforming into a compound base; the adjectival form is achieved via suffixation. In English, the suffixes are *-ed* or *-al*, and in Serbian *-an/-ni* as in *dvo-satni* 'of two hours' or *-Ø* as in *jednoruk* 'one-armed'. The languages recognise *half-* or *polu-* as the first constituent as well as compounds based on ordinal numbers as in *trećerazredni* 'third rate' or *first-ranked*. This confirms that in both languages the composition process involves derivational suffixation.

(20)	SOURCE/LOCATION/TARGET						<i>two-headed eagle : stoletni hrast</i>
	N_m	[WH]	V_{cop}	[PREP]	Num	N	
	<i>eagle</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>of</i>	<i>two</i>	<i>head</i>	
	<i>hrast</i>	<i>koji</i>	<i>biti</i>	<i>od</i>	<i>sto</i>	<i>leto</i>	
	<i>oak</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>of</i>	<i>hundred</i>	<i>summer</i>	

Within this scheme, the following are established and possible formations in English: *double-edged*, *four-footed*, *hundredfold*, *one-sided*, *seven-hilled*, *three-fingered*, *three-forked*, *two-faced*, *two-leaved*, *ten-fold*, and in Serbian: *četvor-o-nož-an* (four-INTF-leg-DAF), *dv-o-jezič-na* (two-INTF-language-DAF), *dv-o-kril-na* (two-INTF-wing-DAF), *jedn-o-del-an* (one-INTF-part-DAF), *jedn-o-sob-an* (one-INTF-room-DAF), *st-o-postot-na* (hundred-INTF-percent-DAF), *tr-o-boj-na* (three-INTF-colour-DAF), *tr-o-sloj-an* (three-INTF-layer-DAF), and many more.

Another group is formed by adjective compounds whose first element is an ordinal numeral, as in the Serbian *drug-o-razred-ni* (second-INTF-grade-DAF), *drug-o-stepe-ni* (second-INTF-degree-DAF), *prv-o-brač-na* (first-INTF-marriage-DAF), *prv-o-klas-an* (first-INTF-class-DAF), *prv-o-sprat-ni* (first-INTF-storey-DAF), and suchlike formations. However, English does not express a tendency for similar compounds, unless we presuppose the existence of a zero derivational morpheme in opposition with other derivational, adjective forming suffixes such as *-al* or *-ing*. Examples such as *third-dimensional*, *second-guessing*, are few and far between.

MODEL 17. This is a model that involves pronouns. Both its patterns have lexical verbs as predicates and pronouns as their arguments. On the surface, the verbal form in the second constituent becomes a present/active participle in English and present verbal adjunct in Serbian. Other examples would include *isto znač-an* 'meaning the same' and *sveobuhva-tan* 'all-encompassing'.

(21) THEME/PATIENT

N _m	[WH]	V	Pron
power	which	destroy	all
komšinica	koja	znati	sve
neighbour	who	know	all

all-destroying power : *sveznajuća komšinica*

The list of English example compounds consists of: *all-consuming*, *all-encompassing*, *all-including*, *all-knowing*, *all-loving*, *all-pervading*, *all-seeing*, etc. There are alternants with derivational affixes which call for morpho-phonological rule application in the base, such as *all-inclusive*, *all-pervasive*, etc. Several Serbian compounds have been modelled on this pattern, both with participial and derivational endings: *sv-e-mog-uć* (all-INTF-can.3SG.PRS-DAF-Ø), *sv-e-vid-eć-i* (all-INTF-see-3SG.PRS-DAF-IAF), *sv-e-pobed-an* (all-INTF-win-DAF), *sv-e-rešava-juć-i* (all-INTF-solve-3SG.PRS-DAF-IAF), *sv-e-razor-an* (all-INTF-destroy-DAF), *sv-e-ukup-an* (all-INTF-total-DAF), etc.

Both languages have productive patterns of combining the pronoun *self* or *samo* 'self' with verb-based second elements as in *self-adjusting*, *self-sacrificing*, *self-taught*, *self-important*, and *self-explanatory*; or *sam-o-uk* (self-INTF-teach-Ø), *sam-o-kritič-an* (self-INTF-criticize-DAF), *sam-o-nik-ao* (self-INTF-sprout-IAF), etc.

2.2. Formative-semantic models of adjective compounds in English and Serbian: Differences

The second segment presents the models that lie outside the intersection between English and Serbian. In the former language, there are 15 additional models that can be postulated, thus making the total number of 32 models. As for the latter, there are only two more models specific for Serbian, making the total sum of 19 possible patterns in the language. The models are viewed in separate sections, 2.2.1 and 2.2.2, respectively. By a simple comparison, it can be deduced that English exhibits a considerably greater capacity for adjective compound formation than Serbian.

2.2.1. Formative-semantic models of adjective compounds in English

MODEL 18. The first model typical of English and lacking in Serbian is the one that incorporates forms of a noun and an *-ing* (active) participle within its surface structure. The elements can be said to source from a core predicative structure in the matrix clause. The participle has its origin in the verbal part of the source structure, which can be seen from the pattern presented below (22). This is potentially a rather productive model, since the process of adjectivisation by means of the *-ing* suffix offers almost boundless possibilities of putting any N+V lexical combination into an attributive function.

(22) THEME/PATIENT

N _m	[WH _{case}]	N	V
wall	of which	paint	peel

paint-peeling wall

As there are not many listed words, the following may be considered possible compounds in English with clear formal and semantic features: *business-flourishing*, *eyelash-fluttering*, *knee-clenching*, *nose-bleeding*, *profit-growing*, *skin-shedding*, etc.

MODELS 19—23. The ensuing group is a section of five exclusively English models that brings together patterns with a superficial second constituent in the form of a past/passive participle. The discrepancy between the languages lies in the fact that the past/passive participle derived from clausal structure models is much more available in English lexeme formation than in Serbian. These models produce compound adjectives that bring into a formative relation the subject and the predicate of the matrix clause or the predicate and its modifiers. The last three models in this group are structurally identical, the difference being in the thematic role of their nominal

elements. Due to the participial nature of the second constituent, the verbs in the matrix clauses are uniformly lexical; this is another reason why these models of adjective compound formation are not present in Serbian.

(23) AGENT/EXPERIENCER

man-made port

N_m [WH] N V
port which man make

Other English compounds modelled similarly are: *foreigner-built*, *god-forbidden*, *god-forsaken*, *god-given*, *god-inspired*, *god-made*, *government-owned*, *hen-pecked*, *moth-eaten*, *mouse-nibbled*, *mother-dominated*, *tailor-made*, *terrorist-infiltrated*, among others.

(24) FORCE

thunder-struck individuals

N_m [WH] V_{cop} V_{ed} [PREP] N
individuals who be struck by thunder

As there are natural phenomena and artificial objects that could not be thought of as conscious agents and performers of actions (and thence the thematic role), this model encompasses those cases that involve passive structures based on natural forces or man-made concepts as logical subjects. Examples illustrating this model are not infrequent: *conscience-stricken*, *drug-induced*, *gin-soaked*, *horror-stricken*, *hunger-bitten*, *lichen-grown*, *jet-propelled*, *leaf-strewn*, *moss-clad*, *moss-grown*, *pock-marked*, *poverty-stricken*, *spellbound*, and *weather-beaten*.

(25) SOURCE/LOCATION

home-made bread

N_m [WH] [PRO] V [PREP] N
bread which – make at home

This is a rather productive model which involves a nominal element whose thematic role indicates the location of the action. The nominal is fronted, and the action itself is contained in the participial second element. The possibilities are almost limitless, as almost any verb can serve the purpose, *base*, *bear*, *breed*, *raise*, and the like being among the most prominent: *airborne*, *college bred*, *factory-packed*, *heart-felt*, *heaven-born*, *hell-bent*, *London-trained*, *Moscow-based*, *Paris-made*, *sea-born*, *space-borne*, *town bred*, *world-renowned*, etc.

(26) INSTRUMENT

spoon-fed patient

N_m [WH_{case}] [PRO] V [PREP] N
patient whom – feed with spoon

The following examples with noun-initial elements point to the instrument of the action, although there are alternative interpretations. Be that as it may, the underlying structure remains the same: *armour-clad*, *bomb-blasted*, *iron-clad*, *machine-made*, *paper-bound*, *shop-soiled*, *star-spangled*, *time-honoured*, *shaving-strewn*, *book-learned*, and others.

(27) SOURCE/LOCATION/TARGET

diamond-cut stone

N_m [WH_{case}] [PRO] V [PREP] N
stone which – cut in diamond (shape)

With these compounds, there is an element unexpressed on the surface which complements the meaning of the entire concept. Like the previous three models, this one entails a case relation among the elements in the matrix (instrumental, locative, etc.) that is marked by an analytic form with a preposition that introduces a phrase, as with *in diamond shape*, *by paper*, *in armour*, and others. The prepositions are normally *for*, *in*, *into*, *to*, *with*, etc. Some examples are: *canal-built*, *capacity-filled*, *custom-built*, *custom-made*, *customer-shrunk*, *safety-tested*, *sex-linked*, *shard-torn*, *table-cut*, etc.

MODEL 24. Within this model, the first constituent is in the form of a past/passive participle, which is untypical of the Serbian language, particularly if we take real compounds into consideration, not what has been traditionally treated as semi-compound in Serbian literature, i.e. all

hyphenated lexical structures. However, as opposed to participles in the second constituent, these are more adjectival in nature and are therefore not products of passivisation. They have to be postulated in the matrix clause as such. A particularly productive first element proves to be *broken*-, another is *swollen*-.

- (28) THEME/PATIENT *broken-handed electrician*

N_m	[WH_{case}]	N	V_{cop}	V_{ed}
<i>electrician</i>	<i>whose</i>	<i>hand</i>	<i>be</i>	<i>broken</i>

Additional examples: *broken-ended*, *broken-footed*, *broken-fortuned*, *broken-headed*, *broken-hearted*, *broken-hipped*, *broken-hoofed*, *broken-legged*, *broken-minded*, *broken-nosed*, *broken-paced*, *broken-spirited*, *broken-winged*, etc. However, the same model can produce another arrangement of elements on the surface, where the initial element is the subject form the matrix clause: *air-conditioned*, *brow-furrowed*, *chop-fallen*, *crest-fallen*, *heart-broken*, *hip-shot*, *jaw-fallen*, *tip-tilted*, *tongue-tied*, *trade-fallen*, and other compounds.

MODELS 25—26. The next set of patterns is composed of two models where the second constituent of the surface form is a proper adjective. This constituent is combined with prepositions and verbs from the matrix structure found in the framework of the adjective phrase whose head is the adjective itself. Model 25 is relatively well represented in English [Carstairs-McCarthy 2002: 61], as in *underfull* and other examples given below. Only two prepositions are systematically used for compounding, namely *over* and *under*, while others build nominal modifiers of the type *below-deck* more commonly. Model 26, exemplified by (30), makes another difference in comparison to the Serbian language, the difference being caused by the more prominent capacity of English to incorporate verb forms within the first compound element on the surface.

- (29) ATTRIBUTE *overactive child*

N_m	[WH]	V_{cop}	Adj	[PREP]	N
<i>child</i>	<i>who</i>	<i>be</i>	<i>active</i>	<i>over</i>	<i>(limit)</i>

Other formations based on the pattern which indicates surpassing an expected limit or boundary would be: *overdone*, *overenthusiastic*, *overfed*, *over-qualified*, *overwhelmed*, *overworked*, *overwrought*, *underfed*, *underdone*, *underpaid*, etc.

- (30) ATTRIBUTE *scorching-hot weather*

N_m	[WH]	V_{cop}	Adj	that	[PRO]	V
<i>weather</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>hot</i>	<i>that</i>	—	<i>scorch</i>

The illustrative compound list comprises the following: *barking mad*, *fighting drunk*, *freezing cold*, *hopping mad*, *pipng hot*, *roaring drunk*, *shocking pink*, *wringing wet*, *yawning dull*, etc. A more recent example is *raving mad* which could be accounted for by ellipsis from the phrase *stark raving mad*.

MODELS 27—29. There are three other models initialled by adjectives which are not found in Serbian as well. The reason for that is the fact that Serbian doesn't form compound items from matrix clauses if the predicate is any of the linking verbs other than the verb 'to be'. In other words, English linking verbs establish a relation between the subject and the complement in the form of an adjective that patterns as N_i LV Adj, the most frequent are: *act*, *appear*, *become*, *go*, *grow*, *look*, *prove*, *smell*, *sound*, *feel*, *seem*, *taste*, and *turn*. This distinction between a surface adjective and adverb cannot be maintained in Serbian. Moreover, the verb *izgledati* 'to look' in Serbian is not suitable for a base in a compound lexical item because of phonological restrictions, as in **dobro-o-izgleda(juč)-an* or the like, although the verb *to look* as in *good-looking* is very usable and productive for specific descriptions of qualities in English. Besides, it is not typical of Serbian to bring together two uncoordinated adjectives in a lexical construct, which is the case in model 28. The true relation between these elements in English can be viewed only by the formative-semantic model, stressing the positive sides of this approach once again.

(31) ATTRIBUTE

dark-looking hunter

N _m	[WH]	V	Adj
<i>hunter</i>	<i>who</i>	<i>look</i>	<i>dark</i>

On the one hand, the schematic representation is what makes the difference between model 13 and model 28 visible outright. On the other hand, the inherent matrix clause structure makes it clear that the adjunct in model 28 is an adjective with complement function, or in model 13 an adverbial modifier, thus rendering formations like *nice-sounding* and *fast-moving* possible words, whereas **clever-supporting* is not. Moreover, by introducing the **First Sister Principle**, Roeper and Siegel [1978: 208] suggest that “all verbal compounds are formed by incorporation of a word in first sister position of the verb” so that *life-supporting trees* is a possible compound, while **fast-supporting snow* is not (bearing in mind the sub-categorization frame of the verb *support*, which is [NP] ([Adv])).

The model is highly productive in English (though not with all linking verbs), and there are not many restrictions on first elements of adjective compounds, the second element commonly being *-looking*, *-sounding*, *-smelling*, *-tasting*, etc. as in: *bad-smelling*, *foul-smelling*, *funny-sounding*, *good-looking*, *nice-tasting*, *smart-looking*, *strange-looking*, *sweet-tasting*, etc. Sometimes derived forms can front compounds of this model, as in *agitated-sounding*, *cracked-sounding*, *dazed-looking*, *deformed-looking*, *dissipated-looking*, *worried-looking*, where passivisation could not be assumed.

(32) ATTRIBUTE BENCHMARK

red-hot plate

N _m	[WH]	V _{cop}	Adj ₂	[COMPL]	N _m	V _{cop}	Adj ₁
<i>plate</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>hot</i>	<i>that</i>	<i>plate</i>	<i>be</i>	<i>red</i>

Some other English compounds formed upon the same model are: *giddy-swift*, *icy-cold*, *silky-soft*, *squeaky-clean*, *wet-fresh*, *white-hot*, etc.

(33) BENCHMARK

waist-high fence

N _m	[WH]	V _{cop}	Adj ₁	[CMPR]	N	V _{cop}	Adj ₂
<i>fence</i>	<i>which</i>	<i>be</i>	<i>high</i>	<i>as</i>	<i>waist</i>	<i>be</i>	<i>high</i>

Among other instances of this model the following can be listed: *countrywide*, *day-long*, *fort-night-long*, *knee-deep*, *life-long*, *nationwide*, *neck-deep*, *skin-deep*, *skin-tight*, *shoulder-high*, *waist-deep*, *world-wide*, etc. The nominal element serves the role of a benchmark or unit of measure used for reference.

MODELS 30—31. In situations when adverbial particles are involved in adjective composition, the surface forms are participial, but the basic structure of the matrix clause is the same in either case. The pre-posing of the particle based on the leftward movement of adjuncts to allow for feature-checking as proposed within a VP by Roeper [1999: 38] ensures a complex base for final suffixation and adjectivisation by *-ing* or *-ed*. Verbs that are engaged in these synthetic formations are intransitive in nature. The very fact that Serbian does not have semantic extensions in the form of adverbial particles accounts for the missing compound adjectives of this type. The latter of the two models implicates an unexpressed logical and clausal subject.

(34) LOCATION/DIRECTION

out-going child/bygone time

N _m	[WH]	V	Part
<i>child</i>	<i>who</i>	<i>go</i>	<i>out</i>
<i>time</i>	<i>which</i>	<i>go</i>	<i>by</i>

Additional compounds of the same type based on adverbial particles as first elements are: *in-coming*, *in-growing*, *off-putting*, *oncoming*, *on-going*, *out-leaping*, *outstanding*, *upblazing*, *up-brimming*, *up-coiling*, *up-peaking*, *up-steaming*, etc. Some of the last few examples on this list may serve as counter-arguments to the statement that particle incorporation is no longer productive in English compounding [Roeper, Siegel 1978: 234].

(35) LOCATION/DIRECTION

in-built device

N _m	[WH _{case}]	[PRO]	V	Part
device	which	—	build	in

The model could be further exemplified by formations such as *downcast*, *downtrodden*, *inlaid*, *inborn*, *outcast*, *outstretched*, *overcast*, *overgrown*, *upturned*, etc.

MODEL 32. In the last model characteristic of English, the pronominal element in the first part of the compound is of agentive thematic role, while the predicate is compounded as the second part in its participial form. Even if an adaptable base could be formed from any Serbian pronoun, the meaning would not correspond to the form.

(36) AGENT/EXPERIENCER

all-admired politician

N _m	[WH _{case}]	Pron	V
politician	whom	all	admire

Other examples are the following: *all-appalled*, *all-favoured*, *all-dreaded*, *all-enraged*, *all-praised*, *all-honoured*, *all-shunned*, etc.

As shown by the formation models and their volume, English possesses almost twice the potential of Serbian to turn constructions into compound lexemes via lexicalisation processes. Judging by the patterns present in English but non-existent in Serbian, two thirds of these are the models where composition bases source from lexical verbs (rather than the copula *to be*) such as the verbs *to build*, *to cut*, *to go*, *to look*, *to make*, *to sound*, *to taste*, etc., which are very frequent in English descriptive compounds. This very fact is the main reason for the discrepancy in the potential of English and Serbian to lexicalize phrasal and clausal structure.

2.2.2. Formation-semantic models of adjective compounds in Serbian

The traditional classification of Serbian adjective compounds into proper compounds and compound-derivative adjectives [Babić 1986; Stevanović 1991; Klajn 2002; Štasni 2008] can be easily seen in the following subsections, which concern models that are characteristic of Serbian in contrast to English.

MODEL 33. A model that is missing in English lexeme formation shows the phrasal complement structure of the matrix clause lexicalized into a compound. The phrasal structure in question is a prepositional phrase. The preposition and its object form a compound base to which a derivational suffix is added indicating definiteness and lexical category. These semantic structures are expressed by means of a well-developed derivational affixation system in the English language.

(37) SOURCE/TARGET

bezimeni lik

N _m	[WH]	V _{cop}	[PREP]	N
lik	koji	biti	bez	imena
character	who	be	without	name
'nameless character'				

There are many examples of compounds classified here: *bez-alkohol-an* (without-alcohol-DAF), *bez-atom-ski* (without-atom-DAF), *bez-boj-an* (without-colour-DAF), *bez-bol-an* (without-pain-DAF), *bez-vod-an* (without-water-DAF), *bez-glav* (without-head-Ø), *bez-gotovin-ski* (without-cash-DAF), *bez-greš-an* (without-sin-DAF), *bez-driv-an* (without-wood-DAF), *bez-idej-an* (without-idea-DAF), *bez-izgled-an* (without-prospect-DAF), *bez-mes-an* (without-meat-DAF), *bez-rep* (without-tail-Ø), *bez-zub* (without-tooth-Ø), *bez-ukusan* (without-taste-DAF), *bez-um-an* (without-mind-DAF), etc.

MODEL 34. The difference between English and Serbian in the last two models originates from the fact that Serbian allows N-N compound bases stemming either from noun compounds or noun phrases to be suffixed with adjective-forming suffixes *-an*, as in *sredovečan* 'middle-aged', or *-ski*, as in the eponymical formations like *donkihotovski* 'of/about Don Quixote'. These are treated as adjective compounds, and only after this type of adjectivisation would the items be

capable of assuming attributive functions. In English, on the other hand, compound nouns and noun phrases can appear in adjectival positions with no change in their form. As this investigation includes only adjective compounds proper, these English compounds will not concern us here.¹¹ A variation of this model implicates an underlying coordination of two nominals, where the coordinator is normally not on the surface, as opposed to the English phrasal *day-and-night* and the like.

- (38) SOURCE/LOCATION/TARGET *brakorazvodna parnica*
N_m	[WH]	V_{cop}	[PREP]	NP
<i>parnica</i>	<i>koja</i>	<i>biti</i>	<i>oko</i>	<i>razvod braka</i>
lawsuit	which	be	about	divorce marriage
'a marriage divorce lawsuit'				

- (39) SOURCE/LOCATION/TARGET *danonoćna pretnja*
N_m	[WH]	V_{cop}	[PREP]	N₁	[COORD]	N₂
<i>pretnja</i>	<i>koja</i>	<i>biti</i>	<i>po</i>	<i>dan</i>	<i>i</i>	<i>noć</i>
threat	which	be	during	day	and	night
'a day-and-night threat'						

In Serbian, there are many compound adjectives like this: *brat-o-ubi-la-čki* (brother-INTF-kill-DAF-DAF), *narodn-o-oslobodi-la-čki* (people-INTF-liberation-DAF-DAF), *polj-o-privred-n-i* (field-INTF-economy-DAF-IAF), *vatr-o-sigur-nos-n-i* (fire-INTF-secure-DAF-IAF). Some compounds derived from proper nouns and names are: *banja-luč-ki* (Banja-Luka-DAF), *don-žuan-ski* (Don-Juan-DAF), *franc-jozef-ov-ski* (Franz-Joseph-IAF-DAF), *šar-planin-ski* (Šara-mountain-DAF), etc.

Thus, judging by the look at the patterns, what prevents a more extensive compound-adjective formation in Serbian is the disinclination to incorporate lexical verb bases. On the other hand, both of the models that are present in Serbian and missing in English are based on the copulative verb in the matrix clause, and they uniformly involve nominal bases. This signals that the Serbian-only patterns are due to the fact that the mentioned arrangement of elements in the compound base is possible owing to the extensive employment of the interfix morpheme *-o-* or *-e-* as well as a rich system of inflectional suffixes, which allows for different relations between the elements, particularly nominal, to be established and thereby enhances the combinatorial possibility of the nominal elements in compounding. Moreover, Serbian adjectivisation relies on derivational suffixation at a level much higher than seen in English, which may present another factor in the occurrence of the compounding models not typical for English. Among other things, this is the primary force that shaped the structural tendencies within the process in Serbian, which is basically regarded more as combined compounding and derivation, rather than compounding in its own right.¹²

3. Conclusions

This investigation resulted in postulating 34 different formative-semantic models of adjective compounds in English and Serbian. 15 models pertained specifically to English and 2 were recorded only in Serbian. The part that presented the shared capacity and thus the similarity between these languages consisted of 17 formative patterns. Moreover, it should be pointed out that the process of compounding adjectives in English and Serbian is relatively dissimilar, with a considerable common core which amounts to 50% of all potential patterns in the two languages. Generally speaking, both languages appear to be prone to lexicalisation of any higher-order structures

¹¹ In Serbian linguistic literature, a distinction has been maintained between composition proper (two bases put together in a word) as in *plavo-kosa* 'blond-haired' and combined word-formation (combined compounding and derivation) as in *bez-briž-an* 'carefree'; see [Stanojčić et al. 1989: 123].

¹² Treating compounding as different from composition-derivation has been the main trend in the Serbian word-formation literature, as could be verified in [Babić 1986; Stevanović 1991; Klajn 2002; Štasni 2008] and elsewhere.

that are indicative of coordinated quality, adverbially-modified quality of action, and the action that incorporates its object into adjective compounds. A very common feature is the ability to form compounds out of certain basic matrix clause types, e.g. patterning as N LV Adj or any comparison structures based on parameters set by nominals.

It can be inferred from the quantification within the research that the formative capacity of Serbian composition is much narrower than that of English. This could indicate that adjective compound formation in synthetic languages such as Serbian is conditioned by the morphemic complexity of the input elements. Furthermore, synthetic languages are much more affected by concomitant suffixation, and lexical compounding cannot occur without adjective forming suffixes *-an*, *-ski*, or *-Ø*. On the other hand, in English, even though present to a certain degree, the suffixation which takes place simultaneously or immediately following the compound-base formation is comparatively limited and involves primarily the participial endings or the derivational *-ed* or *-ing* with synthetic compounds.

Comparing the superficial structure of adjective compounds in English and Serbian, one could reach a wrong conclusion that compound constituents and compound structure are similar to a much higher degree than is actually the case. Even though lexical categories involved in the composition are generally the same, lexical combination within the compound base need not match corresponding items of English and Serbian, as was demonstrated by the actual formative-semantic models. Regarding the lexical category or word class of the constituents, these belong with adjectives, nouns, adverbs, prepositions, numerals, participles, and pronouns. However, in this respect, it can be generalized that adjective compounds in Serbian almost never have a verbal base in the first constituent of the compound unless this verb is in the form of the imperative mood,¹³ or within the highly complex model 6 based on *vrtoqlav* and model 4 with a limited number of registered examples, some of the more curious being *vijoglav* ‘head-shaking’ or *vrlijook* ‘casting the eyes at odd angles’. Pure verb bases and verbal forms other than non-finites are also not found in the second constituent.

The next generalisation that could be drawn here is that the presence of lexical verbs as bases for adjective-compound formation is much more prominent in English than in Serbian, potentially the key difference in adjective lexeme formation of the languages. Of the 32 models in English, 18 comprise a lexical verb in the surface structure, while 14 entail the covert copulative verb. This makes 56% of the cases, whereas in Serbian this ratio is 7 out of 19 models, i.e. around 36%. These numbers again point out that Serbian is typically less inclined toward incorporating verb-based elements in adjective composition than English. On the other hand, this may emphasise the strong semantic import within English adjective compounding, as verb-form incorporation may invoke more significant lexical and expressive precision. According to Scalise [1986: 90], “non-primary compounds, called synthetic compounds or verbal nexus compounds, such as *truck driver*, *snow removal*, in fact, contain a verbal form which usually determines unequivocally the meaning of the compound, thus ruling out other readings.” Another general deduction coming from the results of the analysis regarding English is that the language allows for conjunctions in the formation of adjectival compounds, whereas these are not found in the Serbian language. In English, aside from its inherent capacity to form phrasal compound adjectives productively, as opposed to Serbian, it is possible to include conjunctions such as *and* or *but* in compound adjectival structures. This means that, aside from interjections and articles, bases from all lexical and functional categories are liable to composition in the formation of adjective compounds.

The models presented in this paper and the method of analysis could serve the purpose of bringing other languages into closer contact when it comes to analysing compound lexical structure, while the findings might open the prospect of further research in different languages.

¹³ The assertion was introduced by Rammelmeyer [1975] and relayed by Klajn [2002: 18]. It can be confirmed here by the pattern based on the first element *nazovi*- ‘call-it’ in model 8.

ABBREVIATIONS

3	— 3 rd person	LV	— linking verb
ACC	— accusative case	N	— nominal element
Adj	— adjective	N _m	— head-noun modified
Adv	— adverb	Num	— numeral
[CMPR]	— comparative relation slot	Part	— particle
[COMPL]	— complementizer slot	[PREP]	— prepositional case relation slot
[COORD]	— coordination relation slot	PRS	— present tense
DAF	— derivational affix	Pron	— pronoun
DAT	— dative case	[PRO]	— pronominal slot
DEF	— definiteness	SG	— singular
GEN	— genitive case	V	— verbal element
IAF	— inflectional affix	V _{cop}	— copulative/linking verb
IMP	— imperative	V _{ed}	— passive/past participle verb
INS	— instrumental case	[WH]	— relative pronoun slot
INTF	— interfix		

REFERENCES

- Ackema, Neeleman 2004 — Ackema P., Neeleman A. *Beyond morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Ackema, Neeleman 2007 — Ackema P., Neeleman A. *Morphology ≠ Syntax. The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Ramchand G., Reiss C. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. Pp. 325—352.
- Adams 1973 — Adams V. *An introduction to Modern English word-formation*. London: Longman, 1973.
- Allen 1978 — Allen M. *Morphological investigations*. Ms. Storrs (CT): Univ. of Connecticut, 1978.
- Anderson 1992 — Anderson S. *A-Morphous morphology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Babić 1986 — Babić S. *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku: Nacrt za gramatiku*. Zagreb: JAZU/Globus, 1986.
- Bauer 1983 — Bauer L. *English word-formation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Beard 1995 — Beard R. *Lexeme-morpheme base morphology*. New York: SUNY Press, 1995.
- Booij 2009 — Booij G. Compounding and construction morphology. *The Oxford handbook of compounding*. Lieber R., Štekauer P. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 322—347.
- Borer 1989 — Borer H. On the morphological parallelism between compounds and constructs. *Yearbook of Morphology 1*. Booij G., van Marle J. (eds.). Dordrecht: Foris, 1989. Pp. 45—65.
- Botha 1981 — Botha R. A base rule theory of Afrikaans synthetic compounding. *The scope of lexical rules*. Moortgat M., van der Hulst H., Hoekstra T. (eds.). Dordrecht: Foris, 1981. Pp. 1—77.
- Botha 1983 — Botha R. *Morphological mechanisms*. Oxford: Pergamon Press, 1983.
- Brekke 1970 — Brekke H. E. *Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition*. (Internationale Bibliothek für Allgemeine Linguistik, 4.) München: Fink, 1970.
- Brinton, Traugott 2005 — Brinton L. J., Traugott E. C. *Lexicalisation and language change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Carstairs-McCarthy 2002 — Carstairs-McCarthy A. *An introduction to English morphology*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2002.
- Carstairs-McCarthy 2010 — Carstairs-McCarthy A. *The evolution of morphology*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2010.
- Chomsky 1957 — Chomsky N. *Syntactic structures*. The Hague: Mouton, 1957.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical Construction Grammar: Syntactic theory in typological perspective*. New York: Oxford Univ. Press, 2001.
- Di Sciullo, Williams 1987 — Di Sciullo A. M., Williams E. *On the definition of word*. Cambridge (MA): MIT, 1987.
- Emonds 2002 — Emonds J. A. Common basis for syntax and morphology: Tri-level lexical insertion. *Many morphologies*. Boucher P. (ed.). Somerville: Cascadia Press, 2002.
- Fabb 1998 — Fabb N. Compounding. *The handbook of morphology*. Spencer A., Zwicky A. (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 1998. Pp. 66—83.
- Harley 2009 — Harley H. Compounding in Distributed Morphology. *The Oxford handbook of compounding*. Lieber R., Štekauer P. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 204—228.
- Haspelmath, Sims 2010 — Haspelmath M., Sims A. *Understanding morphology*. London: Hodder Education, 2010.

- Jackendoff 1983 — Jackendoff R. *Semantics and cognition*. Cambridge (MA): MIT Press, 1983.
- Jespersen 1962 — Jespersen O. *A Modern English grammar on historical principles*. Vol. 6. *Morphology*. London: George Allen & Unwin; Copenhagen: Ejnar Munksgard, 1962.
- Jovanović 2013 — Jovanović V. Ž. On the formation of adjective compounds: Adjectivisation of clausal structures in English and Serbian. *Научни дијалози*. Radev R., Bondžolov H., Ivanova C. (eds.). Veliko Turnovo: VTU, 2013. Pp. 21—43.
- Jurafsky, Martin 2009 — Jurafsky D., Martin J. H. *Speech and language processing: An introduction to natural language processing*. New York: Pearson/Prentice Hall, 2009.
- Klajn 2002 — Klajn I. *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku I: Slaganje i prefiksacija*. Beograd: Matica Srpska/SANU/SKZ, 2002.
- Kürchner 1974 — Kürchner W. *Zur syntaktischen Beschreibung deutscher Nominalkomposita. Auf der Grundlage generativer Transformationsgrammatiken*. (Linguistische Arbeiten, 18). Tübingen: Niemeyer, 1974.
- Lees 1963 — Lees R. B. *The grammar of English nominalisations*. The Hague: Mouton, 1963.
- Lehmann 2002 — Lehmann Ch. New reflections on grammaticalisation and lexicalisation. *New reflections on grammaticalization. Proceedings from the International Symposium on Grammaticalisation, 17—19 June 1999, Potsdam, Germany*. Wischer I., Diewald G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 1—18.
- Lieber 1983 — Lieber R. Argument linking and compounds in English. *Linguistic Inquiry*. 1983. Vol. 14. No. 2. Pp. 251—285.
- Lieber 1992 — Lieber R. *Deconstructing morphology: Word formation in syntactic theory*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1992.
- Lieber, Štekauer 2009 — Lieber R., Štekauer P. Introduction: Status and definition of compounding. *The Oxford handbook of compounding*. Lieber R., Štekauer P. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 3—18.
- Ljung 1970 — Ljung M. *English denominal adjectives*. (Studies in English, 21). Lund: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1970.
- Loma et al. 2006 — Loma A. et al. (eds.). *Etimološki rečnik srpskog jezika*. Sveska 2. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2006.
- Lyons 1968 — Lyons J. *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968.
- Marchand 1969 — Marchand H. *The categories and types of present-day English word-formation*. Munich: C. H. Beck, 1969.
- Matthews 1974 — Matthews P. H. *Morphology: An introduction to the theory of word structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.
- Matthews 1991 — Matthews P. H. *Morphology*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Plag 2003 — Plag I. *Word-formation in English*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Rammelmeyer 1975 — Rammelmeyer M. *Die deutschen Lehnübersetzungen im Serbokroatischen. Beiträge zur Lexikologie und Wortbildung*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975.
- Roeper 1999 — Roeper T. Leftward movement in morphology. *MIT Working Papers in Linguistics*. 1999. Vol. 34. Pp. 35—66.
- Roeper, Siegel 1978 — Roeper T., Siegel M. A lexical transformation for verbal compounds. *Linguistic Inquiry*. 1978. Vol. 9. No. 2. Pp. 199—260.
- Rutherford 1998 — Rutherford W. *A workbook in the structure of English*. Oxford: Blackwell, 1998.
- Scalise 1986 — Scalise S. *Generative morphology*. Dordrecht: Foris, 1986.
- Selkirk 1982 — Selkirk E. *The syntax of words*. Cambridge (MA): MIT Press, 1982.
- Simpson, Weiner 2009 — Simpson J. A., Weiner E. S. C. (eds.). *Oxford English Dictionary*. Second Edition on CD-ROM, version 4.0. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Spencer 1991 — Spencer A. *Morphological theory: An introduction to word structure in generative grammar*. Oxford: Blackwell, 1991.
- Stanojić et al. 1989 — Stanojić Ž., Popović Lj., Micić S. *Savremeni srpskohrvatski jezik i kultura izražavanja*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva; Novi Sad: Zavod za izdavanje udžbenika, 1989.
- Stevanović et al. 1990 — Stevanović M., Marković S., Matić S., Pešikan M. (eds.). *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika*. Drugo fototipsko izdanje. Novi Sad: Matica srpska; Zagreb: Matica hrvatska, 1990.
- Stevanović 1991 — Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik*. T. I Beograd: Naučna knjiga, 1991.
- Štasni 2008 — Štasni G. *Tvorba reči u nastavi srpskog*. Beograd: DZSJIKS, 2008.
- Ten Hacken 2009 — Ten Hacken P. Early generative approaches. *The Oxford handbook of compounding*. Lieber R., Štekauer P. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 83—119.
- Vujanić et al. 2007 — Vujanić M. et al. (eds.). *Rečnik srpskoga jezika*. Novi Sad: Matica srpska, 2007.

«КАК СТАТЬ БОЛЬШИМ?»: ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ*

© 2017

Полина Михайловна Эйсмонт

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; polina272@hotmail.com

В статье рассматривается проблема выбора творительного или именительного падежа предикативного прилагательного в депиктивной конструкции с глаголом мены состояния *стать*, а также усвоение этой конструкции русскоязычными детьми. Анализ 102 конструкций «*стать* + прилагательное в именительном или творительном падеже», выделенных методом сплошной выборки из 93 устных неподготовленных извлеченных рассказов русскоязычных детей в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев, показал, что, несмотря на то что дети к данному возрасту уже овладели основными значениями именительного и творительного падежей, процесс выбора падежной формы прилагательного в рамках единой конструкции еще находится в стадии формирования.

Привлечение данных устного подкорпуса Национального корпуса русского языка позволило выявить статистически значимую взаимосвязь между падежом предикативного прилагательного и синтаксической структурой высказывания. Взаимодействие семантических, синтаксических и коммуникативно-прагматических факторов обеспечивает сосуществование в современной устной русской речи четырех квазисинонимичных депиктивных конструкций с глаголом мены состояния *стать*, которые зависят от значения признака (имеет он временный или актуализированный характер), порядка слов и расположения коммуникативного акцента, который может выделять либо признак, либо сам процесс мены состояния. Анализ также показал, что в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев ключевым фактором для детей является значение признака: если дети принимают возможность временного характера признака, они руководствуются теми же принципами, что и взрослые носители языка, ориентируясь при выборе падежной формы на коммуникативную значимость либо признака, либо процесса мены признаков; если временный характер признака является для детей неясным, значения прилагательного и глагола вступают в противоречие и выбор падежа имеет случайный характер.

Ключевые слова: глаголы мены состояния, депиктивная конструкция, детская речь, предикативное прилагательное, творительный падеж, устная речь

“HOW TO GROW BIG”: PREDICATIVE ADJECTIVES IN RUSSIAN CHILD LANGUAGE

Polina M. Eismont

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; polina272@hotmail.com

The paper discusses the choice of adjective case in the depictive construction with the verb of the change of state *stat'* ‘become’ and its acquisition by Russian native children. The analysis relies on 102 samples of this depictive construction taken from 93 oral unprepared elicited narratives of native Russian children at the age of 3 years 6 months — 4 years 11 months old. The analysis shows that despite the fact that children have already acquired the meanings of nominative and instrumental cases, the choice of a particular case in the depictive construction is still unstable.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-50114.

Comparing these data with the data of the Corpus of Spoken Russian showed that the correlation between the predicate case and the syntactic structure of utterances is statistically significant. The interplay between semantic, syntactic, and communicative parameters forms four quasi-synonymic depictive constructions with the verb *stat'* in Modern Russian. They differ in three parameters: meaning of the adjective (it may be temporal or actualized), word order, and the place of communicative focus that could be either the adjective, or the verb (the process of the change of state). The analysis shows that the meaning of the adjective is the most important parameter for children at the age between 3 years 6 months and 4 years 11 months old. If children accept the temporal meaning of the adjective, they follow the adult-like model, but if they doubt the possible temporality of an adjective, the choice of the predicate case is random.

Keywords: case acquisition, depictive construction, instrumental case, language acquisition, predicate adjective, secondary predicate, spoken language, verb of the change of state

Введение

Одной из наиболее изучаемых, но тем не менее дискуссионных проблем современной русистики является распределение форм именительного и творительного падежей при оформлении предикативных имен¹, в частности предикативных имен прилагательных. Несмотря на то, что данный вопрос привлекает внимание исследователей с середины XIX в.², единого или общепринятого решения пока выработать не удалось. Среди предлагаемых факторов, оказывающих возможное влияние на выбор формы именительного предикативного (далее — ИП) или творительного предикативного (далее — ТП), назывались такие семантические факторы, как постоянство или временный характер признака [РГ 1980; Тимберлейк 1985], степень ограниченности признака [Filip 2001; Hinterhoelzl 2001], семантические свойства субъекта и предиката [Арутюнова, Ширяев 1983; Никольс 1985; Руде 2005; Гиро-Вебер 2007; Кузнецова, Рахилина 2010; 2014], прагматико-коммуникативные и стилистические факторы [Всеволодова 2000; Зельдович 2005; Никитина 2011], синтаксические факторы, например синтаксическая структура высказывания [Мразек 1960; Клобуков 1986; Bailyn 2001; Руде 2005; Babby 2009], и др. Тем не менее все эти работы объединяет использованный авторами для анализа языковой материал, который в основном состоял из образцов письменной речи, относящихся к публицистическому, художественному или научному стилям³.

В данной работе анализ основан на материале устной речи детей в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев, полученном в ходе проведения серии экспериментов. К этому возрасту в детской речи уже присутствуют все части речи, дети уже владеют основными морфологическими категориями, однако еще продолжается развитие падежной семантики (особенно формирование периферийных падежных значений) и расширение репертуара используемых синтаксических структур [Гвоздев 1981; Цейтлин 2000; Сизова 2009; Eisenbeiss et al. 2009; Воейкова 2011; Елисеева 2014]. Привлечение для изучения распределения падежных форм предикативных имен данных детской речи, которая относится к так называемому «отрицательному языковому материалу» [Щерба 1974] и отражает процесс усвоения языковой системы, может способствовать выявлению факторов, остающихся скрытыми при анализе художественных текстов или устной речи взрослых

¹ В лингвистической литературе также используются такие наименования этого явления, как «предикативный детерминант» [Мразек 1960], «предикативное определение» [Клобуков 1986], «предикативный бинóm V + N» [Камышева 1994], «квалитативные высказывания» [Воейкова 2011] и др.

² Эволюцию предлагаемых в отечественной и зарубежной науке подходов к решению см. в [Котов 2011].

³ В некоторых работах, например [Никольс 1985] или [Зельдович 2005], где рассматривалось влияние стиля на выбор падежной формы, разговорный стиль упоминался в качестве своеобразного «отрицательного материала» для подтверждения тех или иных гипотез, объясняющих примеры письменной речи, однако никогда не оказывался в фокусе анализа.

носителей языка. Кроме того, специфика анализируемого материала (устные однотипные извлеченные неподготовленные тексты) позволяет минимизировать возможные семантические различия, так как дети рассказывают одну и ту же историю в одинаковых экспериментальных условиях.

В фокусе внимания находятся депиктивные конструкции, состоящие из глагола мены состояния *стать* и предикативного прилагательного. По мнению Ю. Л. Кузнецовой и Е. В. Рахилиной, такие конструкции, включающие в себя глагол с обязательной валентностью на признак, являются прототипической конструкцией этого типа, однако в большинстве работ по изучению предикативного имени они практически не рассматриваются⁴ [Кузнецова, Рахилина 2014]. Исторически такие глаголы, традиционно называемые «полу-связочными», образовались в результате переосмысления семы ‘возникновение признака, модифицирующего сферу субъекта’ [Камышева 1994], приобретя свои специфические семантические, прагматические и синтаксические черты.

Особый интерес для анализа представляет тот факт, что эти конструкции допускают употребление предикативного имени в обоих падежах — и в именительном, и в творительном, а рассматриваемый экспериментальный материал показывает, что в детской речи частота употребления обоих падежей при глаголе *стать* практически совпадает — 49 % от общего числа анализируемых конструкций содержит ТП и 51 % — ИП. Такое, на первый взгляд, случайное распределение отражает переломный этап в формировании языковой системы, когда дети формулируют для себя правила употребления в речи сходных конструкций, однако анализ таких переломных моментов помогает выявить закономерности развития языка в целом [Сизова 2009] и понять принципы выбора одной из возможных падежных форм, действующих в современном русском языке.

Статья имеет следующую структуру. Во введении обосновывается рассматриваемая проблема, в разделе 1 анализируются предлагаемые отечественными и зарубежными исследователями факторы для объяснения распределения падежных форм при оформлении предикативного прилагательного. Раздел 2 посвящен описанию методики сбора и анализа языкового материала, который детально характеризуется и обсуждается в разделе 3. В заключении подводятся итоги проведенного анализа.

1. Факторы, влияющие на выбор падежной формы

На протяжении многих лет лингвисты не оставляли надежды сформулировать некие абсолютные правила употребления ТП и ИП в современном русском языке, пока не пришли к выводу, что для любого анализируемого случая всегда можно привести столь значительное число контрпримеров, что, по-видимому, какого-либо инварианта не существует [Гиро-Вебер 2007], а многие примеры следует анализировать исходя из предпочтительности выбора того или иного падежа [Зельдович 2005].

Возможность оформления предикативного имени двумя падежами отражает некоторую избыточность языковой системы, которая, по предположению М. Гиро-Вебер, является следствием одновременного сосуществования двух моделей — устаревшей и более современной [Гиро-Вебер 1996; 2007].

Изменение падежной системы и творительного падежа в частности, затрагивающее и семантическую трансформацию, и синтаксическую дистрибутивность, прослеживается на протяжении всей истории русского языка. По свидетельству С. Б. Бернштейна [1958], выдающийся славист рубежа XIX—XX вв. И. В. Ягич предполагал, что ТП развился из творительного превращения, чье исходное значение практически вытеснено в современном русском языке сравнительной конструкцией с союзом *как* [Rakhilina, Tribushinina 2010]. Как отмечает К. И. Ходова, основное различие между творительным превращением и творительным

⁴ Подробная семантическая и синтаксическая классификация депиктивных конструкций представлена в [Himmelmann, Schultze-Berndt 2005].

сравнения заключается в мыслимой дистанции между субъектом и объектом сравнения, так как при превращении они мыслятся как нечто единое, а при сравнении — как две различные сущности, что синтаксически подчеркивается сравнительной союзной конструкцией⁵ [Ходова 1958]. В то же время значение превращения сохраняется в предикативных конструкциях с «полузнаменательными» (по терминологии Ходовой) глаголами *стать* и *сделаться*, однако в этих предикатах на первый план выходят значения, связанные с временным характером выражаемого признака. Вслед за работами В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой традиционная русская грамматика признавала различие между постоянным признаком, выражаемым ИП, и временным признаком, выражаемым ТП, основным фактором, влияющим на выбор падежа [Виноградов, Шведова 1964; РГ 1980].

Однако анализ языкового материала заставил исследователей обратить внимание на другие аспекты выражаемого значения. В работе [Селиверстова 1982] предлагается трактовать предикативную конструкцию с глаголами мены состояния как сочетание двух предикатов, выражающих процесс (в глаголе *стать*) и бытийный признак состояния (в предикативном имени), получая в качестве общего значения конструкции переход из одного состояния в другое. Подобная трактовка позволяет выделить еще несколько аспектов значения, присущих данной структуре, — это, в первую очередь, актуальность, характеризующая состояние, и постоянность, характеризующая свойство [Апресян 1979]. При актуализации какого-либо признака в результате превращения выявляется также, с одной стороны, значение «начинаемости», т. е. возникновения нового состояния, а с другой стороны, значение завершенности самого процесса изменения⁶ [Никитина 2011]. Такая семантическая многоплановость приводит к неизбежному единению конструкций, при которой каждый ее элемент теряет свое самостоятельное значение [Камышева 1994].

Потеря самостоятельного значения привела к предположению о немаркированности ТП в современном русском языке. Продолжая предложенное Е. Куриловичем [1962] разделение приглагольных падежей на грамматические и конкретные, Р. Мразек [1960] утверждает, что именно при анализе творительного падежа необходимо тщательно различать его семантическое и чисто синтаксическое употребления. По его мнению, ТП теряет какое-либо семантическое значение, его форма полностью обусловлена глаголом, и в высказывании ТП выполняет функцию объекта, а его семантическая пустота подчеркивается строгими ограничениями на его обязательность при нефинитных формах глагола⁷ [Там же].

Признание отсутствия собственного значения у ТП и формализации его применения повлекло за собой предположение о существенном влиянии на условия его употребления синтаксических и коммуникативно-прагматических факторов. В рамках генеративной грамматики Дж. Бейлин обосновывает выбор между формами ТП и ИП действием исключительно синтаксических факторов, признавая эти конструкции семантически тождественными [Bailyn 2001]. В то же время Л. Бэбби, оспаривая предлагаемую Бейлином трактовку, утверждает, что форма ТП не содержит падежных признаков и является застывшим, фиксированным компонентом конструкции [Babby 2009] (русс. пер. — [Бабий 2014]).

Иные несемантические факторы, влияющие на выбор падежных форм, предлагают сторонники прагматического и коммуникативного подходов. С точки зрения Г. М. Зельдовича [2005], выбор ТП обосновывается прагматически вследствие отрицания наличия таких

⁵ Развивает эту мысль Анна А. Зализняк, указывая, что творительный превращения является переходной стадией между творительным сравнения и ТП, поскольку последний выражает уже достигнутое тождество между двумя сущностями, в отличие от творительного сравнения, отражающего всего лишь их подобие [Зализняк 2013].

⁶ К. Ричардсон указывала на временную соотнесенность (*tense*) первичного и вторичного предикатов в случае употребления ИП и на их аспектуальную соотнесенность (*aspect*) в случае употребления ТП, который подчеркивает совершенство какого-либо изменения [Richardson 2001].

⁷ В работе 1964 г. Мразек указывал, что именно ТП, в отличие от ИП, является маркированным членом оппозиции, выражающим достигнутый субъектом действия результат (цит. по [Гиро-Вебер 2007]).

свойственных ИП значений, как наблюдаемость и изолированность, при этом значение самого признака оказывается несущественным. По мнению Р. Руде [2005], само появление ТП, управляемого падежа, актуализирует предикативность конструкции, в отличие от ИП, при котором не всегда очевидна граница между его предикативным и согласованным употреблением⁸. В таких случаях ключевым фактором выбора падежной формы является коммуникативная функция подлежащего (его тематичность) и тип синтаксической связи между глаголом и предикативным именем.

Таким образом, история употребления и изменений в интерпретации принципов распределения ТП и ИП позволяет сделать вывод о наличии процесса своеобразного «грамматического дрейфа» [Урманчиева 2006; 2015] предикативной конструкции с глаголами мены состояния. Ее значение является результатом взаимодействия составляющих ее элементов, причем, как отмечают Кузнецова и Рахилина, семантика глагола и семантика прилагательного взаимно ограничивают друг друга: «Прототипические глаголы допускают любые прилагательные, а прототипические прилагательные существенно расширяют класс допустимых глаголов» [Кузнецова, Рахилина 2014: 205]. Противопоставленная ей «квазисинонимичная» (по терминологии Кузнецовой и Рахилиной) конструкция с согласованным прилагательным (ИП) выбирается говорящим под влиянием контекста, исходя из прагматических параметров (модальность, вовлеченность и т. д.) или коммуникативных причин (актуальность, тематичность и т. д.).

Тем не менее очевидно, что нельзя полностью опровергнуть влияние какого-либо из предлагаемых факторов, так как многочисленные примеры могут интерпретироваться по-разному в зависимости от лингвистического контекста [Ревзин 1978], ситуации коммуникации [Filip 2001] или стиля [Никольс 1985]. Для анализа их взаимодействия требуется обращение к более широкому материалу, отражающему различные сферы функционирования языка.

2. Материал анализа

Для проведения анализа методом сплошной выборки были отобраны примеры употребления депиктивной конструкции «*стать* + прилагательное в творительном или именительном падеже» из 93 устных неподготовленных связных рассказов детей-монолингвов в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев (40 девочек и 53 мальчика). Все дети посещают районные детские сады г. Санкт-Петербурга, русский язык для всех родной, развитие речи соответствует норме. С каждым ребенком эксперимент проводился индивидуально, ход проведения эксперимента фиксировался при помощи аудио- и видеозаписи. Сами тексты были получены при проведении эксперимента по методике извлеченного рассказа по картинкам⁹. В качестве экспериментального материала использовалась книга В. Сутеева «Три котенка» с рисунками автора¹⁰. Всего в книге 15 рисунков. Главные герои этой сказки — белый, серый и черный котята — постоянно попадают в разные неприятности: пытаются поймать мышку, попадают в банку с мукой и все становятся белыми; пытаются поймать лягушку, залезают в трубу и все вылезают из нее черными; а пытаются поймать рыбку, падают в воду и вылезают из нее мокрыми, после чего высыхают и возвращаются к своей первоначальной окраске.

Таким образом, за время повествования котята три раза меняют цвет и один раз меняют «качество», становясь мокрыми. Именно в этих эпизодах говорящий и может употребить рассматриваемую конструкцию.

⁸ Ср. данные детской речи, показывающие, что в первых содержащих прилагательное высказываниях точное определение его функции затруднительно [Воейкова 2011; Елисеева 2014].

⁹ Подробный анализ методики извлеченного устного рассказа см. в [Федорова 2014].

¹⁰ Данный эксперимент проводился в рамках исследования процессов усвоения семантико-синтаксической структуры русского глагола детьми в возрасте от 2 лет 7 месяцев до 7 лет 6 месяцев. Исследование включает в себя анализ семантической и синтаксической структуры глагольных клауз в устных неподготовленных извлеченных текстах детей разных возрастных групп [Эйсмонт 2017].

При проведении эксперимента оказалось, что многие дети читали эту книжку с родителями или смотрели мультфильм, однако в оригинальном тексте Сутеева глагол *стать* употребляется только один раз и в другой конструкции:

- (1) *По дороге они обсохли и стали как были: черный, серый и белый.*

Таким образом, все обнаруженные в текстах детей конструкции «*стать* + предикативное прилагательное» являются примерами оригинальной речевой продукции ребенка.

Всего было выделено 105 таких конструкций, однако в трех из них глагол стоял в форме инфинитива, при которой возможно употребление только ТП, поэтому из дальнейшего анализа эти конструкции были исключены. В итоге окончательный список анализируемых единиц составил 102 конструкции, в 48 из них был употреблен ТП и в 54 — ИП¹¹.

Также в анализе использованы данные устного подкорпуса [НКРЯ], в котором методом сплошной выборки были отобраны следующие конструкции (во всех случаях расстояние между словоформами от 1 до 2):

- *стать* + прилагательное в творительном падеже
- *стать* + прилагательное в именительном падеже
- прилагательное в именительном падеже + *стать*
- прилагательное в творительном падеже + *стать*

Всего было обнаружено 1950 примеров, из которых после исключения «шума»¹² было отобрано 943 примера, содержащих рассматриваемую предикативную конструкцию, из них только в 849 случаях была употреблена личная форма глагола, допускающая и ТП, и ИП.

3. Депиктивная конструкция в устной детской речи

Назвать точный возраст появления в речи детей, усваивающих русский язык, той или иной конструкции нельзя, однако анализ дневниковых записей М. Б. Елисеевой [2008] и записей спонтанной речи русскоязычных детей, представленных в базе CHILDES [MacWhinney, Snow 1990], показывает, что депиктивная конструкция с глаголом *стать* появляется в речи русскоязычных детей не раньше 2 лет 4 месяцев. Первый же зафиксированный пример из текстов речи Вари П. в 2 года 4 месяца и 14 дней иллюстрирует проблему выбора падежного оформления предикативного прилагательного (М — мать, Р — ребенок; курсив мой)¹³:

- (2) М: И как ты будешь учиться?

Р: Но только ты *большой* уже *стала*, как это как...

Р: Как и лампа, я *стала* *большая* такая.

Употребление в собственной речи конструкции, выражающей изменение состояния или признака объекта, семантически связанного с процессами превращения или сравнения,

¹¹ Для достоверности определения падежа каждый пример прослушали три взрослых носителя русского языка, поскольку известно, что в устной речи окончания в значительной степени редуцируются (см. о редукции в устной речи, например, [Риехакайнен 2016]).

¹² К «шуму» относились случаи случайного соположения не связанных синтаксически глагола и прилагательного, глагол *стать* в инфинитивной конструкции, случаи омонимии прилагательного с существительным и т. д.

¹³ В текстах Вари П. встретились еще две депиктивные конструкции с глаголом *стать*, являющиеся самостоятельной речевой продукцией ребенка, а не повтором произнесенного взрослым собеседником высказывания (в 2 года 4 месяца и в 2 года 10 месяцев). В обоих случаях был употреблен именительный падеж.

свидетельствует о развитии у ребенка воображения и не может предшествовать становлению сопутствующих когнитивных механизмов. Первые игры и активность ребенка, затрагивающие воображение и преобразование предмета, первые сознательные творческие языковые эксперименты (например, переименования) возникают не ранее двух с половиной лет [Елисеева 2014].

К четвертому году жизни базовые лингвистические знания, необходимые для порождения депиктивной конструкции, у ребенка уже сформированы. Дети овладевают категорией качества, выражаемой в первую очередь именами прилагательными, в возрасте от 2 до 3 лет. Сравнительно позднее овладение именно этой категорией обусловлено сложностью когнитивных операций, необходимых для выявления отвлеченных свойств объектов, анализа имеющихся признаков и сопоставления их друг с другом. Предикативная качественность, выраженная конструкцией с предикативным полным прилагательным, может выражать целый спектр классифицирующих (в первую очередь, дифференцирующих) значений, выбор которых зависит от используемого глагола [Воейкова, Пупынин 1996; van der Auwera, Malchukov 2005]. М. Д. Воейкова [2011], изучив обращенную к ребенку речь матери, отмечает, что взрослые стараются подстраиваться к уровню когнитивного развития ребенка, что отражается не только в используемых в речи синтаксических структурах, но и в количестве и семантическом разнообразии употребляемых ими прилагательных.

Первые наименования признаков появляются в речи детей около 1 года 8 месяцев [Гвоздев 1981; Воейкова 2011; Елисеева 2014]. По замечанию С. Н. Цейтлин [2000], парадигма прилагательного усваивается достаточно легко, а падежное маркирование именных групп вызывает затруднения на раннем этапе до трехлетнего возраста. Однако в первую очередь усваиваются формы именительного падежа, преобладающие в речи матери, и так называемые «тавтологические падежи» — падежи, в которых флексии существительного и согласованного прилагательного совпадают¹⁴ [Воейкова 2011]. Синтаксическая структура, состоящая из существительного — носителя признака и прилагательного — самого признака, появляется на этапе первых двусловных высказываний, синтаксические структуры с именным предикатом входят в речь ребенка уже до трехлетнего возраста [Елисеева 2014]. Как показало исследование О. Б. Сизовой [2009], на ранних этапах выбор падежной флексии в адъективном словосочетании регулируется синтагматически, что часто приводит к межпадежным замещениям.

Для проведения анализа были отобраны высказывания, имеющие следующую базовую синтаксическую структуру (как с выраженным, так и с эллиптированным субъектом):

- (3) [S_{Pron/N}] — V_{cmab} — Adj_{Nom/Inst}

Высказывания с эллиптированным глаголом в анализ не включались, так как они появлялись в качестве ответной реплики на высказывание экспериментатора и выбор падежной формы прилагательного во всех случаях повторял падеж, употребленный в исходном высказывании взрослым, например (Э — экспериментатор, Р — ребенок, Филипп, 4 года 2 месяца)¹⁵:

- (4) Э: А что сделала мышка?
Р: Убежала. Вот!
Э: Да, действительно. И они *стали белыми*, а потом?
Р: *Чёрными*!

В анализируемом экспериментальном материале в депиктивных конструкциях встретилось семь качественных имен прилагательных и одно местоименное прилагательное (табл. 1).

¹⁴ К таким падежам относится в русском языке, в частности, творительный.

¹⁵ Во всех случаях, когда депиктивная конструкция встречалась в речи экспериментатора, обращенной к ребенку, в ответной реплике ребенка глагол оказывался эллиптированным.

Таблица 1

Прилагательные, употребленные в депиктивных конструкциях

Имя прилагательное	Общее количество	Падеж	
		Именительный	Творительный
Цветовые			
Белый	45	26	19
Черный	36	19	17
Серый	14	11	3
Качества других лексико-семантических разрядов			
Мокрый	15	10	5
Сырой	1	0	1
Смешной	1	1	0
Мягкий	1	0	1
Местоименное прилагательное			
Такой	8	1	7
Итого	121 ¹⁶	68	53

Все эти качественные прилагательные относятся к разным лексико-семантическим разрядам, однако все они усваиваются одними из первых [Елисеева 2014]. Цвет является постоянным признаком, свойственным объекту, но под влиянием контекста он может расцениваться как «контекстно-временной признак»¹⁷ [Кузнецова, Рахилина 2014]. Конструкция с глаголом *стать*, подразумевающая изменение состояния, является тем самым контекстом, который «навязывает» признаку временный характер и, как следствие, провоцирует употребление предикатного имени в форме творительного превращения. Дополнительная сложность заключается в том, что для понимания изменчивости какого-либо признака необходима исходная точка (ср. понятие *cognitive reference point* в когнитивной лингвистике), по сравнению с которой и возможно оценивать произошедшие перемены¹⁸. Для определения цвета такой точкой отсчета является прототип данной цветовой категории [Tribushinina 2008], однако в данном случае нестабильность цвета отражается не в его качестве, не в степени выраженности признака, а в резкой смене признака во времени.

Характеризуя изменения в цвете котенка, детям надо было выбрать определенную точку отсчета, начальное состояние объекта. С этой задачей справились не все. Трое испытуемых никак не отразили происходившие с котятами и мышкой изменения в цвете, решив, что в рассказе действуют разные мышки и разные котята (Э — экспериментатор, Р — ребенок, Миша, 4 года 2 месяца):

- (5) Р: Котик себе залез туда, и еще одна мышка!
 Э: Ты думаешь, это другая мышка?
 Р: Да, это белая.

¹⁶ Число прилагательных превышает число конструкций, так как в некоторых конструкциях было употреблено сразу несколько прилагательных, например: *Они здесь уже стали белым, и серым, и черным*.

¹⁷ Ярким примером этого является известная шуточная загадка про смородину: «Она черная? Нет, красная. А почему белая? Потому что еще зеленая!»

¹⁸ Вся система имен прилагательных на ранних этапах усвоения построена как система противопоставлений признаков в рамках одной семантической категории (*маленький* — *большой*, *высокий* — *низкий*), и для понимания этих противопоставлений ребенок с самого начала сталкивается с необходимостью выработки некоторой точки отсчета, отражающей «стандартное» состояние признака [Яценко 2007].

Выбор разных точек отсчета помогает объяснить и выбор разных падежных форм. Так, выбрав в качестве точки отсчета первичное состояние, ребенок употребляет ТП, подчеркивая временность данного признака, а выбрав в качестве точки отсчета нынешнее, новое состояние, ребенок использует ИП, подчеркивая актуальность этого нового качества. Это подтверждает высказывание (6) (Максим, 4 года 1 месяц):

- (6) [Рыбка нырнула, а котята за ней. Она вынырнула, а сами стали мокрыми. И они пошли сушиться.] Потом посушились и *стали такими же*, как и были: *белый, черный и серый*.

Здесь ТП показывает изменение состояния котят в сравнении с предыдущим состоянием (*мокрые*), а ИП отсылает к самому началу рассказа к их исходному, т. е. постоянному, цвету.

Синтаксическая структура анализируемых депиктивных конструкций различается порядком слов (табл. 2).

Таблица 2

Линейное расположение глагола и предикативного прилагательного разной семантики

Порядок слов ¹⁹	Цвет	Другие качества
Стать + ТП	32	10
ТП + <i>стать</i>	6	0
Стать + ИП	32	7
ИП + <i>стать</i>	9	6
Итого	79	23

Проведенный статистический анализ сопряженности факторов с использованием критерия Пирсона показал, что разница в использовании ИП и ТП в структурах с разным порядком слов оказывается значимой для прилагательных со значением качества различных лексико-семантических разрядов ($\chi^2 = 6,244$, $df = 1$, $p < 0,05$), но не является значимой для прилагательных со значением цвета ($\chi^2 = 0,487$, $df = 1$, $p > 0,05$). Дополнительная проверка статистической взаимосвязи факторов по коэффициенту Крамера подтвердила полученные результаты, показав несущественную силу связи у прилагательных со значением цвета ($V = 0,078$) и относительно надежную силу связи у прилагательных со значением качества различных лексико-семантических разрядов ($V = 0,521$).

Для сопоставления этих данных с распределением порядка слов и падежей в депиктивных конструкциях, свойственным современному русскому языку, был проведен анализ устного подкорпуса НКРЯ. 849 примеров употребления депиктивной конструкции, состоящей из финитной формы глагола и предикативного прилагательного, распределились следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Зависимость выбора падежной формы предикативного имени от порядка слов

Порядок слов	Количество
Стать + ТП	457
ТП + <i>стать</i>	67
Стать + ИП	128
ИП + <i>стать</i>	197
Итого	849

Проведенный анализ показал наличие статистически значимой взаимосвязи между выбором падежной формы предикативного имени и линейным расположением глагола

¹⁹ Как было указано выше (раздел 3), рассматривались только конструкции с финитными глагольными формами, допускающими употребление обоих падежей.

и прилагательного: $\chi^2 = 216,480$, $df = 1$, $p < 0,01$ (коэффициент Крамера $V = 0,505$, т. е. сила связи относительно сильная).

Такие результаты для устного подкорпуса, отличающиеся от проанализированных в [Кузнецова, Рахилина 2014] данных основного корпуса НКРЯ, подтверждают важность коммуникативной структуры высказывания для выбора падежной формы [Всеволодова 2000]. При прямом порядке слов коммуникативным центром высказывания является глагол, т. е. процессмены состояния, и прилагательное выступает в форме творительного падежа; в отличие от этого при обратном порядке слов коммуникативно выделенным оказывается прилагательное, т. е. возникший признак, которое оформляется при помощи именительного падежа.

Сравнение данных детских рассказов с данными НКРЯ, а именно тот факт, что для прилагательных со значением качества различных лексико-семантических разрядов статистически значимым фактором так же, как и в устном подкорпусе НКРЯ, оказывается порядок слов, показывает, что к данному возрасту дети уже усвоили принципы распределения ТП и ИП для тех прилагательных, которые допускают временный характер обозначаемого признака. Отсутствие же статистически значимых различий в распределении ТП и ИП в прилагательных, обозначающих цвет объекта, указывает, что дети пока не способны осознать темпоральное (преходящее) значение цветовой характеристики и сомневаются в выборе падежной формы, выбирая «дефолтный» ИП столь же часто, сколь и свойственный «взрослой» речи ТП.

Таким образом, по-видимому, в русском языке существует четыре «квазисинонимичных» депиктивных конструкции, различающихся синтаксически (линейный порядок следования глагола и предикативного имени), семантически (временность или актуальность признака) и прагматически (коммуникативный акцент либо на процессе, либо на признаке²⁰) (табл. 4).

Таблица 4

Четыре депиктивные конструкции в современном устном русском языке

Конструкция	Свойства		
	Семантические	Синтаксические	Коммуникативные
<i>Стать</i> + ТП	временный признак	$V + Adj_{Inst}$	акцент на процессемены
ТП + <i>стать</i>	временный признак	$Adj_{Inst} + V$	акцент на признаке
<i>Стать</i> + ИП	актуальный признак	$V + Adj_{Nom}$	акцент на процессемены
ИП + <i>стать</i>	актуальный признак	$Adj_{Nom} + V$	акцент на признаке

Дети овладевают этими конструкциями по очереди, в зависимости от уровня когнитивного развития и степени усвоения коммуникативных свойств высказывания и разнообразия синтаксических структур. Осложняется этот процесс тем, что реализующееся в депиктивной конструкции падежное значение отличается от ранее усвоенных базовых значений соответствующих синтаксисом и оказывается в сильной семантической зависимости от глагола, который вошел в активный лексикон ребенка сравнительно недавно. По-видимому, сталкиваясь с новой, не до конца изученной конструкцией, дети выбирают дефолтную падежную форму, т. е. форму именительного падежа [Гвоздев 1981; Eisenbeiss et al. 2009]. Как справедливо отмечает Воейкова [2011], взрослые не совершают ошибок в выборе одной из четырех конкурирующих конструкций, руководствуясь языковой интуицией, а дети в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев находятся еще только на одном из начальных этапов ее формирования.

Заключение

Проведенный анализ материалов детской речи позволил обозначить взаимосвязь между различными факторами, влияющими на выбор говорящим ТП или ИП. Анализ подтвердил,

²⁰ Ср. принцип несинонимичности, сформулированный А. Голдбергом, о необходимом различии конструкций во всех трех аспектах — синтаксическом, семантическом и прагматическом [Goldberg 1995].

что эти факторы, как и указывалось ранее (например, в [Гиро-Вебер 1996]), относятся к семантическому, синтаксическому и прагматическому (коммуникативному) аспекту и действуют одновременно, определяя выбор из четырех «квазисинонимичных» депиктивных конструкций.

Выбор одной из конкурирующих конструкций ребенком в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев зависит в первую очередь от значения самого прилагательного и способности ребенка допустить временный (преходящий) характер обычно постоянного признака. Статистический анализ подтвердил, что в тех случаях, когда дети принимают возможность временного характера признака, они руководствуются теми же принципами, что и взрослые носители языка, ориентируясь при выборе падежной формы на коммуникативную значимость либо признака, либо процессамены признаков. В случае же, когда ребенок испытывает затруднения с представлением определенного признака, например цвета, как контексто-временного, он отдает предпочтение прямому порядку слов, а распределение падежных форм носит, на первый взгляд, случайный характер. Однако в данном случае обнаруживается зависимость падежной формы от точки отсчета, выбранной ребенком для понимания изменения постоянного признака объекта. Эта точка отсчета, отражающая значимость для говорящего либо нового признака, либо предыдущего состояния объекта, вероятно, является предшественником развития коммуникативного членения высказывания, поскольку зависит от актуальности признака для говорящего в момент речи. Тем не менее в возрасте от 3 лет 6 месяцев до 4 лет 11 месяцев дети еще учатся использовать языковые средства выражения коммуникативной значимости, что приводит к появлению таких «смешанных» высказываний, как (7) (Соня, 4 года 1 месяц):

(7) Они уже попали туда, и стала мышка *белой*, и они стали *белые*.

Выравнивание системы происходит у ребенка постепенно под влиянием узуса и в результате развития понимания многогранной семантики прилагательных через расширение усвоенной одной из первых бытийной схемы на другие отражающие признак или его изменение конструкции. Полностью осваивая категориальную ситуацию качественности, ребенок формирует систему существующих в языке готовых схем и научается употреблять их в речи, исходя из особенностей их прагматического и семантического содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1979 — Апресян Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1979. С. 500—543. [Apresjan Yu. D. English synonyms and the dictionary of synonyms. *Anglo-russkii sinonimicheskii slovar'*. Moscow: Russkii Yazyk, 1979. Pp. 500—543.]
- Арутюнова, Ширяев 1983 — Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: Бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык, 1983. [Arutyunova N. D., Shiryayev E. N. *Russkoe predlozhenie: Byitiinyi tip (struktura i znachenie)* [The Russian sentence: Existential type (structure and meaning)]. Moscow: Russkii Yazyk, 1983.]
- Бабий 2014 — Бабий Л. Синтаксис аргументной структуры. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. [Babby L. *Sintaksis argumentnoi struktury* [Syntax of argument structure]. St. Petersburg: Philology Department of St. Petersburg State Univ., 2014.]
- Бернштейн 1958 — Бернштейн С. Б. (отв. ред.). Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. [Bernstein S. B. (ed.). *Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh* [The instrumental case in Slavic languages]. Moscow: Academy of Science of the USSR Publ., 1958.]
- Виноградов, Шведова 1964 — Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М.: Наука, 1964. [Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu. (eds.). *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka* [Essays on the historical grammar of the XIX century Russian literary language]. Moscow: Nauka, 1964.]
- Воейкова, Пупынин 1996 — Воейкова М. Д., Пупынин Ю. А. Предикативная качественность // Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность.

- СПб.: Наука, 1996. С. 53—64. [Voieikova M. D., Pupynin Yu. A. Predicative qualitateness. *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1996. Pp. 53—64.]
- Воейкова 2011 — Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. Москва: Знак, 2011. [Voieikova M. D. *Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka* [Early stages of the Russian nominal morphology acquisition by children]. Moscow: Znak, 2011.]
- Всеволодова 2000 — Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 2000. [Vsevolodova M. V. *Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [A theory of the functional-communicative syntax]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2000.]
- Гвоздев 1981 — Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. [Gvozdev A. N. *Ot pervykh slov do pervogo klassa. Dnevnik nauchnykh nablyudenii* [From the first words till the first form. A diary of scientific observations]. Saratov: Saratov Univ. Publ., 1981.]
- Гиро-Вебер 1996 — Гиро-Вебер М. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке // Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 65—79. [Guiraud-Weber M. A bisynchronous method of description of the adjective in the predicative position in Modern Russian. *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1996. Pp. 65—79.]
- Гиро-Вебер 2007 — Гиро-Вебер М. Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs. Тв.»? // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 18—26. [Guiraud-Weber M. Noun in nominal predicate function in Modern Russian: Is it still possible to talk about the semantic opposition of «Nom. vs. Inst.»? *Voprosy jazykoznanija*. 2007. No. 1. Pp. 18—26.]
- Елисеева 2008 — Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. [Eliseeva M. B. *Foneticheskoe i leksicheskoe razvitie rebenka rannego vozrasta* [Phonetic and lexical development of the infant]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 2008.]
- Елисеева 2014 — Елисеева М. Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Eliseeva M. B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoi sistemy rebenka. Rannie etapy* [Formation of the child's individual language system. Early stages]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Зализняк 2013 — Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Zaliznyak Anna A. *Russkaya semantika v tipologicheskoi perspektive* [Russian semantics in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Зельдович 2005 — Зельдович Г. М. Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 21—38. [Zel'dovich G. M. The Russian predicative noun: Coordinated form, instrumental case. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 4. Pp. 21—38.]
- Камышева 1994 — Камышева С. Ю. Формирование семантической структуры модуляционно-связочных глаголов в древнерусском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный ун-т, 1994. [Kamysheva S. Yu. *Formirovanie semanticheskoi struktury modulyatsionno-svyazozhnykh glagolov v drevnerusskom yazyke. Avtoref. kand. diss.* [Formation of the semantic structure of modulation copulative verbs in Old Russian. Author's abstract of the cand. diss.]. Volgograd: Volgograd State Univ., 1994.]
- Клобуков 1986 — Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском языке (Введение в методику позиционного анализа). М.: Изд-во МГУ, 1986. [Klobukov E. V. *Semantika padezhnykh form v sovremennom russkom yazyke (Vvedenie v metodu pozitsionnogo analiza)* [Semantics of case forms in Modern Russian (Introduction to the positional analysis technique)]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1986.]
- Котов 2011 — Котов А. А. Изучение русского предикативного прилагательного: неподведенные итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 1 (114). С. 49—52. [Kotov A. A. Studying of the Russian predicative adjective: Non-summarized results. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 1 (114). Pp. 49—52.]
- Кузнецова, Рахилина 2010 — Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Русские депиктивы // Рахилина Е. В. (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 159—183. [Kuznetsova Yu. L., Rakhilina E. V. Russian depictives. *Lingvistika konstruktii*. Rakhilina E. V. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010. Pp. 159—183.]

- Кузнецова, Рахилина 2014 — Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Депиктивы оказались удивительными // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2014. Т. 10. № 2. С. 180—218. [Kuznetsova Yu. L., Rakhilina E. V. Depictives turned out to be amazing. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2014. Vol. 10. No. 2. Pp. 180—218.]
- Курилович 1962 — Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. [Kurylowicz J. *Ocherki po lingvistike* [Essays in linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1962.]
- Мразек 1960 — Мразек Р. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа (на материалах русского языка) // *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity*. 1960. A 8. С. 41—52. [Mrazek R. *K voprosu o funkciyakh bespredlozhnogo tvoritel'nogo padezha (na materialakh russkogo yazyka)* [Functions of the non-prepositional instrumental case revisited (based on the materials of the Russian language)]. *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity*. 1960. A 8. Pp. 41—52. Available at: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/101258/A_Linguistica_08-1960-1_5.pdf]
- Никитина 2011 — Никитина Е. Н. Конструкции с именительным и творительным предикативным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий) // *Вопросы языкознания*. 2011. № 6. С. 3—28. [Nikitina E. N. Predicative nominative and predicative instrumental in Russian (on the problem of the interaction of grammatical categories). *Voprosy jazykoznanija*. 2011. No. 6. Pp. 3—28.]
- Никольс 1985 — Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Булыгина-Шмелева Т. В. (отв. ред.) *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 342—387. [Nichols J. Case variants of predicative nouns and their reflection in the Russian grammar. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. No. 15. Bulygina-Shmeleva T. V. (ed.) Moscow: Progress, 1985. Pp. 342—387.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ревзин 1978 — Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. [Revzin I. I. *Struktura yazyka kak modeliruyushchei sistemy* [The structure of language as a modelling system]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Риехакайнен 2016 — Риехакайнен Е. И. Восприятие русской устной речи: контекст + частотность. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2016. [Riekhakainen E. I. *Vospriyatie russkoi ustnoi rechi: kontekst + chastotnost'* [Perception of the Russian spoken language: Context + frequency] St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2016.]
- Руде 2005 — Руде Р. Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2005. № 3. С. 80—101. [Roudet R. On the syntax of predicative adjective in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 3. Pp. 80—101.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. I. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Селиверстова 1982 — Селиверстова О. Н. (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. [Seliverstova O. N. (ed.). *Semanticheskie tipy predikativ* [Semantic types of predicates]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Сизова 2009 — Сизова О. Б. Порождение именных форм в речи детей дошкольного возраста: взаимодействие синтагматического и парадигматического аспекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. [Sizova O. B. *Porozhdenie imennykh form v rechi detei doshkol'nogo vozrasta: vzaimodeistvie sintagmaticheskogo i paradigmaticeskogo aspekta. Avtoreferat kand. diss.* [Production of the noun forms in the speech of preschool children: The interaction of syntagmatic and paradigmatic aspects. Author's abstract of the cand. diss.]. Herzen State Pedagogical Univ., 2009.]
- Тимберлейк 1985 — Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в современном русском языке // Булыгина-Шмелева Т. В. (отв. ред.). *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 261—285. [Timberlake A. Invariance and syntactic properties of aspect in Modern Russian. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. No. 15. Bulygina-Shmeleva T. V. (ed.). Moscow: Progress, 1985. Pp. 261—285.]
- Урманчиева 2006 — Урманчиева А. Ю. «Грамматический дрейф»: семантическая эволюция грамматического показателя, не являющаяся грамматикализацией // *Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы*. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 164—167. [Urmanchieva A. Yu. «The grammatical drift»: Semantic evolution of the gram other than grammaticalization. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha. Materialy*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. Pp. 164—167.]

- Урманчиева 2015 — Урманчиева А.Ю. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей // Вопросы языкознания, 2015. № 6. С.54—77. [Urmanchieva A. Yu. How much impact can grammatical system have on the semantic evolution of grams. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 6. Pp. 54—77.]
- Федорова 2014 — Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Fedorova O. V. *Eksperimental'nyi analiz diskursa* [Experimental analysis of discourse]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Ходова 1958 — Ходова К. И. Творительный превращения и сравнения // Бернштейн С. Б. (отв. ред.) Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 181—192. [Khodova K. I. The instrumental case of transformation and comparison. *Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh*. Bernstein S. B. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. Pp. 181—192.]
- Цейтлин 2000 — Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. [Tseitlin S. N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoi rechi* [Language and child. Linguistics of the child speech]. Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2000.]
- Щерба 1974 — Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24—39. [Shcherba L. V. On the triple aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 24—39.]
- Эйсмонт 2017 — Эйсмонт П. М. «Конduit»: корпус устных детских текстов // Захаров В. П. (отв. ред.). Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2017». СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2017. С. 373—377. [Eismont P. M. «Konduit»: A corpus of spoken children's texts. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika-2017»*. Zakharov V. P. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2017. Pp. 373—377.]
- Ященко 2007 — Ященко М. А. Усвоение ребенком семантики качественных прилагательных // Цейтлин С. Н. (отв. ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 300—316. [Yashchenko M. A. Acquisition of semantics of qualitative adjectives by the child. *Semanticheskie kategorii v detskoi rechi*. Tseitlin S. N. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. Pp. 300—316.]
- Van der Auwera, Malchukov 2005 — van der Auwera J., Malchukov A. A semantic map for depictive adjectivals. *Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives*. Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. Pp. 393—421.
- Babby 2009 — Babby L. H. *The syntax of argument structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Bailyn 2001 — Bailyn J. The syntax of Slavic predicate case. *ZAS Papers in Linguistics* 22. Jäger G., Strigin A., Wilder C., Zhang N. (eds.). Berlin: ZAS, 2001. Pp. 1—26.
- Eisenbeiss et al. 2009 — Eisenbeiss S., Narasimhan B., Voeikova M. D. The acquisition of case. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.) Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 369—383.
- Filip 2001 — Filip H. The semantics of case in Russian secondary predication. *Semantics and Linguistic Theory (SALT) XI*. Hastings R., Jackson B., Zvolenszky Z. (eds.). Ithaca: CLC Publications, Cornell Univ., 2001. Pp. 192—211.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Himmelmann, Schultze-Berndt 2005 — Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: An introduction. *Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives*. Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. Pp. 1—67.
- Hinterhoelzl 2001 — Hinterhoelzl R. Semantic constraints on case assignment in secondary adjectival predicates in Russian. *ZAS Papers in Linguistics* 22. Jäger G., Strigin A., Wilder C., Zhang N. (eds.). Berlin: ZAS, 2001. Pp. 99—112.
- MacWhinney, Snow 1990 — MacWhinney B., Snow C. The Child Language Data Exchange System: An update. *Journal of Child Language*. 1990. Vol. 17. No. 2. Pp. 457—472.
- Rakhilina, Tribushinina 2010 — Rakhilina E., Tribushinina E. The Russian instrumental-of-comparison: Constructional approach. *Slavic linguistics in a cognitive framework*. Grygiel M., Janda L. A. (eds.) Frankfurt: Peter Lang Verlag, 2010. Pp. 145—174.
- Richardson 2001 — Richardson K. What secondary predicates in Russian tell us about the link between tense, aspect and case. *ZAS Papers in Linguistics* 26. Zhang N. (ed.). Berlin: ZAS, 2001. Pp. 171—195.
- Tribushinina 2008 — Tribushinina E. *Cognitive reference points: Semantics beyond the prototypes in adjectives of space and colour*. Utrecht: LOT, 2008.

ПРОБЛЕМА «ЯЗЫК ИЛИ ДИАЛЕКТ» И ПОПЫТКА ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА*

© 2017

Юрий Борисович Коряков

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; ybkoryakov@gmail.com

Разграничение языков и диалектов — один из «вечных» вопросов лингвистики. В статье дается краткий обзор двух типов подходов к этой проблеме: социо-этно-политических и структурных. Далее предлагается методика разграничения разных языков и диалектов одного языка, основанная на проценте совпадений по 100-словному списку Сводеша. Предложенная методика рассматривается на большом количестве примеров.

Ключевые слова: классификация, лексикостатистика, социолингвистика, таксономия, языки мира

LANGUAGE VS. DIALECT: A LEXICOSTATISTIC APPROACH

Yuri B. Koryakov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow,
125009, Russian Federation; ybkoryakov@gmail.com

Linguists have always seen the notion of “language” as inherently problematic, and the question of whether a particular form of speech should be classified as a separate language or a dialect of a language cannot be answered easily indeed. In this paper, criteria such as shared standard norm, common ethnic identity, and mutual intelligibility are shortly reviewed. Then another method of disentangling languages and dialects based on the number of shared cognates in the 100-word Swadesh list is proposed. The method is tested on various examples.

Keywords: classification, languages of the world, lexicostatistics, sociolinguistics, taxonomy

1. Введение

Вопрос, является ли некоторая языковая разновидность (идиом) языком или диалектом, относится к одной из сложных проблем лингвистики, причем последствия такого решения могут выходить и далеко за ее пределы.

Лингвисты сами постоянно оперируют понятием языка, но старательно избегают попыток определить, чем он отличается от диалекта. С одной стороны, это оправдано в тех случаях, когда речь идет о «точке» в языковом мире — языке одного человека, одного села, одного народа, одного государства. Действительно в таких случаях не так важно, какой именно термин выбрать, ср. названия работ: «язык Пушкина» [Виноградов 2000], «даргинский говор селения Танты» [Сумбатова, Ландер 2014], «язык бесермян» [Кузнецова 2012].

Однако же, когда мы рассматриваем некоторое целое множество идиомов, все большее значение приобретает их относительная иерархия как внутри множества, так и по сравнению с другими множествами. Будь то говоры нескольких сел, языки внутри одной генетической группы или языки одного государства.

Так, умение отличать язык от диалекта важно при инвентаризации лингвистических объектов, например, чтобы иметь представление о том, сколько языков в стране, регионе,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 17-18-01649.

семье / группе, мире или же сколько языков описано в той или иной работе; для составления справочников [ЯиДМ 1982: 3—4] и баз данных (Ethnologue, Glottolog, Linguasphere [Dalby 2000], Catalogue of Endangered Languages [Okura 2015]), так как обычно базовыми входами в них являются отдельные языки; для присвоения ISO-кодов; при создании языковых карт (так как многие языковые карты, в отличие от текста, недискретны, а иерархии обозначений на карте должна соответствовать иерархия языковых объектов). Также это умение может быть важно для таких прикладных аспектов, как подсчет индексов языковой плотности, например LDI (Linguistic Diversity Index) и ILD (Index of Linguistic Diversity), которые рассчитываются исходя из числа языков; разработка программ по сохранению языков, которые, как правило, ориентированы на сохранение отдельных языков, а не диалектов¹; выработка литературных норм; создание стройной терминологии, не допускающей ситуаций вида «диалект X диалекта Y диалектной группы Z» или таких названий статей в справочных работах, как «Сави язык / диалект» [Романова и др. 2014].

Обобщая, можно сказать, что понимание того, что является языком, а что диалектом, важно для создания некоторой непротиворечивой системы или реестра всех языковых разновидностей, или языковой систематики². Кроме того, оно важно для специалистов в смежных областях, например, демографов — при проведении переписей, этнографов, — для описания этнических процессов.

2. Обзор проблематики

Проблема выработки обоснованной и удобной таксономии уже привлекала внимание лингвистов, см. [Коряков, Майсак 2001]. Некоторые исследователи предлагали отказаться от жесткой дихотомии язык — диалект, заменив ее на трихотомию «внешний язык / внутренний язык / диалект»³ [Dalby 2000], расширить ее дополнительными единицами [Kaufman 1994] (см. подробнее ниже) или использовать параллельно термины из несколько иной плоскости: «*languoid*», «*doculect*», «*glossonym*» [Cysouw, Good 2013].

Таким образом, способность отличать язык от диалекта представляется в достаточной степени востребованной. Тут следует оговорить, что в нашем случае мы используем понятия «язык» и «диалект» как находящиеся в иерархическом отношении: диалект должен входить в язык, а не находиться с ним на том же уровне иерархии [Касаткин 1990: 132; Durrell 1990: 499]. Условно говоря, есть совокупность диалектов⁴, и наша задача — разбить их на непересекающиеся множества, которые мы и называем «языками». Следовательно, мы будем рассматривать язык как множество диалектов, а не как некоторую языковую разновидность, противопоставленную другим языковым разновидностям, называемым диалектами (как, например, в [Hudson 1996: 30—34]). Иными словами, любой диалект входит в какой-нибудь язык, и каждый язык состоит из диалектов (в частном случае из одного диалекта).

Значит, нужно найти некоторые критерии, на основе которых можно провести это разделение. Прежде этого необходимо определить, каким **требованиям** должны отвечать такие критерии, чтобы с их помощью можно было решать поставленные выше практические

¹ Хотя выбор объектов для таких программ часто ориентируется на экстралингвистические обстоятельства (в том числе диктуемые политикой), мнение лингвистов также довольно часто учитывается.

² Как будет показано ниже, использование далеко не всех критериев дает непротиворечивый результат.

³ **Внешний язык** соответствует одному или группе нескольких близкородственных языков в традиционной классификации, которые демонстрируют не менее 71—85 % совпадений в базовом словаре. **Внутреннему языку** соответствует наречие, группа диалектов или отдельный язык с более 86 % совпадений в базовом словаре. **Диалект** соответствует определенной территориальной, социальной или письменной разновидности внутреннего языка [Dalby 2000].

⁴ В данном случае под диалектом мы понимаем любую языковую разновидность (или идиом), входящую в состав языка, будь то наречие, диалект (в том числе социальный), говор или даже идиолект.

задачи. К таким требованиям можно отнести универсальность, постоянство во времени и непротиворечивость (однозначность).

Под **универсальностью** имеется в виду то, что рассматриваемый критерий должен быть применим к любой паре идиомов. Это можно считать наиболее важным требованием: если к каким-то идиомам критерий неприменим, то мы не можем ответить на поставленный вопрос, и нам нужен другой критерий.

Постоянство во времени подразумевает, что факт отнесения идиома к тому или иному языку не должен меняться слишком быстро. Все живые языки постоянно меняются, и, скажем, два диалекта через 500—1000 лет могут стать разными языками, но если, согласно принятому критерию, в любой момент могут возникнуть условия, заставляющие нас пересмотреть его таксономический статус, то это непрактично.

Под **непротиворечивостью** мы понимаем то, что один идиом может относиться только к одному языку. Не должно быть так, что при использовании одного критерия один и тот же диалект (или близкие диалекты) входит в два разных языка. В противном случае мы, например, не сможем однозначно проводить языковые границы или точно посчитать количество языков на заданной территории.

Теперь рассмотрим **критерии**, используемые для решения вопроса о том, куда относится тот или иной идиом. Все существующие критерии можно разделить на две большие группы: внешние (социо-этно-политические) критерии и внутренние (структурные).

3. Социо-этно-политические критерии

Внешние, или социо-этно-политические, критерии апеллируют не к самому языку или его структурным свойствам, а к его восприятию людьми. В отечественной лингвистике внешние критерии, как правило, считаются более важными по сравнению с чисто языковыми [Аванесов 1962: 26; Пиотровский 1973: 38; Мечковская 1996; Алпатов 2000: 14; Мусорин 2001]. В меньшей степени такая точка зрения распространена в западных работах [Hudson 1996].

Можно выделить следующие внешние критерии:

- 1) общая наддиалектная норма,
- 2) этническая ориентация,
- 3) мнение носителей,
- 4) официальный статус.

Среди других критериев также предлагались: достаточно большое количество носителей и/или большая территория распространения; высокий уровень престижа; использование в качестве средства обучения; (широкое) использование в СМИ, в интернете; разработанность письменной нормы [Hudson 1996: 34—35; Hussain Sandhu, Maldonado 2015: 213—214]; автономность языковой системы [Montes Giraldo 1980: 255]. Однако данные критерии не могут быть использованы уже на основании того, что язык и диалект могут оказаться единицами одного уровня, а не входить один в другой, что противоречит нашей изначальной установке.

Рассмотрим подробнее каждый из перечисленных выше четырех критериев.

Согласно **первому** критерию, два идиома считаются диалектами одного языка, если у них есть общий письменный стандарт (литературная норма, нем. *Dachsprache* ‘язык-крыша’), независимый от других языков [Hudson 1996; Brown 1998]; либо, для бесписьменных языков, общее наддиалектное койне. Подробно разные ситуации взаимоотношения письменных и бесписьменных форм языка были разобраны С. Е. Яхонтовым [1980: 154—157].

Уточнение о независимости от других языков необходимо в силу того, что существует немало так называемых литературных диалектов, которые, как правило, не позиционируются как отдельные языки и носят вспомогательный характер по отношению к основному литературному языку, тем не менее обладают письменным стандартом отличным

от общезыкового, ср. восточнословацкий литературный язык и банатско-болгарский книжный язык [Дуличенко 2005а: 608—609] или региональные нормы английского, испанского или французского языков.

Хотя данный критерий можно теоретически применять к бесписьменным языкам, которые пользуются литературной нормой соседнего языка, он практически неприменим к регионам, где письменности совсем отсутствуют или отсутствовали до недавнего времени. Поскольку в таких регионах (вся Америка, Австралия, Новая Гвинея и Океания, большая часть Африки) еще недавно было распространено большинство языков мира, данный критерий нельзя назвать универсальным.

Другой сложностью является то, что общая письменная традиция часто объединяет довольно далеко разошедшиеся идиомы (например, итальянские, немецкие, арабские, китайские «диалекты») или даже слабо родственные языки (например, латынь в Средние века для романских, германских, кельтских языков; классический арабский для многих не-арабских языков Ближнего Востока). Кроме того, у довольно близких диалектов могут оказаться разные литературные нормы. Например, западнополесские говоры Белоруссии ориентируются на белорусский литературный язык, а Украины — на украинский, хотя структурно представляют собой один и тот же тип [Жовтобрюх, Молдован 2005: 543; Бирилло и др. 2005: 588; Коряков 2005: 649]; для носителей нижнесаксонских диалектов в Нидерландах литературным языком является нидерландский, а для носителей тех же диалектов в Германии — немецкий литературный язык или региональные письменные варианты [Lenz et al. 2009]. Таким образом, не соблюдаются принцип непротиворечивости.

Наконец, используя этот критерий, мы так или иначе ориентируемся на степень близости между идиомами. Скажем, едва ли на основании того, что баски, бретонцы или эльзасцы пользуются (или пользовались) литературным французским, кто-нибудь будет называть их языки диалектами французского. Или, например, официально все население Греции кроме официально признанных национальных меньшинств (мусульмане (турки, помаки и часть цыган), армяне, евреи) и недавних иммигрантов считается греками, а их языки, соответственно, диалектами греческого, и литературный язык у всех общий — греческий [Clogg 2002]. Таким образом, славяне Северной Греции считаются греками-славяфонами, а их речь официально называется *σλαβικά διάλεκτος* «славянский диалект» [Усикова 2005: 103]. При использовании этого критерия необходимо сперва определить, где проходит граница между языком и диалектом.

Таким образом, для данного критерия, очевидно, не соблюдается требование постоянства во времени: как показывает практика, создание письменного стандарта — дело нескольких лет, максимум десятилетий. Например, в СССР в 1920—1930-е гг. было создано около 70 письменных норм для бесписьменных до того языков [Алпатов 2000: 74]. И тогда, следуя данному критерию, все эти 70 языков буквально за одно десятилетие должны были изменить свой статус с диалектов на языки.

Второй критерий ориентирован на этническую принадлежность носителей: если носители двух идиом относятся к одному этносу, значит это один язык, если к разным — разные [Аврутин 1975: 55; Brown 1998]. Однако языковые и этнические границы слишком часто не совпадают, чтобы определять первые на основе вторых. Например, в Швейцарии четыре традиционных языка (немецкий, французский, итальянский и романшский), хотя в этническом плане их носители считают себя прежде всего швейцарцами [Duttell 1990: 497]; население итальянской провинции Валле-д'Аоста с точки зрения этнических и культурных связей составляют преимущественно итальянцы, хотя традиционные диалекты данного региона относятся к франко-провансальскому (арпитанскому) языку, при том что региональным языком признан литературный французский [Viatta 1982: 302]. Вообще взаимно однозначное соответствие между этносом и языком встречается довольно редко, оно характерно либо для родоплеменного строя (племя $\leftrightarrow$ язык, скажем, в Амазонии или Новой Гвинее), либо для европейского национального размежевания и советского национального строительства 1920-х гг., когда для большинства языков Советского Союза были определены соответствующие им народы и наоборот [Алпатов 2000: 47—48]. В некоторых

случаях для этого пришлось либо объединить несколько этнических групп (например, хакасы [G. Anderson 1998: 1], узбеки [Кармышева 1969]), либо объединить под одной «шапкой» несколько идиомов (например, «даргинский язык» [Koryakov 2013: 193]). Тем не менее даже на постсоветском пространстве остаются случаи несоответствия как в одну сторону (носители мокшанского и эрзянского языков обычно считают себя мордвой; носители 13 андо-цезских народностей, как правило, считают себя аварцами), так и в другую (на карачаево-балкарском говорят карачаевцы и балкарцы; на кабардино-черкесском — кабардинцы и черкесы) [Comrie 1981: 4—5]. Наконец, в некоторых регионах понятие этнической принадлежности не имеет прямой связи с языком, основываясь большей частью либо на расовых категориях (Латинская Америка⁵), либо на социально-конфессиональной принадлежности (Ближний Восток [Oguyal 1990]), иногда с учетом кастового положения (Южная Азия⁶).

Хотя в целом этническое самосознание достаточно устойчиво, при резком изменении внешних факторов или целенаправленном воздействии на сознание людей оно может меняться достаточно быстро. Ф. Д. Климчук приводит пример двукратной смены этнической аффилиации в Закарпатье в течение нескольких десятилетий: «Вообще-то мы русские [в данном случае, видимо, один из вариантов самоназвания «русин». — Ю. К.], теперь мы украинцы (с 1945 г. Закарпатье в составе УССР), а до войны мы были чехами (область находилась в составе Чехословакии)» [Климчук 1990: 97], цит. по [Беликов, Крысин 2001: 49]. Другим примером является распространение этнонима «черногорцы» в переписях Черногории 2003 и 2011 гг., см. подробнее ниже.

Встречаются также случаи сложной этноязыковой идентификации: так, кубанские греки-понтийцы признают, что их язык слишком далек от греческого, чтобы утверждать, что они говорят по-гречески, но назвать свою речь отдельным языком они также не решаются [Перехвальская 1997: 7—8]. Цалкинские туркоязычные греки, говорящие фактически на одном из восточных турецких диалектов, отказываются соотносить свой диалект с турецким языком, именуя его *bizim dil* ‘наш язык’, при этом часто называя своим родным греческий, которым они не владеют [Елоева 1995: 4—5].

Все эти примеры говорят о том, что определение народа само является достаточно комплексным и не универсальным, и, скорее, одним из параметров для выделения этнической группы является язык, а не наоборот. С точки зрения соответствия выдвинутым нами требованиям, этот критерий далеко не универсален, результаты его применения вступают в противоречие друг с другом, а относительное постоянство во времени зависит от многих факторов.

Согласно **третьему** критерию основополагающим является мнение носителей: «если коллектив говорящих считает родную речь отдельным языком, отличным от языков всех соседей, значит то, на чем данный коллектив говорит, — это отдельный самостоятельный язык» [Мечковская 1996: 94—95] (ср. также [Пиотровский 1973: 38; Касаткин 1990: 132—133]).

Однако знание о «собственно языке» и его границах с другими языками на самом деле не является частью наивной картины мира. Для «наивной» картины мира, как правило, достаточно противопоставления «наш» язык — «чужой», что до сих пор можно увидеть в самоназваниях многих языков, которые переводятся как «наш / обычный / простой язык». Например, *tutэйиш* / *no-npocтy* — западнополесские говоры (польско-белорусско-украинское Полесье), *našinski* — диалект горан (торлакское наречие, Косово), *naš jezík* — диалект моллизских хорват (Италия), *qatô:k* ‘наш язык’ — язык мочо (Мексика, майяские языки), *lishán didán* ‘тж.’ — урмийский еврейско-арамейский язык (Иран), *ombeayiiiüts* ‘тж.’ — язык уаве (Мексика, изолят), *nou ling* ‘тж.’ — индо-португальский креол (Индия), *nyeshan* ‘тж.’ — язык

⁵ Ср. списки этнических групп по данным переписей в странах Южной Америки в «Demographic Yearbook (Population Censuses’ Datasets (1995 — Present))», выпускаемом ООН: <http://data.un.org/Data.aspx?d=POP&f=tableCode:26>.

⁶ Ср., например, список языков и список этнических групп в непальской переписи 2011 г.: <https://unstats.un.org/unsd/demographic/sources/census/wphc/Nepal/Nepal-Census-2011-Vol1.pdf> (National Population and Housing Census 2011).

мананг (Непал, тибето-бирманские языки), *meänkieli* ‘тж.’ — финский диалект меанкиели (Швеция) и т. д. [Беликов, Крысин 2001: 49].

В большинстве же случаев носители повторяют то, что выучили в школе, прочитали в книге, слышали по радио и т. д. Вообще мнение о собственном языке легко формируется государством и СМИ. Например, до 1991 г. все население Молдавии употребляло название «молдавский язык» (*лимба молдовеняскэ*), затем, параллельно с переходом на латиницу, активно стал вводиться лингвоним «румынский язык», однако он так до конца не прижился, более того, позднее начался частичный обратный процесс. По результатам переписи 2004 г. 78,4 % молдаван назвали своим родным языком молдавский, и лишь 18,8 % — румынский [Тульский 2006]. В качестве другого примера можно привести черногорский язык, само название которого появилось лишь в 1995 г. (до этого языком большинства населения был сербохорватский, а еще ранее — сербский) [Кречмер, Невекловский 2005: 145]. Благодаря развернутой пропаганде, по данным переписи 2003 г., 22 % населения Черногории назвало своим родным языком черногорский, а согласно переписи 2011 г. — уже 37 %. 63 % и 43 %, соответственно, по-прежнему считали, что говорят по-сербски. Процент считающих себя черногорцами при этом каждый раз отличается в большую сторону от процента назвавших свой язык черногорским: 43 % и 45 % населения назвали себя черногорцами в 2003 и 2011 гг. соответственно⁷.

Кроме того, мнение одних носителей языка может противоречить мнению других (нарушая тем самым требование непротиворечивости). Например, луры (Иран) утверждают, что они говорят по-персидски, персы же отрицают это и говорят, что они не понимают языка луров [С. Voegelin, F. Voegelin 1977: 4]. Наконец, далеко не всегда ясно, что считать одним и тем же названием, то есть насколько велики должны быть различия, чтобы считать (само)названия разными. Так, словенцы называют свой язык — *slovenski jezik*, *slovenščina*, словаки — *slovenčina*, *slovenský jazyk*, словинцы (близкие кашубам) — *ślōwĩnskò mòwa*, а самоназвание старославянского — *словѣньскъ ѡзыкъ*. Названия практически идентичны, и, согласно критерию общего самоназвания, все эти идиомы следовало бы считать одним языком. В то же время носители разных диалектов, например словенского языка, могут называть свой язык весьма отличными лингвонимами: резьянцы — *rozajanski langač*, прекмурцы — *prekmòrščina*.

Таким образом, как пишет Л. Э. Калнынь [1976: 38], «дифференция “язык — диалект” лингвистически не искушенному индивидууму не дана». Или, как говорят некоторые информанты: «Ты же лингвист, ты и скажи нам, диалект это или язык». С точки зрения соответствия нашим требованиям этот критерий относительно универсален, однако результаты его применения вступают в противоречие друг с другом и могут быстро меняться во времени.

Согласно **четвертому** критерию языком считается тот идиом, статус которого прописан в соответствующем официальном документе, например в конституции, законе о языке или других официальных актах некоторого государства. Политики не так часто выносят решения относительно языков или диалектов, однако в отдельных случаях политический фактор может существенно влиять на мнение как самих носителей, так и лингвистов.

Так, законы могут влиять на названия языков (обычно официальных или государственных) и тем самым на самоидентификацию носителей. Среди примеров можно назвать отдельные языковые варианты в рамках сербохорватского языкового континуума (хорватский, боснийский, сербский, черногорский) [Кречмер, Невекловский 2005], молдавский / румынский язык (см. выше), малайский язык (в Индонезии официально именуется «индонезийским», тогда как в Малайзии используются два названия: «малайский» и «малайзийский») [Алиева 2011: 625]).

Кроме того, в некоторых странах принимаются особые законы, касающиеся малых языков, например Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств⁸,

⁷ Данные переписи 2003 г. доступны по адресу: <http://www.monstat.org/userfiles/file/popis03/saopstenje60.pdf>; о переписи 2011 г.: [http://www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje\(1\).pdf](http://www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje(1).pdf).

⁸ Текст Хартии доступен по адресу: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007bf44>.

ратифицированная уже в 25 государствах Европы. Согласно этой хартии, защите подлежат все языки, заметно отличающиеся от основного языка, традиционно распространенные на соответствующей территории и не имеющие статуса государственного. В то же время языковая политика некоторых стран Европы далека от такого языкового плюрализма: так, например, Франция и Грузия отказываются ее ратифицировать, а Греция, Литва, Латвия и Эстония — даже подписывать⁹. При этом иногда случаются некоторые несостыковки, например, русинский признан отдельным языком наряду с украинским в Польше, Румынии и Словакии, но лишен такого статуса на самой Украине¹⁰.

Языковая политика в области признания языков может быть также опосредована, например, через задание списка языков при проведении переписи или выбор языков, которые преподаются в школе или на которых ведется радиовещание.

В этой связи уместно упомянуть известное выражение «**Язык — это диалект с армией и флотом**» — шутивную фразу, популяризованную лингвистом Максом Вайнрайхом [Weinreich 1944]. В буквальном понимании она имеет мало смысла. Есть много государств с довольно сильными армиями (США, Бразилия, арабские страны), диалекты которых от этого ничуть не становятся языками, и множество малых языков, не могущих похвастаться ни вооруженными силами, ни флотом. Единственное реальное применение она получает при возникновении нового государства, одной из программных линий которого может быть стремление к языковому отделению. Ярким примером такой политики являются государства, возникшие на месте бывшей Югославии, каждое из которых провозгласило свой собственный язык вместо бывшего общего сербохорватского ([Багдасаров 1994: 208]; кроме Словении, язык которой рассматривался отдельно еще со Средних веков [Дуличенко 2005б: 200—202], и Македонии, язык которой был провозглашен отдельным от сербского в 1945 г. [Усикова 2005: 104]). Что интересно, единый сербохорватский язык был похожим образом провозглашен по идеологическим мотивам в 1850 г. на волне панславянских идей [Кречмер, Невекловский 2005]. В то же время возможен и обратный сценарий: после провозглашения независимости отдельный до того язык официально объявляется идентичным языку соседнего государства (румынский / молдавский язык в Молдавии) [Лухт, Нарумов 2001: 576].

Следовательно, критерий официального статуса не универсален, не постоянен во времени и относительно противоречив.

Ниже в таблице 1 отмечено, насколько предложенные выше требования выполняются каждым из внешних критериев.

Таблица 1

Выполнение внешними критериями предложенных требований

Требования \ Критерии	Литературная норма	Этническая общность	Мнение носителей	Официальный статус
Универсальность	—	—	+	—
Постоянство во времени	—	—	—	—
Непротиворечивость	—	—	—	—

По таблице 1 видно, что ни для одного из внешних критериев не выполняются все три требования. Можно отметить, что на практике используется, скорее, некоторое мозаичное

⁹ Ср. таблицу подписей и ратификации хартии: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/148/signatures>; о положении дел во Франции и Грузии см. также: <http://www.conseil-etat.fr/Decisions-Avis-Publications/Avis/Selection-des-avis-faisant-l-objet-d-une-communication-particuliere/Ratification-de-la-Charte-europeenne-des-langues-regionales-ou-minoritaires> и http://www.ecmcaucasus.org/upload/publications/working_paper_42_rus.pdf.

¹⁰ См. подробнее: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/148/declarations>.

переплетение разных критериев. В одних случаях лингвисты ориентируются на один, в иных на другой. Однако иногда среди лингвистов имеется консенсус относительно того, что некоторый идиом является отдельным языком, даже если ни один из внешних критериев не работает.

Таблица 2

Примеры применения внешних критериев

Критерии Язык	Литературная норма	Этническая общность	Мнение носителей	Официальный статус	Мнение лингвистов
Мегрельский	—	—	—	—	+ ¹¹
Андийские	—	—	—	—	+ ¹²
Рюкюские	—	—	—	—	+ ¹³

Во всех этих случаях согласно всем внешним критериям данные идиомы должны считаться диалектами, соответственно, грузинского, аварского и японского языков, однако, по мнению большинства лингвистов, перед нами отдельные языки (мегрельский) или даже группы языков (андийские и рюкюские языки). Очевидно, что роль здесь играют только лингвистические различия.

4. Структурные критерии

Перейдем теперь к лингвистическим (структурным) или внутренним критериям. Такие критерии должны опираться на фактические различия между идиомами и быть независимы от мнения людей и других внешних факторов.

При выборе и использовании структурных критериев требуется определить признаки сравнения, а затем пороговый уровень различий, необходимых для выделения отдельного языка. Собственно, отсутствие такого универсально принятого порога является одним из главных возражений против использования лингвистических критериев [Глисон 1959: 436—440].

Можно выделить следующие подходы к структурному определению степени близости идиомов:

- 1) измерение взаимопонятности;
- 2) измерение структурных различий.

4.1. Взаимопонятность

Пожалуй, наиболее популярный лингвистический критерий — это степень **взаимопонятности** (mutual intelligibility) [Petyt 1980: 11—36; Comrie 1981: 6; Мусорин 2001; Беликов, Крысин 2001: 48—53; Kurpaska 2010; Mané 2012], иногда называемой общепонятностью [Глисон 1959: 436]. Согласно ему, если носители разных идиомов достаточно хорошо понимают друг друга (говоря каждый на своем идиоме), они говорят на диалектах одного языка, если же нет — на разных языках. На практике применение этого метода осложняется некоторыми другими факторами: предварительное знакомство с языком собеседника, тема общения, языковые способности информанта, само желание или нежелание понимать собеседника [Sallabank 2011: 496; Schüppert, Gooskens 2010], поэтому этот структурный

¹¹ Ср., например, [Hewitt 2004: 19—21; Ростовцев-Попель 2012; Hammarström et al. 2017].

¹² Ср., например, [Hewitt 2004: 24—26; Майсак 2005; Hammarström et al. 2017].

¹³ Ср., например, [Shimoji 2010; Hammarström et al. 2017]; традиция описывать рюкюские как диалекты японского языка сохранялась до недавнего времени в отечественной лингвистике, ср. [Алпатов 1997: 325].

критерий становится социально обусловленным [Эдельман 1980: 129—130]. Кроме того, нередки ситуации «полукоммуникации», когда каждый из собеседников говорит на родном языке, но при этом неплохо (хотя и не свободно) воспринимает язык собеседника [Haugen 1966: 926]. Хотя нередко утверждается, что взаимопонятность не обязательно является симметричной (то есть носитель идиома А может понимать идиом Б, но не наоборот), как пишет Х. Хаммарстрём, практически все известные примеры такого рода обусловлены разным уровнем мотивации [S. Anderson 2004] или первоначальным знакомством носителя идиома А с идиомом Б [Hammarström 2008: 35]. При экспериментальных измерениях степени взаимопонятности идиомов А и Б называется среднее степеней взаимопонятности идиома А носителем идиома Б и идиома Б носителем идиома А [Tang, van Heuven 2009].

Другое возражение против использования этого критерия — ситуации диалектных континуумов, когда в цепочке идиомов степень взаимопонятности уменьшается с расстоянием между идиомами и может отсутствовать между крайними точками [Hudson 1996: 35]. Довольно часто в качестве примера приводится нидерландско-немецкое языковое пространство, двигаясь в рамках которого из Амстердама в Вену можно не встретить ни одной резкой языковой границы [S. Anderson 2004; Comrie 2009: 2—3]. Одно из возможных решений этой проблемы рассматривается Х. Хаммарстрёмом, который предлагает считать верным утверждение «если две разновидности относятся к одному языку, то они взаимно понятны», но вместо обратного утверждения «если две разновидности взаимно понятны, они обязательно относятся к одному языку» предлагает требование о том, что число языков не должно увеличиваться без необходимости. При таком решении диалектный континуум делится на некоторое минимальное число языков, внутри которых все разновидности взаимопонятны, и также взаимопонятны некоторые разновидности, отнесенные к разным языкам [Hammarström 2008].

Однако основная сложность в применении этого критерия заключается в том, что взаимопонятность — это не бинарный, а континуальный признак, для использования которого необходимо некоторое пороговое значение [Hudson 1996; Yule 2010]. Частичная попытка установить такие пороговые значения была предпринята С. Е. Яхонтовым [1980: 151—153], однако он определял уровень взаимопонятности описательно, не прибегая к числовым показателям. Хотя чаще всего взаимопонятность между разными идиомами определяется «на глазок», разрабатывается все больше экспериментальных способов ее измерения [Hickerson et al. 1952; Pierce 1952; Casad 1974; Cheng 1997; Brye, Brye 2002; H. Anderson 2005], которые требуют значительных усилий и вместе с тем, с одной стороны, не исключают до конца субъективности суждений (прогресс в этом направлении связан с использованием так называемого «функционального тестирования», которое стремится к измерению именно того, как испытуемый понимает другой идиом, а не его субъективного мнения [C. Voegelin, Harris 1951; van Bezooijen, van den Berg 1999; Tang, van Heuven 2009; Swarte, Hilton 2013; Castro, Xingwen 2015: 157—179], однако этот способ еще более ресурсоемок), а с другой, их результаты плохо сравнимы между собой. Наконец, пока отсутствуют обоснованные формальные способы нахождения универсального порога взаимопонятности для различения языка и диалекта, хотя для одного из типов тестов (Recorded Text Test, RTT) были предложены следующие ориентиры: идиомы, взаимопонятность которых выше 85 %, разумно считать принадлежащими к одному языку и развивать для них единую литературную норму; при уровне взаимопонятности между 70 % и 84 % следует учитывать другие лингвистические и экстралингвистические факторы для более точного определения их принадлежности [Casad 1974; Starr, Stalder 1990].

Таким образом, как суммирует Ш. Госкенс [Gooskens 2007], взаимопонятность зависит от трех факторов:

- 1) отношения слушателя к языку собеседника,
- 2) предварительные контакты или знакомство с языком собеседника,
- 3) лингвистическое расстояние до языка собеседника.

Если более подробно рассматривать только третий фактор, то на взаимопонимание между близкородственными языками и диалектами наибольшее влияние оказывают фонетические различия и лексика [Delsing, Lundin-Åkesson 2005; Gooskens 2007].

Таким образом, взаимопонятность может быть хорошим критерием, если научиться измерять ее независимо от отношения носителей к другому идиому (убрать фактор 1), хотя влияние фактора 2 при этом все равно сохранится. Другим подходом может быть использование некоторого структурного параметра, хорошо коррелирующего с объективной степенью взаимопонятности и при этом не отягощенного фактором 2.

Помимо технического удобства использование степени взаимопонятности для различения языков обеспечивает большую эффективность при языковом планировании, так как успешная коммуникация жизненно важна при оказании медицинской помощи, в образовании и даже в локальной политике [Roche, Suzuki (in print): 9].

4.2. Измерение структурных различий

Можно предположить, что степени взаимопонятности соответствует степень структурных различий между идиомами. Однако возникает вопрос: как измерить эти различия? Языки различаются по очень многим параметрам и для разных языков эти параметры разные, поэтому если попытаться сравнить пошагово всю грамматическую систему, начиная от фонологии и заканчивая синтаксисом и лексикой, то результаты сравнения между разными парами идиомов, особенно достаточно далеких друг от друга, будут сами по себе плохо сравнимы. Чтобы получить объективные и сравнимые результаты, необходимо ограничиться некоторым конкретным подмножеством языковых различий. В разных работах для измерения лингвистического расстояния (linguistic distance, linguistic difference) предлагались разные явления или характеристики для сравнения: фонетический облик слов, звуковая структура словаря, и предложений [Gooskens, Heeringa 2004; Heggarty et al. 2005; Ellison, Kirby 2006]; синтаксические структуры [Homola, Kuboň 2006]; определенные грамматические явления [Wichmann, Holman 2009; Hammarström, O'Connor 2013; McGregor 2013]; даже различия в графике [Cysouw, Good 2013]. Однако ни один из предложенных способов не предлагалось использовать для разграничения языков и диалектов и ни один из них не является универсальным, то есть едва ли возможно найти такое явление или характеристику, применимую к любому языку, с помощью которой можно осмысленно считать лингвистическое расстояние. Кроме того, недавно было отмечено, что многие грамматические явления склонны к распространению через языковые границы (см. [Aikhenvald 2007] и мн. др.) и, следовательно, часто могут свидетельствовать, скорее, о типологической близости или об ареальном сближении языков. В таком случае более универсальным материалом для сравнения является базисная лексика, но сравнение целых словарей трудозатратно и также не универсально. Поэтому в разных работах делались попытки ограничить набор сравниваемых лексических данных: сравнивались эквивалентные переводы, автоматически извлеченные из параллельных корпусов [Kondrak 2013; Wälchli, von Waldenfels 2013] или из двуязычных словарей [Sejane, Eger 2013]; набор диалектной лексики для выявления места региолекта в языковой системе [Nerbonne et al. 2013].

Видимо, наиболее популярным материалом для сравнения является некоторое подмножество (список) базовой лексики [Borin 2013: 7], см. работы [Глисон 1959: 437; Carling et al. 2013; Snoek 2013; Heeringa et al. 2013], особенно список Сводеша или его модификации [Schepens et al. 2013; Saxena, Borin 2013; Blust 2013: 34]. Как известно, М. Сводеш предложил список слов, точнее понятий, предположительно базовых для любой культуры и потому пригодных для универсального сравнения, что крайне важно для наших целей [Swadesh 1952; 1955]. Кроме того, использование базовой лексики в противовес культурной лексике, фонетике или синтаксису дает возможность оценить исконное родство языковых разновидностей, а не внешнее, вызванное поздними языковыми контактами.

5. Использование лексикостатистики

Хотя списки базовых слов, особенно список Сводеша, широко используются при сравнении языков для различных целей, в первую очередь для построения языковой классификации и вычисления лингвистического расстояния между языками (собственно лексикостатистика), можно ли использовать такие списки для сравнения близкородственных идиомов с целью различения языков и диалектов? Следует сказать, что идея использования лексикостатистики для этой цели не нова. Еще И. Дайен предложил использовать в качестве порога (он называет его «Provisional language limit») 70 % для 200-словного списка Сводеша или 77 % для 100-словного списка [Dyen 1965: 18; Dyen, Aberle 1974: 11]. Для папуасских языков С. Вурм использовал интервал 78—81 % по слегка измененному 200-словному списку Сводеша как пороговое значение для различения языков и диалектов [Wurm 1977: 152]. В пределах 3-процентного «завора» (а в исключительных случаях — и вне его) исследователь при выборе в пользу языка или диалекта должен был основываться на том, какие именно лексические единицы оказываются «родственными». Т. Кауфман в своей классификации мезоамериканских языков [Kaufman 1994] предлагает более сложную схему: выше 84 % (по 100-словному списку) — однозначно диалекты одного языка, 76—84 % — диалекты или так называемые зарождающиеся языки (emergent languages), менее 76 % — однозначно отдельные языки (хотя иногда без четких границ между ними, в таком случае они называются virtual languages). Однако ни один из упомянутых авторов не приводит сколько-нибудь серьезного обоснования своим цифрам, довольствуясь лишь общими соображениями и некоторым количеством примеров.

Попробуем точнее оценить, насколько этот метод можно использовать для определения границы между языком и диалектом. Предположим, что есть такой **порог**, что если процент совпадений (ПС) по списку базовой лексики между двумя идиомами **ниже** его, то их можно считать двумя разными языками, если **выше** — диалектами одного языка. Для обнаружения и верификации такого порога необходимо собрать большое количество соответствующих списков и посчитать проценты совпадений между достаточно близкими языками, а затем сравнить полученные результаты с экспертной оценкой взаимопонятности между оцениваемыми идиомами и с тем, как обычно трактуются данные идиомы в лингвистической литературе.

В нашем исследовании будет использоваться 100-словный список Сводеша — Старостина [С. Старостин 2007: 784], так как смысловые концепты этого списка более универсальны, чем у 200-словного [Swadesh 1955], и лишь для него обоснованы и разработаны строгие семантические спецификации [G. Starostin 2010; Kassian et al. 2010], позволяющие получить достаточно точные сравниваемые данные для разных языков. Согласно предложенной С. А. Старостиным процедуре, из подсчета удаляются заимствования, дается экспертная оценка родственности слов и затем подсчитывается процент совпадений между списками двух идиомов. Что касается синонимов, то сравнение результатов обработки списков, составленных по более строгим критериям (обычно не более пяти синонимов на весь список, ср. [G. Starostin 2010: 100]), и списков с большим количеством синонимов говорит в пользу минимизации количества синонимов (М. Сводеш вовсе не допускал синонимов), для чего могут быть эффективно использованы уточняющие контексты [Kassian et al. 2010]. Хотя неучитывание заимствований вполне обосновано для целей общей компаративистики и построения генеалогических классификаций [G. Starostin 2013: 133—136], вопрос их учета при синхронном сравнении близкородственных языков и диалектов остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Как уже отмечалось, при лексикостатистических исследованиях главную роль играют не алгоритмы, а качество исходных данных [Касьян 2014: 78]. Поэтому для проверки нашей гипотезы особое внимание было обращено на качество сбора и обработки лексических списков. Хотя для получения списков слов и процентов совпадения между ними использовались несколько источников, главным и наиболее надежным была Глобальная лексикостатистическая база данных [GLD]. На март 2017 г. она включала списки по 483 языкам и диалектам из 100

групп (это число продолжает увеличиваться). Помимо этой базы данных имеются достаточно полные источники по славянским [Kushniarevich et al. 2015], даргинским [Koryakov 2013], уральским [Zhivlov 2014], манде [Vydrin 2009] и другим языкам. Хотя, как в данной базе, так и в других источниках, существует много списков по языкам всех частей света, мы старались ограничиться языками наиболее изученных регионов (Европа, Северная Евразия, Ближний Восток), относительно которых у лингвистов (во всяком случае российских) есть некоторые представления о взаимопонятности и о том, что можно назвать отдельным языком с лингвистической точки зрения, а что нет. В общей сложности было взято около 220 пар близкородственных идиомов (с ПС от 80 до 100), в которых участвовало около 340 языков и диалектов.

Таблица 3

Распределение использованных языков по семьям / регионам¹⁴

Регионы и семьи	Языки	Пары
Евразия	264	181
индоевропейские	110	89
кавказские	68	34
уральские	57	33
Африка	47	23
Америка	28	16
Всего	339	220

Распределим выбранные пары по пятибалльной шкале взаимопонятности. Описания каждого из баллов даны во втором столбце таблицы 4. В третьем столбце даны определения соответствующих степеней родства по шкале, предложенной Яхонтовым [1980: 154—157].

Таблица 4

Пятибалльная шкала взаимопонятности

Баллы	Описание	Яхонтов
1	Полностью взаимопонятны; могут отмечаться особенности каждого диалекта, обычно в произношении (акцент) и употреблении некоторых слов.	1. «Наименьшие языковые различия, заметные для говорящих: носители разных идиом свободно общаются друг с другом, но по особенностям произношения и отчасти лексики могут приблизительно определить, откуда каждый из них родом».
2	Взаимопонимаемы, но не полностью; встречается довольно много особенностей у каждого идиома; могут возникнуть недопонимания или ошибки в понимании.	2. «Носители разных идиом без особого труда общаются между собой, хотя возможны отдельные случаи непонимания».
3	Частично взаимопонимаемы или данных нет.	—
4	Взаимопонимание сильно затруднено, но заметно улучшается после некоторого опыта общения.	3. «Носители разных идиом не могут свободно общаться, но постоянно слышат в речи друг друга знакомые слова и даже короткие фразы. Говорящий на одном языке может научиться понимать другой, “постепенно привыкая” к нему, без учебника или переводчика».
5	Практически невзаимопонимаемы.	4. «Общение невозможно, но при систематическом изучении языков мы обнаруживаем множество общих слов и правил грамматики; это может заметить даже и не языковед».

¹⁴ Подробный список использованных языков и пар с процентами совпадений и присвоенными статусами, а также ссылками доступен по адресу: http://lingvarium.org/koryakov/Lg_vs_dt.shtml.

Суждения о степени взаимопонятности взяты в каждом случае из языковых описаний, именно поэтому так велико количество попавших в третью зону, одно из значений которой — «данных нет» и которая, соответственно, отсутствует у Яхонтова.

Предварительный анализ показывает, что для пар с ПС > 93 % всегда отмечается хорошее взаимопонимание и входящие в такие пары идиомы в подавляющем большинстве считаются диалектами одного языка. Напротив, между идиомами в парах с ПС < 87 % наблюдается отсутствие взаимопонимания, и такие идиомы как правило считаются отдельными языками. Поэтому попробуем подробнее рассмотреть среднюю часть интервала, с ПС от 87 до 93 %. В этот интервал попадают 118 пар.

Таблица 5

Распределение пар языков по процентам совпадений и уровню взаимопонятности

ПС	1	2	3	4	5	Всего пар	%, 3 ¹⁵	Среднее
93	4	10	6	1		21	29	2,2
92	2	8	1			11	9	1,9
91	3	6	10	1		20	50	2,5
90		1	8	13	1	23	35	3,6
89			6	10		16	38	3,6
88			3	11	2	16	19	3,9
87			3	7	1	11	27	3,8
Всего	9	25	37	43	4	118	31	3,1

Итак, мы видим, что, если не брать во внимание 3-й столбец, практически все пары с ПС, равным 91 % и больше, попадают в 1 и 2 столбцы, а с ПС, равным 90 % и меньше, — в 4 и 5 столбцы.

Теперь рассмотрим, насколько лексикостатистические проценты совпадений коррелируют с традиционным разграничением языков и диалектов. Распределим пары с ПС от 87 до 93 % по таксономическому статусу, то есть считаются ли они обычно в современных лингвистических работах разными языками или диалектами одного языка. Также используем 5-балльную шкалу:

- 1 — всегда диалекты,
- 2 — чаще диалекты,
- 3 — то языки, то диалекты,
- 4 — чаще языки,
- 5 — всегда языки.

Таблица 6

Распределение пар языков по процентам совпадений и таксономическому статусу

ПС	1	2	3	4	5	Всего	%, 3	Среднее
93	5	7	2	5		19	11	2,4
92	5	4	1	2		12	8	2,0
91	7	0	5	7		19	26	2,6
90	2	3	5	4	9	23	22	3,7
89		4	2	5	5	16	13	3,7
88		1	2	10	4	17	12	4,0
87			1	9	2	12	8	4,1
Всего	19	19	18	42	20	118	15	3,2

¹⁵ В столбце «%, 3» указаны для каждого процентного уровня доля пар, попавших в неопределенную зону (взаимопонятность = 3), а в столбце «среднее» — среднее значение взаимопонятности с учетом 3-й зоны.

По таблице 6 видно, что диалектами одного языка обычно считаются идиомы, ПС между которыми $\geq 92\%$, а разными языками — с ПС $\leq 89\%$. Однако в данном случае распределение в целом не такое однозначное, как в предыдущей таблице. Это можно объяснить разными традициями в описании языков разных языковых групп (когда даже взаимопонятные идиомы считаются разными языками) и значительным влиянием исторических и этно-социальных факторов. Например, ПС = 93 % демонстрируют такие пары, как стандартный немецкий — люксембургский, средненемецкие диалекты — идиш, исландский — букмол, фриульский — северно-венетский, сусу — дьялонка (манде); 92 % наблюдается в таких парах, как чешский — словацкий, теннет — мурле (сурмийские), мегленитский — арумьинский.

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно достаточно уверенно считать, что при ПС $\geq 91\%$ идиомы являются взаимопонимаемыми и могут считаться диалектами одного языка, а при ПС $\leq 90\%$ — не являются взаимопонимаемыми и могут считаться разными языками. Диапазон между 90 и 91 % является переходной зоной и при установлении таксономического статуса в таких случаях следует собирать дополнительные данные и учитывать другие факторы.

То, что мы не проводим абсолютно точную границу, а оставляем узкую «зону сомнения», говорит не о недостатках метода, а скорее о том, что он отражает некоторую объективную реальность, так как вполне естественно, что любой диалектный пучок в своем развитии в какой-то момент проходит через такую переходную стадию, когда нельзя с определенностью сказать, по-прежнему ли это один язык или уже несколько.

6. Терминология

Можно сказать, что существует (как минимум) две сущности под названием «язык» (ср. [Haugen 1966: 926; Durtell 1990: 499; Salminen 2007: 213—216]):

- «собственно язык» (СЯ; «структурное понимание» по Хаугену) — совокупность лингвистических характеристик, ментальная грамматика носителя; определяется прежде всего разговорными проявлениями языка и не зависит от престижа, социального статуса или наличия литературной традиции;
- «социальный язык» (ФЯ; «функциональное понимание» по Хаугену) — это проекция собственно языка, на которую наложены другие факторы типа функционального статуса, этнического сознания, литературной обработки, политики и т. д.

Кроме того, можно говорить также о «традиционном языке» (ТЯ) — это любой идиом, имеющий статус языка как в лингвистических работах, так и вне их.

Рассмотрим возможные терминологические решения для ситуаций, когда традиционный язык совпадает или не совпадает с собственно языком. Тут возможны три ситуации:

1. Один традиционный язык соответствует одному собственно языку (СЯ = ТЯ ниже в таблице). Идеальная ситуация, которая встречается не так уже редко, но и не слишком часто. Примеры: каталанский, латышский, валлийский, корейский языки.
2. Один традиционный язык соответствует нескольким собственно языкам (ТЯ > СЯ). В последнее время для обозначения такой группы родственных языков стало употребляться название «макроязык», призванное показать некоторое этно-социальное единство рассматриваемых языков¹⁶ [Lewis et al. 2017]. К примерам можно отнести арабский макроязык, китайский макроязык, сапотекский макроязык, даргинский макроязык.
3. Несколько традиционных языков соответствует наречиям одного собственно языка (ТЯ < СЯ). Для данной ситуации было предложено следующее решение [Коряков

¹⁶ Хотя стоит упомянуть, что термин «макроязык» может употребляться также для случая 3, когда наречия одного языка (= макроязыка-2) на основе этно-социальных критериев считаются отдельными языками.

2006: 9—11]: в случае, если собственно язык включает в себя идиомы (наречия или диалекты), с этно-социально-политической точки зрения считающиеся отдельными языками, он может называться «языковым кластером», с пониманием того, что входящие в него «языки» соответствуют наречиям¹⁷ в лингвистическом смысле слова. Примерами таких кластеров являются чехословацкий (ПС = 92 %), сербохорватский, болгаро-македонский (90,5 %), континентально-скандинавский (95 %), адыгский, португало-галисийский (96 %), коми (включающий коми-зырянский и коми-пермяцкий языки и коми-язьвинское наречие; 96 %).

Более наглядно это можно представить в таблице 7. (Значения, отделяющие последний уровень от предпоследнего, даны приблизительно, так как разделение на наречия, диалекты и говоры не является предметом данного исследования. Ср. также [Бурлак, С. Старостин 2005: 19], где считается, что «родственные диалекты обычно имеют более 95 % совпадений в базисной лексике».)

Таблица 7

Употребление таксономических рангов

ПС	Баллы	Таксономические ранги			Примеры (в скобках ПС)		
		СЯ = ТЯ	ТЯ > СЯ	ТЯ < СЯ	СЯ = ТЯ	ТЯ > СЯ	ТЯ < СЯ
< 91 %	5	группа языков	макро-язык	группа языков	западнороманские (77)	«даргинский макроязык» (67)	западнославянские и восточнославянские языки (80)
	3—4	язык	язык	языковой кластер	окситанский / каталанский (85)	севернодаргинский / муиринский (85)	чехословацкий кластер и польский язык (86)
91—96 %	2—3	наречие	наречие	«язык»	собственно каталанское / валенсийское / балеарское (92—95)	акушинское / мюрего-губденское и т. д. (91)	чешский и словацкий (92), польский и кашубский (91)
> 96—97 %	1	диалект / говор	диалект / говор	диалект / говор	кастельонский / центральноваленсийский и др. (97—99)	мюрегинский / губденский / мекегинский (96)	собственно чешские и ганацкие диалекты, мазовецкий и великопольский диалекты

7. Примеры использования метода

В заключение хотелось бы рассмотреть некоторые приложения описанного выше метода.

Характерным примером несовпадения этно-социо-политических и лингвистических признаков разграничения языков и диалектов являются **скандинавские языки**. Существует пять наций, пять литературных языков (причем норвежский еще и в двух вариантах), пять отдельных политических образований (хотя Фарёвские острова и входят в состав Королевства Дания). Но как минимум между континентальными разновидностями (норвежский, шведский и датский) высока степень взаимопонятности [Delsing, Lundin-Åkesson

¹⁷ Под «наречиями» в данном случае понимается крупный диалект или группа диалектов.

2005; Gooskens 2006] и структурной близости. Лексикостатистически выделяются в лучшем случае два языка: островной (исландский и фарерский, ПС = 94 %) и континентальный (ПС = 95 %), степень близости между которыми (ПС = 90,6 %) попадает в переходную зону [G. Starostin 2016].

Романские языки Италии представляют наиболее сложную в классификационном плане часть романского ареала. Традиционно выделяются итальянский язык с большим количеством гетерогенных диалектов, которые можно объединить в три или четыре группы [Челышева 2001: 92—93], сардинский язык (или языки) и условная группа ретороманских языков (ранее называвшихся одним языком): романшский, ладинский и фриульский.

Данные лексикостатистики [Saenko 2016] показывают, что, ожидаемо, дальше всех отстоит сардинская группа, противопоставленная всем западнороманским языкам (ПС = 74 %). Далее отдельно стоит романшский язык, который сам, возможно, делится на два языка (рейнский и энгадинский, ПС = 90 %). Далее четко выделяются ладинский язык, североитальянский ареал, тосканский язык и южно-итальянский язык. Вопрос о количестве языков внутри североитальянского ареала, даже несмотря на большое количество собранных данных (22 разновидности), остается не до конца ясным, так как, во-первых, этот ареал представляет собой сложный диалектный континуум, а во-вторых, проценты совпадений между многими попадают как раз в переходную зону 90—91 %. Условно можно говорить о четырех-шести языках, причем не исключено, что фриульский образует один язык с венетским. Напротив, южно-итальянский ареал представляет собой довольно тесное единство с ПС = 95 между неаполитанскими и сицилийскими говорами.

Обско-угорские языки традиционно включают два языка: хантыйский и мансийский. В первом выделяется три наречия и большое количество диалектов. Тем не менее взаимопонимание между отдельными наречиями отсутствует [Comrie 1981: 7; Janhunen, Salminen 2000; Кошкарева 2013: 50], а попытки создать единую литературную норму не увенчались успехом — отдельные письменности развиваются для четырех диалектов. Таким образом, есть все основания усомниться в единстве хантыйского языка, что лишь подтверждается лексикостатистическими данными [Zhivlov 2014]. Согласно последним надежно выделяется три хантыйских языка: собственно хантыйский (северный), хандэйский (южный) и кантыкский (восточный). Более того, единство кантыкского также находится под вопросом: его диалекты образуют диалектный континуум, между крайними членами которого ПС опускается до 86—88 %.

Мансийский, который традиционно делится на четыре наречия, оказывается более однородным. С точки зрения лексикостатистики в нем можно выделить максимум два языка: северномансийский и вымерший южно-средне-мансийский (соответствующий западному, восточному и южному наречиям), ПС между которыми равен 87 % [Zhivlov 2014].

8. Выводы

Утверждая, что некий идиом является именно языком или именно диалектом, необходимо оговаривать, какой смысл мы вкладываем в понятие «язык» (см. выше о различении структурного и функционального понимания) и на основании каких критериев делается этот вывод. Причем для разных целей может быть востребовано то или иное понимание языка. Для целей, описанных в начале работы, важно, скорее, структурное понимание.

Как показано выше, предлагаемый критерий имеет достаточно высокую корреляцию со степенью взаимопонятности (которая, в свою очередь, является основополагающим критерием для разграничения двух языков) и в то же время свободен от субъективных недостатков последней (отношение носителей к другому идиому и предварительное знакомство с языком собеседника). Более того, хотя получение качественного стословного списка требует определенных усилий, в целом оно гораздо проще проведения качественных тестов на взаимопонятность и далеко не всегда требует непосредственного контакта с носителями. Таким образом, предлагаемый метод может быть применен к гораздо большему

числу языков, потенциально — ко всем, по которым имеются достаточно подробные лексические данные или доступ к носителям.

Большинство же цитируемых сложных случаев связано либо с путаницей между лингвистическими и социо-этно-политическими критериями, либо со смешиванием диахронии и синхронии [Salminen 2007: 214]. Немногие по-настоящему затруднительные случаи связаны с действительно переходными ситуациями и по своему количеству сильно уступают противоречивым ситуациям, возникающим при применении социо-этно-политических критериев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аванесов 1962 — Аванесов Р. И. (ред.). Вопросы теории лингвистической географии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. [Avanesov R. I. (ed.). *Voprosy teorii lingvisticheskoi geografii* [Problems of the theory of linguistic geography]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962.]
- Аврорин 1975 — Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. [Avrorin V. A. *Problemy izucheniya funkcional'noi storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki)*. [Problems of study of the functional aspect of language (on the subject matter of sociolinguistics)]. Leningrad: Nauka, 1975.]
- Алиева 2011 — Алиева Н. Р. Малайский язык // Большая российская энциклопедия. Т. 18. М.: Большая российская энциклопедия, 2011. С. 625—626. [Alieva N. R. Malay. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. Vol. 18. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 2011. Pp. 625—626.]
- Алпатов 1997 — Алпатов В. М. Японский язык // Алпатов В. М., Кормушин И. В., Пюрбеев Г. Ц. и др. (ред.). Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Academia, 1997. С. 324—360. [Alpatov V. M. Japanese. *Yazyki mira. Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskii yazyk. Koreiskii yazyk*. Alpatov V. M., Kormushin I. V., Pyurbueev G. Ts. et al. (eds.). Moscow: Academia, 1997. Pp. 324—360.]
- Алпатов 2000 — Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва: Крафт+, ИВ РАН, 2000. [Alpatov V. M. *150 yazykov i politika. 1917—2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva* [150 languages and politics. 1917—2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the former Soviet Union]. Moscow: Kraft+, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2000.]
- Багдасаров 1994 — Багдасаров А. Р. Социолингвистический аспект языковых отношений в Хорватии и Сербии во второй половине XX в. // Арутюнов С. А., Багдасаров А. Р., Белоусов В. Н. и др. (ред.). Язык. Культура. Этнос. М.: Наука, 1994. С. 198—210. [Bagdasarov A. R. A sociolinguistic aspect of language relations in Croatia and Serbia in the 2nd half of the 20th century. *Yazyk. Kul'tura. Etnos*. Moscow: Nauka, 1994. Pp. 198—210.]
- Беликов, Крысин 2001 — Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: Изд-во РГГУ, 2001. [Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics. A college textbook]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2001.]
- Бирилло и др. 2005 — Бирилло Н. В., Мацкевич Ю. Ф., Михневич А. Е., Рогова Н. В. Белорусский язык // Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред.). Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 548—594. [Birillo N. V., Matskevich Yu. F., Mikhnevich A. E., Rogova N. V. Belarusian. *Yazyki mira: Slavyansknye yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005. Pp. 548—594.]
- Бурлак, С. Старостин 2005 — Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. [Burlak S. A., Starostin S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie: Uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Comparative linguistics: A college textbook]. Moscow: Academia Publ., 2005.]
- Виноградов 2000 — Виноградов В. В. (ред.). Словарь языка Пушкина. Т. 1. Москва: Азбуковник, 2000. [Slovar' yazyka Pushkina [A dictionary of Pushkin's language]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik, 2000.]
- Глисон 1959 — Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. [Gleason H. *Vvedenie v deskriptivnyuyu lingvistiku* [An introduction to descriptive linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1959.]
- Дуличенко 2005a — Дуличенко А. Д. Малые славянские литературные языки // Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред.). Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005.

- C. 595—615. [Dulichenko A. D. Minor Slavic literary languages. *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005. Pp. 595—615.]
- Дуличенко 2005б — Дуличенко А. Д. Словенский язык // Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред.). Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 198—233. [Dulichenko A. D. Slovenian. *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005. Pp. 198—233.]
- Елоева 1995 — Елоева Ф. А. Тюркоязычные православные греки Восточной Грузии (Цалкинский и Тетрицкароисский районы). СПб: Языковой центр филол. фак-та СПбГУ, 1995. [Eloeva F. A. *Tyurkoyazychnye pravoslavnye greki Vostochnoi Gruzii (Tsalkinskii i Tetrtskaroisskii raiony)* [Turkic-speaking Orthodox Greeks of East Georgia (Tsalkin and Tetrtsqaro areas)]. St. Petersburg: Language Center of the Philology Department, St. Petersburg State Univ., 1995.]
- Жовтобрюх, Молдован 2005 — Жовтобрюх М. А., Молдован А. М. Украинский язык // Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред.). Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 513—548. [Zhovtobryukh M. A., Moldovan A. M. Ukrainian. *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005. Pp. 513—548.]
- Калнынь 1976 — Калнынь Л. Э. Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 1. С. 34—45. [Kalnyn' L. E. Dialectological aspect of the problem "language and dialect". *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1976. Vol. 35. No. 1. P. 34—45.]
- Кармышева 1969 — Кармышева Б. Х. Сарты // Советская историческая энциклопедия. Т. 12: Ре- парации — Славяне. М.: Советская энциклопедия, 1969. [Karmysheva B. Kh. Sarts. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya*. T. 12: *Reparatsii — Slavyane*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969.]
- Касаткин 1990 — Касаткин Л. Л. Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет- ская энциклопедия, 1990. [Kasatkin L. L. Dialect. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Касьян 2014 — Касьян А. С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Се- верный Кавказ) // Вопросы языкового родства. 2014. № 11. С. 63—80. [Kassian A. S. Towards a for- mal genealogical classification of Lezgian languages of the North Caucasus. *Journal of Language Rela- tionship*. 2014. No. 11. Pp. 63—80.]
- Климчук 1990 — Климчук Ф. Д. Этнос и перепись: парадоксы статистики // Гусейнов Г., Драгун- ский Д. (ред.). Ожог родного очага. М.: Прогресс, 1990. С. 92—106. [Klimchuk F. D. Ethnos and census: Paradoxes of statistics. *Ozhog rodnogo ochaga*. Guseinov G., Dragunskii D. (eds.). Moscow: Progress, 1990. Pp. 92—106.]
- Коряков 2005 — Коряков Ю. Б. Карты славянских языков. 10. Украинский язык // Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред.). Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 649. [Koryakov Yu. B. Maps of the Slavic languages. 10. Ukrainian. *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005. P. 649.]
- Коряков 2006 — Коряков Ю. Б. Атлас кавказских языков. М.: Институт языкознания РАН, 2006. [Koryakov Yu. B. *Atlas kavkazskikh yazykov* [Atlas of Causasian languages]. Moscow: Institute of Lin- guistics, Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Коряков, Майсак 2001 — Коряков Ю. Б., Майсак Т. А. Систематика языков мира и базы данных в ин- тернете // Труды Международного семинара «Диалог '2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. М.: Аксаково, 2001. С. 215—229. [Koryakov Yu. B., Maisak T. A. Systematics of the world languages and databases in the Internet. *Trudy Mezhdunarodnogo seminar "Dialog 2001" po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam*. Vol. 2. Moscow: Aksakovo, 2001. Pp. 215—229.]
- Кошкарева 2013 — Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроvedения. 2013. № 3(14). С. 52—72. [Koshkareva N. B. Current is- sues of the development of Khanty graphics and orthography. *Vestnik ugrovedeniya*. 2013. No. 3(14). Pp. 52—72.]
- Кречмер, Невекловский 2005 — Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред.). Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 139—198. [Krechmer A. G., Nevekovskii G. Serbo- Croatian (Serbian, Croatian, Bosnian). *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005. Pp. 139—198.]
- Кузнецова 2012 — Кузнецова А. И. Грамматические и лексические раритеты в языке бесермян в со- поставлении с другими уральскими языками // Финно-угорские языки: фрагменты грамматиче- ского описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012.

- C. 41—59. [Kuznetsova A. I. Grammatical and lexical rarities in the language of Besermians in comparison with the other Uralic languages. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 41—59.]
- Лухт, Нарумов 2001 — Лухт Л. И., Нарумов Б. П. Румынский язык // Челышева И. И., Нарумов Б. П., Романова О. И. (ред.). Языки мира: Романские языки. М., Academia, 2001. С. 574—636. [Lukht L. I., Narumov B. P. Romanian. *Yazyki mira: Romanskije yazyki*. Chelysheva I. I., Narumov B. P., Romanova O. I. (eds.). Moscow, Academia, 2001. Pp. 574—636.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. Андийские языки // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 2005. С. 718—719. [Maisak T. A. Andic languages. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. Vol. 1. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 2005. Pp. 718—719.]
- Мечковская 1996 — Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 1996. [Mechkovskaya N. B. *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistics]. Moscow: Aspekt-Press, 1996.]
- Мусорин 2001 — Мусорин А. Ю. Что такое отдельный язык? // Сибирский лингвистический семинар. 2001. № 1. С. 12—16. [Musorin A. Yu. What is a separate language? *Sibirskii lingvisticheskii seminar*. 2001. No. 1. Pp. 12—16.]
- Перехвальская 1997 — Перехвальская Е. В. Статус идиома и этническое самосознание // Кузнецова А. И., Раевская О. В., Скорвид С. С. (ред.). Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1997. С. 5—11. [Perekhval'skaya E. V. Status of an idiom and ethnic identity. *Malye yazyki Evrazii: Sotsiolingvisticheskii aspekt*. Kuznetsova A. I., Raevskaya O. V., Skorvid S. S. (eds.). Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 1997. Pp. 5—11.]
- Пиотровский 1973 — Пиотровский Р. Г. Лингвистические оценки расхождения близкородственных языков // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 36—42. [Piotrovskij R. G. Linguistic estimates of differences in closely related languages. *Voprosy jazykoznanija*. 1973. No. 5. Pp. 36—42.]
- Романова и др. 2014 — Романова О. И., Кибрик А. А., Коряков Ю. Б. Презентация новых книг лингвистической энциклопедии «Языки мира» (Москва, 31 марта 2014 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2. С. 166—172. [Romanova O. I., Kibrik A. A., Koryakov Yu. B. Presentation of new volumes of the linguistic encyclopedia “Languages of the world” (Moscow, March 31, 2014). *Vestnik Rossiiskogo humanitarnogo nauchnogo fonda*. 2014. No. 2. Pp. 166—172.]
- Ростовцев-Попель 2012 — Ростовцев-Попель А. А. Мегрельский язык // Большая российская энциклопедия. Т. 19. М.: Большая российская энциклопедия, 2012. С. 455—456. [Rostovtsev-Popel A. A. Mingrelian. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. Vol. 19. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 2012. Pp. 455—456.]
- С. Старостин 2007 — Старостин С. А. О доказательстве языкового родства // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 779—793. [Starostin S. A. On the validation of linguistic affinity. Starostin S. A. *Trudy po jazykoznaniju*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007. Pp. 779—793.]
- Сумбатова, Ландер 2014 — Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Darginiskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa* [Dargin dialect of Tanty village: A grammatical sketch, problems of syntax]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Тульский 2006 — Тульский М. Некоторые итоги переписи 2004 года в Молдавии // Демоскоп Weekly. 2006. № 249—250. [Tul'skii M. Some results of 2004 census in Moldavia. *Demoskop Weekly*. 2006. No. 249—250.]
- Усикова 2005 — Усикова Р. П. Македонский язык // Молдован А. М., Скорвид С. С., Кибрик А. А. и др. (ред.). Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 102—139. [Usikova R. P. Macedonian. *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Moldovan A. M., Skorvid S. S., Kibrik A. A. et al. (eds.). Moscow: Academia, 2005. Pp. 102—139.]
- Челышева 2001 — Челышева И. И. Диалекты Италии // Челышева И. И., Нарумов Б. П., Романова О. И. (ред.). Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 90—146. [Chelysheva I. I. Dialects of Italy. *Yazyki mira: Romanskije yazyki*. Chelysheva I. I., Narumov B. P., Romanova O. I. (eds.). Moscow: Academia, 2001. Pp. 90—146.]
- Эдельман 1980 — Эдельман Д. И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Ярцева В. Н. (ред.). Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 127—147. [Edel'man D. I. Towards the problem of language vs. dialect in the absence of a writing system. *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1980. Pp. 127—147.]

- ЯнДМ 1982 — Языки и диалекты мира. Проспект и словарь. М.: Наука, 1982. [*Yazyki i dialekty mira. Prospekt i slovník* [Languages and dialects of the world. Prospect and vocabulary]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Яхонтов 1980 — Яхонтов С. Е. Оценка степени близости родственных языков // Ярцева В. Н. (ред.). Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 148—157. [Yakhontov S. E. Estimate of the degree of affinity of related languages. *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1980. Pp. 148—157.]
- Aikhenvald 2007 — Aikhenvald A. Y. Grammars in contact: A cross-linguistic perspective. *Grammars in contact: A cross-linguistic typology*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. Pp. 1—66. (Explorations in Linguistic Typology, 4.)
- G. Anderson 1998 — Anderson G. D. S. *Xakas*. München: Lincom Europa, 1998.
- S. Anderson 2004 — Anderson S. R. *How many languages are there in the world?* Washington (DC): Linguistic Society of America, 2004. Available at: <https://www.linguisticsociety.org/sites/default/files/how-many-languages.pdf>.
- H. Anderson 2005 — Anderson H. *Intelligibility testing (RTT) between Mendankwe and Nkwen*. SIL Electronic Survey Reports 2005—002. SIL International, 2005. Available at: <http://www.sil.org/resources/publications/entry/9217>.
- Van Bezooijen, van den Berg 1999 — van Bezooijen R., van den Berg R. Word intelligibility of language varieties in the Netherlands and Flanders under minimal conditions. *Linguistics in the Netherlands 1999*. Van Bezooijen R., Kager R. (eds.). John Benjamins: Amsterdam, 1999. Pp. 1—12.
- Blust 2013 — Blust R. *The Austronesian languages*. Canberra: Australian National Univ., Asia Pacific Linguistics, 2013.
- Borin 2013 — Borin L. The why and how of measuring linguistic differences. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 3—28.
- Brown 1998 — Brown R. On criteria for identifying language groups and language clusters. *Notes on Sociolinguistics*. 1998. Vol. 3. No. 1. Pp. 3—42.
- Brye, Brye 2002 — Brye E., Brye E. Rapid appraisal and intelligibility testing surveys of the Eastern Beboid group of languages. SIL Electronic Survey Reports, 2002. Available at: <http://www-01.sil.org/silesr/2002/019/SILESR2002-019.htm>.
- Carling et al. 2013 — Carling G., Eriksen L., Holmer A., van de Weijer J. Contrasting linguistics and archaeology in the matrix model: GIS and cluster analysis of the Arawakan languages. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 29—56.
- Casad 1974 — Casad E. H. *Dialect intelligibility testing*. Norman (OK): Summer Institute of Linguistics, Univ. of Oklahoma, 1974. (Summer Institute of Linguistics Publications in Linguistics and Related Fields, 38.)
- Castro, Xingwen 2015 — Castro A., Xingwen P. (eds). *Sui dialect research*. Dallas: SIL International, 2015.
- Cheng 1997 — Cheng C.-C. Measuring relationship among dialects: DOC and related resources. *Computational Linguistics and Chinese Language Processing*. 1997. Vol. 2. No. 1. Pp. 41—72.
- Clogg 2002 — Clogg R. (ed.). *Minorities in Greece: Aspects of a plural society*. London: Hurst & Company, 2002.
- Comrie 1981 — Comrie B. *The languages of the Soviet Union*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.
- Comrie 2009 — Comrie B. (ed.). *The world's major languages*. 2nd ed. London: Croom Helm, 2009.
- Cysouw, Good 2013 — Cysouw M., Good J. Languoid, doculect, glossonym: Formalizing the notion “language”. *Language Documentation and Conservation*. 2013. Vol. 7. Pp. 331—359.
- Dalby 2000 — Dalby D. *Linguasphere register of the world's languages and speech communities*. Hebron: Linguasphere Observatory, 2000.
- Delsing, Lundin-Åkesson 2005 — Delsing L.-O., Lundin-Åkesson K. *Håller språket ihop Norden? En forskningsrapport om ungdomars förståelse av danska, svenska och norska*. Köpenhamn: Nordiska ministerrådet, 2005.
- Durrell 1990 — Durrell M. Language as geography. *An encyclopaedia of language*. Collinge N. E. (ed.). London: Routledge, 1990.
- Dyen 1965 — Dyen I. *A lexicostatistical classification of the Austronesian languages*. Baltimore: Waverly Press, 1965.
- Dyen, Aberle 1974 — Dyen I., Aberle D. F. *Lexical reconstruction. The case of the Proto-Athapaskan kinship system*. London: Cambridge Univ. Press, 1974.
- Ellison, Kirby 2006 — Ellison T. M., Kirby S. Measuring language divergence by intra-lexical comparison. *Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the ACL*. Burwood: ACL, 2006. Pp. 273—280.

- GLD — The Global Lexicostatistical Database. Available at: <http://starling.rinet.ru/new100>.
- Gooskens 2006 — Gooskens Ch. Linguistic and extra-linguistic predictors of Inter-Scandinavian intelligibility. *Linguistics in the Netherlands 23*. Van de Weijer J., Los B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins. Pp. 101—113.
- Gooskens 2007 — Gooskens Ch. The contribution of linguistic factors to the intelligibility of closely related languages. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2007. Vol. 28. No. 6. Pp. 445—467.
- Gooskens, Heeringa 2004 — Gooskens Ch., Heeringa W. The position of Frisian in the Germanic language area. *On the boundaries of phonology and phonetics*. Gilbers D., Schreuder M., Knevel N. (eds.). Groningen: Univ. of Groningen, 2004. Pp. 61—87.
- Hammarström 2008 — Hammarström H. Counting languages in dialect continua using the criterion of mutual intelligibility. *Journal of Quantitative Linguistics*. 2008. Vol. 15. No. 1. Pp. 34—45.
- Hammarström et al. 2017 — Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S. (eds.). Glottolog 2.7. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History, 2017. Available at: <http://glottolog.org>.
- Hammarström, O'Connor 2013 — Hammarström H., O'Connor L. Dependency-sensitive typological distance. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 329—352.
- Haugen 1966 — Haugen E. Dialect, language, nation. *American Anthropologist*. 1966. Vol. 68. No. 4. Pp. 922—935.
- Heeringa et al. 2013 — Heeringa W., Golubovic J., Gooskens Ch., Schüppert A., Swarte F., Voigt S. Lexical and orthographic distances between Germanic, Romance and Slavic languages and their relationship to geographic distance. *Phonetics in Europe: Perception and production*. Gooskens Ch., van Bezooijen R. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. Pp. 99—137.
- Heggarty et al. 2005 — Heggarty P., McMahon A., McMahon R. From phonetic similarity to dialect classification: a principled approach. *Perspectives on variation: Sociolinguistic, historical, comparative*. Delbecq N., Geeraerts D., van der Auwera J. (eds.). Amsterdam: De Gruyter Mouton, 2005. Pp. 43—91.
- Hewitt 2004 — Hewitt B. G. *Introduction to the study of the languages of the Caucasus*. München: Lincom Europa, 2004.
- Hickerson et al. 1952 — Hickerson H., Turner G. D., Hickerson N. P. Testing procedures for estimating transfer of information amongst Iroquois languages and dialects. *International Journal of American Linguistics*. 1952. Vol. 18. Pp. 1—8.
- Homola, Kuboň 2006 — Homola P., Kuboň V. A structural similarity measure. *Linguistic distances*. Nerbonne J., Hinrichs E. (eds.). Sydney: ACL, 2006. Pp. 91—99.
- Hudson 1996 — Hudson R. A. *Sociolinguistics*. New York: Cambridge Univ. Press, 1996.
- Hussain Sandhu, Maldonado 2015 — Hussain Sandhu A., Maldonado G. M. I. Language and dialect: Criteria and historical evidence. *Grassroots*. 2015. Vol. 49. No. 1. Pp. 203—217.
- Janhunen, Salminen 2000 — Janhunen J., Salminen T. UNESCO red book on endangered languages: Northeast Asia. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_index.html.
- Kassian et al. 2010 — Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship*. 2010. No. 4. Pp. 46—89.
- Kaufman 1994 — Kaufman T. The native languages of Latin America: General remarks. *Atlas of the world's languages*. Moseley Ch., Asher R. E. (eds.). London: Routledge, 1994. Pp. 31—33.
- Kondrak 2013 — Kondrak G. Word similarity, cognation, and translational equivalence. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 375—386.
- Koryakov 2013 — Koryakov Yu. B. Convergence and divergence in the classification of Dargwa languages. *46th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE 2013). Book of abstracts*. Part 1. Split: Univ. of Split, 2013. Pp. 193—194.
- Kurpaska 2010 — Kurpaska M. *Chinese language(s)*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010.
- Kushniarevich et al. 2015 — Kushniarevich A., Utevska O., Kassian A., Dybo A., Vilems R., Balanovsky O. et al. Genetic heritage of the Balto-Slavic speaking populations: A synthesis of autosomal, mitochondrial and Y-chromosomal data. *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10. No. 9. Pp. 1—19.
- Lenz et al. 2009 — Lenz A. N., Gooskens Ch., Reker S. *Low Saxon across borders — Niedersächsische Dialekte über Grenzen hinweg*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009.
- Lewis et al. 2017 — The problem of language identification. *Ethnologue: Languages of the world*. 20th ed. Lewis M. P., Simons G. F., Fennig Ch. D. (eds.). Dallas (TX): SIL International, 2017. Available at: <https://www.ethnologue.com/about/problem-language-identification>.
- Mané 2012 — Mané D. Concepts of language and dialect and sociolinguistic prejudice. *Via Litterae*. 2012. Vol. 4. No. 1. Pp. 39—51.

- McGregor 2013 — McGregor W. B. Comparing linguistic systems of categorisation. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 387—428.
- Montes Giraldo 1980 — Montes Giraldo J. J. Lengua, dialecto y norma. *Thesaurus*. 1980. XXXV. Vol. 2. No. 23. Pp. 237—257.
- Nerbonne et al. 2013 — Nerbonne J., van Ommen S., Gooskens Ch., Wieling M. Measuring socially motivated pronunciation differences. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 107—140.
- Okura 2015 — Okura E. Language vs. dialect in language cataloguing: The vexed case of Otomanguean dialect continua. *University of Hawai'i at Mānoa Working Papers in Linguistics*. 2015. Vol. 46. No. 5. Pp. 1—19.
- Orywal 1990 — Orywal E. A. VIII 13 Middle East. Ethnic groups — the Emic view [Karte]. *Tübinger Atlas des Vorderen Orients (TAVO)*. Tübingen: Dr. Ludwig Verlag, 1990.
- Petyt 1980 — Petyt K. M. *The study of dialect: An introduction to dialectology*. London: André Deutsch Ltd., 1980.
- Pierce 1952 — Pierce J. E. Dialect distance testing in Algonquian. *International Journal of American Linguistics*. 1952. Vol. 18. Pp. 203—210.
- Roche, Suzuki (in print) — Roche G., Suzuki H. Tibet's minority languages: Diversity and endangerment. To appear in *Modern Asian Studies*.
- Saenko 2016 — Saenko M. Annotated Swadesh wordlists for the Romance group (Indo-European family). The Global Lexicostatistical Database, 2016. Available at: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\ier\rom&limit=-1>.
- Sallabank 2011 — Sallabank J. Language endangerment. *The SAGE handbook of sociolinguistics*. Wodak R., Johnstone B., Kerswill P. E. (eds.). London: SAGE, 2011. Pp. 496—512.
- Salminen 2007 — Salminen T. Europe and North Asia. *Encyclopedia of the world's endangered languages*. Moseley Ch. (ed.). London: Routledge, 2007. Pp. 211—282.
- Saxena, Borin 2013 — Saxena A., Borin L. Carving Tibeto-Kanauri by its joints: Using basic vocabulary lists for genetic grouping of languages. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 175—198.
- Schepens et al. 2013 — Schepens J., van der Slik F., van Hout R. The effect of linguistic distance across Indo-European mother tongues on learning Dutch as a second language. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 199—230.
- Schüppert, Gooskens 2010 — Schüppert A., Gooskens Ch. The influence of extra-linguistic factors on mutual intelligibility: Some preliminary results from Danish and Swedish pre-schoolers. *Proceedings of Methods in dialectology*. Heselwood B., Upton C. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. Pp. 194—203.
- Sejane, Eger 2013 — Sejane I., Eger S. Semantic typologies by means of network analysis of bilingual dictionaries. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 447—474.
- Shimoji 2010 — Shimoji M. Ryukyuan languages: An introduction. *An introduction to Ryukyuan languages*. Shimoji M., Pellard T. (eds.). Tokyo: ILCAA, 2010.
- Snoek 2013 — Snoek C. Using semantically restricted word-lists to investigate relationships among Athapaskan languages. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 231—248.
- G. Starostin 2010 — Starostin G. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach. *Journal of Language Relationship*. 2010. No. 3. Pp. 79—116.
- G. Starostin 2013 — Starostin G. Lexicostatistics as a basis for language classification: Increasing the pros, reducing the cons. *Classification and evolution in biology, linguistics and the history of science: Concepts — Methods — Visualization*. Fangerau H., Geisler H., Halling Th., Martin W. (eds.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. Pp. 125—146.
- G. Starostin 2016 — Starostin G. Annotated Swadesh wordlists for the Germanic group (Indo-European family). The Global Lexicostatistical Database, 2016. Available at: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\ier\grm&limit=-1>.
- Starr, Stalder 1990 — Starr A., Stalder J. *Principles of sociolinguistic surveys: Actualities of Cameroon*. Yaoundé: Summer Institute of Linguistics, 1990.
- Swadesh 1952 — Swadesh M. Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts: With special reference to North American Indians and Eskimos. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1952. Vol. 96. No. 4. Pp. 452—463.
- Swadesh 1955 — Swadesh M. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics*. 1955. Vol. 21. No. 2. Pp. 121—137.

- Swarte, Hilton 2013 — Swarte F., Hilton N. H. Mutual intelligibility between speakers of North and West Frisian. *Phonetics in Europe: Perception and production*. Gooskens Ch., van Bezooijen R. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. Pp. 281—302.
- Tang, van Heuven 2009 — Tang Ch., van Heuven V. J. Mutual intelligibility of Chinese dialects experimentally tested. *Lingua*. 2009. Vol. 119. No. 5. Pp. 709—732.
- Viatta 1982 — Viatte A. French outside France. *Trends in Romance linguistics and philology*. Green J. N., Posner R. (eds.). The Hague: Mouton, 1982. Pp. 299—317.
- C. Voegelin, Harris 1951 — Voegelin C. F., Harris Z. S. Methods for determining intelligibility among dialects of natural languages. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1951. Vol. 95. Pp. 322—329.
- C. Voegelin, F. Voegelin 1977 — Voegelin C. F., Voegelin F. M. *Classification and index of the world's languages*. New York: Elsevier, 1977.
- Vydrin 2009 — Vydrin V. On the problem of the Proto-Mande homeland. *Journal of Language Relationship*. 2009. No. 1. Pp. 107—142.
- Wälchli, von Waldenfels 2013 — Wälchli B., von Waldenfels R. Measuring morphosemantic language distance in parallel texts. *Approaches to measuring linguistic differences*. Borin L., Saxena A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 475—506.
- Weinreich 1944 — Weinreich M. The place of the Yivo in Jewish life. *YIVO Bleter. Journal of the Yiddish Scientific Institute*. 1944. Vol. 23. No. 3. Pp. 4—16. Available at: <http://download.hebrewbooks.org/downloadhandler.ashx?req=43629>.
- Wichmann, Holman 2009 — Wichmann S., Holman E. W. *Temporal stability of linguistic typological features*. Munich: LINCOM Europa, 2009.
- Wurm 1977 — Wurm S. A. (ed.). *New Guinea area languages and language study. Vol. 1: Papuan languages and the New Guinea linguistic scene*. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 1977.
- Yule 2010 — Yule G. *The study of language*. 4th ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Zhivlov 2014 — Zhivlov M. Annotated Swadesh wordlists for the Ob-Ugric group (Uralic family). The Global Lexicostatistical Database, 2014. Available at: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=new100&morpho=0&basename=new100\ura\oug&limit=-1>.

Получено / received 01.06.2016

Принято / accepted 27.06.2017

ТЕРМИН КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ТЕРМИНОЛОГИИ: РАЗНООБРАЗИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ЕДИНСТВО ПОНИМАНИЯ

© 2017

Сунь Шуфан^а, Сергей Дмитриевич Шелов^{б, @}

^а Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай; ^б Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация; [@] volehs@mail.ru

В статье анализируются преимущества и недостатки около 60 различных определений центрального понятия терминологии, — «термин», предложенных в русско-, англо- и китайскоязычной научной и научно-справочной литературе за последние 40 лет. Авторы предлагают собственную дефиницию понятия «термин», согласно которой языковая единица может быть признана термином, если она 1) соответствует литературной или профессиональной норме употребления и 2) у нее либо имеется дефиниция (определение, толкование, объяснение), либо она полностью объяснима (мотивирована) своими составными частями-терминоэлементами, хотя бы один из которых имеет дефиницию (толкование, объяснение).

Ключевые слова: определение термина, терминология

TERM AS A FUNDAMENTAL ITEM OF TERMINOLOGY

Sun Shufang^а, Serguey D. Shelov^{б, @}

^а Heilongjiang University, Ministry of Education of China, Harbin, China;

^б Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119019, Russian Federation; [@] volehs@mail.ru

In this article, we analyse advantages and disadvantages of approximately 60 definitions of the notion “term” proposed in Russian, English, and Chinese sources over the last 40 years. We then define the “term” as a linguistic unit that 1) conforms to the literary or professional norm and 2) either has a definition or is motivated by its parts, terminological elements, at least one of them having a definition of its own.

Keywords: Chinese, English, Russian, terminology

Прошло около 40 лет после выхода в свет монографии известного российского специалиста по терминологии В. П. Даниленко [1977: 83—86], в которой приводится 19 определений понятия «термин» из разных научных источников, относящихся к 1940—1970-м гг. В числе авторов этих определений — О. С. Ахманова, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. С. Герд, Б. Н. Головин, А. А. Реформатский, Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин и мн. др. В известном смысле этот перечень, сколь бы ни различались содержащиеся в нем формулировки определения, подводил итог дискуссии о центральном объекте терминоведения на время выхода монографии из печати. Показателен также и тот фрагмент упомянутой работы, который заканчивает этот список: «Все приведенные здесь определения понятия “термин” составляют лишь незначительную часть общего числа определений, существующих почти в каждом исследовании о специальной лексике» [Даниленко 1977: 86]. Далее автор как бы узаконивает ситуацию с множественностью определений понятия «термин», проводя аналогию с множественностью научного понимания (и, соответственно,

определений) термина «информация», видя сущность такого положения в справедливости ленинской оценки: «Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах» [Там же: 87]¹.

Настоящая работа, не претендуя на исчерпывающую полноту обзора, ставит своей целью уточнить природу термина, как она предстает в различных определениях термина «термин» в работах, вышедших в печать после монографии Даниленко, сравнить и оценить различные определения этого базового для всего терминоведения понятия и по необходимости представить собственное. Для этой цели мы воспользуемся научными, словарно-справочными и учебными изданиями по языкознанию и терминоведению на русском, английском и китайском языках преимущественно от 1980—1990 гг. и до настоящего времени².

Во всех случаях поиски дефиниции понятия «термин», поиски сути соответствующего объекта в науке о терминах не прекращаются десятилетиями. Ниже мы обратимся лишь к части явно сформулированных дефиниций этого понятия, опубликованных после выхода в свет упомянутой монографии Даниленко, которые однако, как нам представляется, благодаря авторитету их авторов или изданий, где они приведены, получили достаточно большое влияние и распространение. Мы представим формулировки этих определений в таблице ниже, указывая автора, библиографическое описание источника, содержащего соответствующую дефиницию, точную формулировку определяемого и собственно формулировку определяющего выражения.

Таблица

Определения термина «термин»

Издание	Определяемое выражение	Определяющее выражение
[Авербух 2004: 131]	<i>Термин</i>	Элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальное понятие определенной области знания.
[Алексеева, Мишланова 2002: 15] ³	<i>Термин</i>	Компонент динамической модели языка, диалектически сочетающей в себе стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление.
[Баранов 2003: 89]	<i>Термины</i>	Слова и (словосочетания) метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слова, обозначающие специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека.
[Бурханов 1995: 172]	<i>Термин</i>	Слово или сочетание слов специального (научного, технического и т. д.) подязыка, непосредственно соотношенное с научным понятием, служащее для его как можно более точного выражения, например: <i>атом, кристаллография, синтаксема</i> и т. д.
[Васильева и др. 1995: 128]	<i>Термин</i>	Слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области или деятельности.

¹ Обзор некоторых определений российских авторов понятия «термин», относящихся главным образом к 1960—1970-м гг., имеется в учебнике [Немченко 2008: 334—339].

² Перевод с китайского языка на русский сделан Сунь Шуфан, китайские оригинальные тексты можно найти в соответствии с библиографическим описанием работы в списке литературы. Англоязычные определения даются в прямой цитации без перевода. Материал содержит также несколько дефиниций известных авторов-терминологов на немецком и французском языках.

³ При определении имеется ссылка на более раннюю работу Л. М. Алексеевой.

Издание	Определяемое выражение	Определяющее выражение
[Володина 1997: 25]	<i>Термин</i>	Слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции.
[Голованова 2008: 63]	<i>Термин</i>	Вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингво-когнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший элемент профессиональной коммуникации.
[Головин, Кобрин 1987: 5]	<i>Термин</i>	Слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научно и профессионально-технических объектов и отношений между ними.
[Городецкий 1987: 56]	<i>Узуальный термин</i>	Слово или сочетание слов определенного подъязыка, взятое в фиксированном узуальном значении, для которого существует в более или менее явном виде сознательно выработанная дефиниция в рамках конкретного вида человеческой деятельности, причем носители подъязыка при использовании термина сознательно ориентируются на эту дефиницию.
[Гринев-Гриневиц 2008: 30]	<i>Термин</i>	Номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий.
[Даниленко 1977: 15]	<i>Термин</i>	Слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции.
[Даниленко, Новикова 2001: 170]	<i>Термин</i>	Слово (или словосочетание), обозначающее понятие специальной области знания или деятельности.
[Канделаки 1977: 7]	<i>Термин</i>	Слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции.
[Касаткин и др. 2006: 62]	<i>Термины</i>	Слова и словосочетания, являющиеся названиями специальных понятий науки, техники, сельского хозяйства, искусства.
[Кодухов 1987: 179]	<i>Термин</i>	Слово или составное наименование, созданное для обозначения понятия науки и техники, разных областей знания.
[Комарова 1991: 17]	<i>Термин</i>	Инвариант (слово или словосочетание), который обозначает специальный предмет или научное понятие, ограниченное дефиницией и местом в определенной термино-системе.
[Лагута 2000: 132]	<i>Термин</i>	В лексической стилистике: слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов.
[Лейчик 2009: 31—32]	<i>Термин</i>	Лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности.

Издание	Определяемое выражение	Определяющее выражение
[Лемов 2000: 77]	<i>Научный термин</i>	Языковая единица (слово или словосочетание) преимущественно субстанционального характера, конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы и служащая для концентрации, фиксирования хранения и передачи информации.
[ЛЭС: 508]	<i>Термин</i>	Слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области или деятельности.
[Морозова 2004: 14]	<i>Термин</i>	Номинативно значимая семиотическая единица сферы профессиональной коммуникации.
[Немченко 2008: 218]	<i>Термин</i>	Слово или словосочетание (с подчинительной связью компонентов), обозначающее профессиональное понятие.
[Самбунова 1990: 36]	<i>Термин</i>	Обозначение специального понятия, определенного в данной системе понятий, в виде слова или словосочетания, служащего его наименованием.
[СРЛТ: 289]	<i>Термин</i>	Слово, словосочетания, аббревиатура, различные символы и их комбинации со словами, соотносящиеся со специальным (профессиональным) понятием.
[Суперанская и др. 1989: 14]	<i>Термин</i>	Специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях; словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний; основной понятийный элемент языка для специальных целей; для своего правильного понимания требует специальной дефиниции (точного научного определения).
[Фомина 1983: 5]	<i>Терминологическая лексика</i>	Слова или словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий, установления содержания понятий, их отличительных признаков.
[Шайкевич 1995: 150]	<i>Терминология</i>	Совокупность слов (терминов), обозначающих денотаты и понятия какой-либо сферы деятельности или отрасли знания.
[Шахмайкина 2016: 357]	<i>Термин</i>	Слово или словосочетание, обозначающее понятие, принадлежащее определенной области науки.
[de Bessé et al. 1997: 151]	<i>Term</i>	A lexical unit consisting of one or more than one word which represents a concept inside a domain.
[Bussmann 1996: 479]	<i>Terminology</i>	The collection of defined technical terms within a scientific system, which differs from everyday usage in that the terms are defined exactly within a specific system.
[Dictionnaire 1998: 480]	<i>Terme</i>	2. En terminologie, le terme ou unité terminologique est l'unité signifiante constituée d'un mot (terme simple) ou de plusieurs mots (terme complexe), qui désigne une notion de façon univoque a l'intérieur d'un domaine ⁴ .

⁴ Определение дается со ссылкой на Департамент французского языка в Квебеке (Канада) (L'office de la langue française du Quebec). В словарной статье отмечается также, что, следуя традиции Е. Вюстера, это определение носит ономастологический характер и исходит из того, что любое научное или техническое понятие может быть адекватно выражено подходящим обозначающим (термином) в любом языке ("peut se réaliser identiquement dans un signifiant (terme) de n'importe quelle langue").

Издание	Определяемое выражение	Определяющее выражение
[Felber 1984: 168]	<i>Term</i>	A linguistic symbol which is assigned to one or more concepts, which are defined from neighboring concepts. It can be a word or a word group. It can also be a letter or graphic symbol, an abbreviation, an acronym, a notation, etc.
[Greimas, Courtés 1979: 388]	<i>Terme</i>	2. ⟨...⟩ dénomination (l'étiquette) d'un point d'intersection de relations (ou d'en croisement à l'intérieur d'un réseau relationnel), dénomination qui s'effectue par la procédure de lexicalisation.
[Ibid.: 389]	<i>Terminology</i>	1. Un ensemble de termes, plus ou moins définis, constitutifs, pour une part, d'un sociolecte.
[Handbook 1997: 13]	<i>Terms</i>	Words that are assigned to concepts used in the special languages that occur in subject field or domain-related texts.
[Ibid.: 64]	<i>Term</i>	Meaningful unit comprising one word (simple term) or several words (complex term) that represent a single specific concept within a subject field.
ISO/R 1087:1969. Vocabulary of terminology.	<i>Term (for a concept)</i>	Any conventional symbol for a concept which consists of articulated sounds or of their written representation (=of letters). A term may be a word or a phrase.
ISO 704:1987. Principles and methods of terminology.	<i>Термин</i>	Обозначение, состоящее из одного или более слов, представляющих общее понятие в специальном языке.
[Kleines Wörterbuch 1975: 270]	<i>Terminus</i>	Bezeichnung für einen Begriff oder Sachverhalt, der nur in einem bestimmten Fach-oder Wissenschaftsbereich Gültigkeit hat.
[Lewandowski 1976: 799]	<i>Terminus</i>	Ein Begriff oder ein zusammengesetzter Ausdruck, dessen Bedeutung bzw. Gebrauch eindeutig festgelegt / definiert ist.
[Rey 1979: 14]	<i>Terme</i>	Nom définissable à l'intérieur d'un système cohérent, énumératif (nomenclature) ou structuré (taxonomie) et correspondant sans ambiguïté à une notion ou concept.
[Richards et al. 1985: 269]	<i>Terminology</i>	1. The special lexical items which occur in a particular discipline or subject matter. 2. The development or selection of lexical items for concepts in a language.
[Sager 1990: 19]	<i>Terms</i>	The items which are characterized by special reference within a discipline are the "terms" of that discipline.
[BCE 1995: 4439]	术语 (Термин)	Слово или словосочетание, точно фиксирующее предмет, явление, свойство, отношение и процесс в таких специальных областях знаний, как технология производства, наука, искусство, общественная жизнь и т. д. 术语可以是词,也可以是词组,用来正确标记生产技术、科学、艺术、社会生活等各个专门领域中的事物、现象、特性、关系和过程。
[GCD 2012: 1466]	术语 (Термин)	Специальное слово или словосочетание, имеющее строго выработанную дефиницию в разных областях научных дисциплин. 术语是各门学科中用以表示严格规定的意义的专门用语。
[Wáng Déshuāng 1986: 57]	术语 (Термин)	Слово или словосочетание для точного обозначения специальных понятий в таких областях знаний, как наука, техника, искусство, общественная жизнь и т. д. 所谓术语,就是专门用以准确地表示科学、技术、艺术、社会生活等领域内各种专门概念的词语。

Издание	Определяемое выражение	Определяющее выражение
[Liáng Àilín 2009: 11]	术语 (Термин)	Язык для специальных целей или лексика специалистов для обозначения специальных понятий. 术语是专业语言或者说是专家的词汇, 用来表示特定的概念。
[Pān Shūxiáng 2005: 4]	术语 (Термин)	Конвенциональный знак языка, обозначающий или определяющий специальное понятие. 术语是表达或限定专业概念的约定性语言符号。
[XD 2012: 912]	术语 (Термин)	Специальное слово или словосочетание в какой-либо области знания (например, дифференциал, интеграл в математике, атом, электрон в физике, гласные, согласные в лингвистике и т. д.). 某种学科中的专门用语。如数学中的微分、积分, 物理学中的原子、电子, 语言学中的元音、辅音等。
[DMC 2016: 1216]	术语 (Термин)	Специальное слово или словосочетание, применяемое в какой-либо области знания. 某一学科中的专门用语。
[Sù Wǔbīn 1996: 12]	术语 (Термин)	Язык для специальных целей, составляющий особый пласт лексики в языке. 术语是持有某一目的而使用的语言, 是整个语言词汇的一部分。
[EED 2009:2097]	术语 (Термин)	Специальное слово или словосочетание, принадлежащее разным областям научных дисциплин. Каждый термин имеет строго выработанную дефиницию. 术语是各门学科中的专门用语。每一术语都有严格规定的意义。
[Wú Likūn 2009: 60]	术语 (Термин)	Специальная лексическая единица, обозначающая общее понятие в специальной теоретической системе. 术语是专业领域中用来表示特定理论体系中普遍概念的专用词汇单位。
[Féng Tiānyú, Dèng Xīnhuá 2002: 121]	术语 (Термины)	Специальные слова или словосочетания разных областей науки, которые в основном представлены существительными. Понятие, обозначаемое термином, тесно связано с целой системой понятий специальной научной дисциплины или специальных областей знаний, и обуславливается ими. 术语指各门学科的专门用语, 基本上都是名词, 所含概念与某学科或某专门领域的整个概念系统相联系, 并受其限定。
[Féng Zhiwěi 2011: 29]	术语 (Термины)	Конвенциональные (условные) знаки, которые выражают или формируют специальные понятия посредством звуков или слов. Термином может быть слово или словосочетание. 通过语音或文字来表达或限定专业概念的约定性符号叫作术语。术语可以是词, 也可以是词组。
[Qī Yǔcūn 1994: 97]	术语 (Термин)	Специальное слово или словосочетание, создаваемое и используемое в разных научных дисциплинах для точного обозначения понятия. 术语是各门学科为确切表达本领域内的概念而创制和使用的专门词语。

Издание	Определяемое выражение	Определяющее выражение
[Quán Rújiān 2001: 9]	术语 (Термин)	Специальное имя существительное, обладающее точно выработанным определением и являющееся элементом знаний в специальной научной системе. 术语是定义明确的专业名词, 是专业学术体系中的知识单元。
[Zhèng Shùpǔ 2005: 14]	术语 (Термин)	Ключевое слово, концентрирующее системные знания науки. 术语是凝集一个学科系统知识关键词。
[Chén Chǔxiáng 2010: 192]	术语 (Термин)	Широко употребляемый в языке пласт лексики, являющийся составной частью в лексической системе и общепринятой в языковом сообществе языковой единицей. 术语是语言中的一个广泛的词层, 是词汇体系中的一个有机组成部分, 是语言社会确认的语言单位。
[Shí Lǐjiān 2010: 189]	术语 (Термин)	Название понятия, тем более простого понятия. Понятие, обозначаемое термином, может быть материальным или нематериальным, естественным или создаваемым, конкретным или абстрактным. Термин должен точно обозначать понятие. Если термин не может точно обозначать понятие, то он должен быть отрегулирован в процессе стандартизации терминологии. 术语是概念名称, 尤指普通概念。术语所表示的概念既可以是物质的, 也可以是非物质的; 既可以是自然的, 也可以是人为的; 既可以是具体的, 也可以是抽象的。术语应该准确地反映概念。未能准确反映概念的术语通常要在术语标准化过程中予以调整。

Отдельный интерес представлял бы анализ дефиниции понятия «термин» в англоязычных энциклопедиях, чего в данной работе в силу ограничений ее объема мы делать не будем. Отметим, однако, что, например, в издании «Encyclopaedia Americana» она просто отсутствует, а в издании «Encyclopaedia Britannica» после краткого изложения истории понятия «термин» в логике авторы соответствующей словарной статьи поясняют: «В разговорном английском (in everyday English) значение термина “термин” расширилось настолько, что обозначает любую лексическую единицу терминологии, любое слово или словосочетание со специальным значением» (перевод наш. — С. Ш., С. Д. Ш.).

Что касается китайской научной мысли, то здесь необходимо обратить внимание на то, что слово «термин» появилось в китайском языке поздно и имеет только десятилетнюю историю. В связи с тем, что термин часто употребляется в научно-технической сфере, он иногда трактуется как «техническое слово или словосочетание», а иногда как «научное слово или словосочетание». Обе трактовки, по мнению ряда авторов, неточно отражают сущность понятия «термин» [Shí Lǐjiān 2010: 187], но во всех случаях это означает, что этот термин имеет разное понимание.

Не имея возможности детально проанализировать каждое определение в отдельности, попытаемся дать общий комментарий к представленному выше материалу.

Часть авторов предлагаемых формулировок обращается к достаточно новым для этого языкового материала реалиям и понятиям терминоведения («язык для специальных целей», «подязык», «семиотическая единица сферы профессиональной коммуникации», «метаязык науки» и т. п.) и, в частности, к аппарату когнитивной лингвистики и когнитивного терминоведения («вербализованный результат профессионального мышления», «значимое лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере»). Таковы представленные выше формулировки Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой, Е. И. Головановой, которые, вызывая определенный интерес, все же вряд ли являются достаточно конструктивными,

чтобы ими можно было воспользоваться, например, для выделения терминов из текста и, следовательно, для разграничения терминов и нетерминов.

Для другой, самой многочисленной группы авторов, как и для исследователей более раннего периода, в приведенных выше дефинициях необходимыми свойствами термина оказываются достаточно традиционно выделяемые его характеристики: точность, строгость понятия, стоящего за термином, или его наименования (М. Н. Володина, С. В. Гринев-Гриневич, И. Бурханов, О. Н. Лагута, М. Д. Фомина, Н. Bussman, T. Lewandowski, BCE, GCD, Ван Дэшуан, Ли Цзянь, Ци Юйцунь), непереносимое наличие дефиниции соответствующего понятия (М. Н. Володина, Б. Ю. Городецкий, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки, З. И. Комарова, А. В. Суперанская и др., Н. Bussman, H. Felber, A. J. Greimas и J. Courtés, A. Rey, Цюань Жучжэнь, EED), системность понятия и, соответственно, его языкового выражения (Т. Л. Канделаки, З. И. Комарова, Г. Г. Самбурова, А. В. Суперанская и др., Фэн Тяньюй и Дэн Синьхуа, Цюань Жучжэнь), ограниченность профессиональной сферой употребления (Е. И. Голованова, А. В. Лемов, Л. А. Морозова, В. Н. Немченко, А. В. Суперанская и др.).

В этой связи подчеркнем, что ранее один из авторов настоящей статьи [Шелов 2003: 12—27] предпринял попытку доказать, что:

- а) условие точности, строгости обозначенного понятия (или его определения) не является ни достаточным, ни необходимым, ибо существуют термины, которые даже в основной сфере своего функционирования (научные, технические, деловые документы) не являются ни точными, ни строгими (ср., например, в лингвистике *неологизм*, *историзм*, *архаизм* или исторические *нация*, *этнос*, *общество*, *класс*), и, наоборот, существуют слова общего языка с вполне строгим и точным значением, которые безусловно не являются терминами (таковы, например, *март*, *полдень*, *четверг*, *я*);
- б) условие наличия дефиниции (определения) обозначенного языковым знаком понятия является достаточным, но не необходимым (так, термины генетики *механизм разделения хромосом*, *фаза деления соматической клетки*, *удвоение клеточных центров*, *плюс веретена деления*, *экваториальная плоскость клетки*, *удвоения хромосом путем продольного расщепления и равномерного распределения между дочерними клетками* не имеют определения, но от этого не перестают быть терминами);
- в) вообще говоря, не является необходимым и требование системности термина. Содержание термина всегда предполагает некоторое лежащее за пределами общего языка знание, — знание, которое и является средой существования терминологической единицы. Это знание может, но не обязано «разворачиваться» в тысячи и десятки тысяч понятийно соотносящихся и увязанных номинативных единиц, обуславливающих содержательную структуру развитой теории, а сам термин по содержанию может вписываться или не вписываться в систему (или микросистему) сопряженных с ним других терминологических знаков. В отдельных случаях может быть достаточно одной номинации, чтобы дать толчок к «специализации» одного единственного понятия, служащего «точкой кристаллизации» всего ментального построения, ибо развитие этого построения до масштабов знания и, в том числе, и теоретического знания, может завершить общий язык, *common language*, посредством своих неспециальных средств. Так, в терминологии «Правил дорожного движения» термин *темное время суток* (промежуток времени от конца вечерних сумерек до начала утренних сумерек) не противопоставляется какому-либо другому «времени суток», термин *уступить дорогу* уникален по своей глагольной форме, соотносится только со своим компонентом (терминоэлементом) *дорога* и с термином *участник дорожного движения*, но никак не соотносится с названиями других действий на дороге [Шелов 2003: 265—266]; шахматный термин *фианкеттировать слона* (или *фианкеттированный слон*) соотносится только со своим компонентом (терминоэлементом) *слон* и не соотносится с наименованиями других шахматных ходов (или фигур);

- г) условие «профессиональности» обозначенного языковым знаком понятия является достаточным для того, чтобы считать его термином, но не является необходимым, ибо существуют термины таких областей знания, которые никак не могут считаться профессиональными (такова, например, терминология карточных игр и других занятий, которые не относятся к профессии, ср., например, в преферансе *бланковый король*, *марьяж*, *мизер*). Справедливо, что термин представляет некоторое знание, но само это знание далеко не обязательно носит научно-технический характер. Таким образом, многие из свойств термина, упомянутые в приведенных выше определениях, не являются необходимыми: термин может быть однозначным, но может и не быть таковым; он может быть точным и строгим, но может и не обладать этими свойствами; он может вписываться в целую систему сопряженных с ним других терминологических знаков, но может и не вписываться (весьма радикальная критика традиционной точки зрения на природу термина, основанной в Западной Европе на положениях Е. Вюстера, была изложена Р. Теммерман [Temmerman 2000]).

Сказанное выше тем не менее не сводится только к негативной оценке приведенных выше дефиниций, часть из которых была подвергнута в [Шелов 2003: 12—27] специальному анализу.

Трактовка термина как слова или словосочетания определенного функционального стиля развитого национального языка или его подязыка представляется справедливой, а следовательно, и понятия слова или словосочетания могут считаться родовыми для понятия «термин». В целом представляется также справедливым и положение о специальном характере понятия, которое называет термин, что позволяет полностью согласиться с мнением А. С. Герда [1980: 7]: «Специфика термина лежит не в плане выражения, а в плане содержания, в характере его значения». Так, о специальности, специфичности понятия, именovanного термином, говорится в работах [Самбутова 1990; Володина 1997; Handbook 1997; Авербух 2004; Pān Shūxiāng 2005; Касаткин и др. 2006; СРЛТ; Liáng Ailin 2009; Féng Zhiwěi 2011] и др. Но самым слабым местом цитированных высказываний является неясность в вопросе: в чем, собственно говоря, заключается «специальность», «специфичность» обозначаемого термином понятия? Как она проявляется и как ее увидеть?

Подходящим способом проявить эту «специальность» понятийного содержания языковой единицы нам представляется существование определения (дефиниции), объяснения понятийного содержания либо этой языковой единицы в целом (т. е. предполагаемого термина), либо хотя бы одного ее обладающего значением компонента⁵ (словосочетания, слова или морфемы), с помощью которого в конечном счете объясняется содержание соответствующей языковой единицы. Мы полагаем, что именно объяснение понятийного содержания языковой единицы в наибольшей степени показывает «специальность» ее терминологического содержания, ее терминологичность. При этом в качестве такого объяснения может выступать не только дефиниция (определение), но и мотивация языковой единицы, когда в процессе такой мотивации хотя бы один раз приходится обращаться к ее элементу, которому дефиницией, определением (толкованием) приписано специальное содержание.

Таким образом, суть термина, его *raison d'être*, как представляется, заключается в том, что, будучи специальным или неспециальным обозначающим (знаком), термин вводит некоторое неизвестное (или недостаточно известное) понятие и потому нуждается в его определении (толковании, объяснении) или мотивации.

В то же время отсутствие в подавляющем числе имеющихся определений термина упоминаний нормы, общезыковой или профессиональной, которой должен соответствовать термин, чрезмерно расширяет понятие термина и игнорирует важнейшее его свойство, противопоставляющее его другим аналогичным языковым единицам — профессионализмам

⁵ Таким компонентом может выступать часть соответствующей языковой единицы — словосочетание, слово или даже морфема (т. е. ее терминологический элемент, по Д. С. Лотте [1961: 7—17, 72—97]).

(профессиональным коллоквиализмам), профессиональным жаргонизмам, единицам профессионального просторечия, которые, вообще говоря, могут в той же мере выражать «специальные понятия». Полагаем, что это соображение обосновывает необходимость характеризовать термин не только как языковой знак, обозначающий специальное понятие, но и как языковой знак, соответствующий некоторой норме, существующей в том или ином сообществе.

С учетом сказанного, можно предложить следующую дефиницию термина.

Термин — языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т. п.), соответствующий норме его употребления в профессиональном или ином сообществе и выражающий специальное понятие какой-либо области знания и в силу этого либо имеющий дефиницию (определение, толкование, объяснение), либо мотивированный другими языковыми знаками (словами, словосочетаниями, сочетаниями слов или словосочетаний с особыми знаками и т. п.), среди которых хотя бы один выражает специальное понятие и имеет в силу этого собственную дефиницию (определение, толкование, объяснение).

С теоретической точки зрения предложенное определение, как можно надеяться, за счет двух моментов более соответствует сути термина, чем те традиционные его формулировки, которые ориентированы на связь термина с его дефиницией. Во-первых, оно напрямую отмечает часто не замечаемую связь между «специальностью», «специфичностью» понятия, называемого термином, и необходимостью его объяснять именно в силу этой «специальности» и «специфичности». Во-вторых, оно включает в процесс объяснения понятийного содержания термина не только определение, но и постоянно происходящие процедуры понятийной мотивации термина. С практической точки зрения охвата языкового материала чрезвычайно важно, что предложенное определение распространяется на языковые обозначения, которые интуитивно обычно включаются в терминологию независимо от того, имеют они определение или нет. В самом деле, становится понятным почему приведенные выше единицы *механизм разделения хромосом, фаза деления соматической клетки, удвоение клеточных центров, полюс веретена деления, экваториальная плоскость клетки, удвоения хромосом путем продольного расщепления и равномерного распределения между дочерними клетками* относятся к терминологии, хотя они не имеют собственных дефиниций: компонентом языковой единицы *механизм разделения хромосом* является, как минимум, термин *хромосома*, компонентом языковой единицы *фаза деления соматической клетки* является, как минимум, термин *соматическая клетка* и т. п.; таким образом, внутренняя мотивация термина в подобных случаях является аналогом дефиниции, ибо термин полностью «объясняется», мотивируется своими компонентами.

С точки зрения охвата языкового материала чрезвычайно важно, что предложенное определение распространяется на языковые обозначения, которые интуитивно обычно включаются в терминологию независимо от того, имеют они определение или нет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бурханов 1995 — Бурханов И. Учебный словарь системы понятий лингвистической семантики. Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1995.
- Касаткин и др. 2006 — Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку: учеб. пос. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Самбурова 1990 — Самбурова Г. Г. Словарь терминологии: основные понятия и термины теории и практики упорядочения специальной терминологии // Сборники научно-нормативной терминологии. Вып. 111. М.: Наука, 1990. С. 3—39.
- СРЛТ — Словарь русской лингвистической терминологии / Под общ. рук. А. Н. Абрегова. Майкоп: Качество, 2004.

- Шахмайкина 2016 — Шахмайкина Ю. А. Термин // Новая Российская энциклопедия. Т. XVI (1). М.: Энциклопедия, 2016.
- BCE 1995 — 中国大百科全书 (简明版) 第八卷. 北京: 中国大百科全书出版社, 1995. [*Zhōngguó dà bǎikēquánshū (jiǎnmíng bǎn)* [Big Chinese Encyclopedia (brief edition)]. Vol. 8. Beijing: Big Chinese Encyclopedia, 1995].
- De Bessé et al. 1997 — de Bessé B., Nkwenti-Azeh B., Sager J. C. Glossary of terms used in terminology. *Terminology*. 1997. Vol. 4. No. 1. Pp. 117—156.
- Bussmann 1996 — Bussmann H. *Routledge dictionary of language and linguistics*. London: Routledge, 1996.
- Chén Chǔxiáng 2010 — 陈楚祥. 术语·术语学·术语词典//刘青主编. 中国术语学研究与探索. 北京: 商务印书馆, 2010. [Chén Chǔxiáng. Terms, terminology, and term dictionaries. *Zhōngguó shùyǔxué yánjiū yǔ tànsuǒ*. Liú Qīng (ed.). Pp. 192—204].
- Dictionnaire 1998 — Dubois J. (ed.) *Dictionnaire de linguistique et de sciences du langage*. Paris: Larousse, 1998.
- DMC 2016 — 现代汉语词典 (第7版) 北京: 商务印书馆, 2016. [*Xiàndài hànyǔ cídiǎn, dì 7 bǎn* [Dictionary of Modern Chinese, 7th ed.]. Beijing: Shangwuyinshuguan, 2016].
- EED 2009 — 辞海 (第6版). 上海: 上海辞书出版社, 2009. [*Cíhǎi, dì 6 bǎn* [Encyclopedic explanatory dictionary (Cihai), 6th ed.]. Shanghai: Shanghai Encyclopedia, 2009].
- GCD 2012 — 汉语大词典. 上海: 上海辞书出版社, 2012. [*Hànyǔ dà cídiǎn* [Great Chinese dictionary]. Shanghai: Shanghai Encyclopedia, 2012].
- Greimas, Courtés 1979 — Greimas A. J., Courtés J. *Semiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris: Hachette, 1979.
- Handbook 1997 — *Handbook of terminology management*. Vol. 1. Wright S. E., Budin G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1997.
- Kleines Wörterbuch 1975 — *Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975.
- Lewandowski 1976 — Lewandowski T. *Linguistisches Wörterbuch 3*. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1976.
- Richards et al. 1985 — Richards J., Platt J., Weber H. *Longman dictionary of applied linguistics*. Harlow: Longman, 1985.
- Qī Yǔcūn 1994 — 戚雨村. 语言学百科词典. 上海: 上海辞书出版社, 1994. [Qī Yǔcūn. *Yǔyánxué bǎikē cídiǎn* [Encyclopedia of linguistics]. Shanghai: Shanghai Encyclopedia, 1994].
- XD 2012 — 新华词典. 北京: 商务印书馆, 2012. [*Xīnhuá cídiǎn* [Xinhua Dictionary]. Beijing: Shangwuyinshuguan, 2012].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Авербух 2004 — Авербух К. Я. Общая теория термина. Иваново: ИвГУ, 2004. [Averbukh K. Ya. *Obshchaya teoriya termina* [General term theory]. Ivanovo: Ivanovo State Univ. 2004.]
- Алексеева, Мишланова 2002 — Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. [Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. *Meditinskii diskurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza* [Medical discourse: Theoretical fundamentals and principles of study]. Perm': Perm' Univ. Publ., 2002.]
- Баранов 2003 — Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пос. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Baranov A. N. *Vvedenie v prikladnyu lingvistiku: ucheb. pos.* [Introduction to applied linguistics: A study guide]. 2nd ed., revised. Moscow: Editorial URSS, 2003.]
- Васильева и др. 1995 — Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995. [Vasil'eva N. V., Vinogradov V. A., Shakhnarovich A. M. *Kratkii slovar' lingvisticheskikh terminov* [A short dictionary of linguistic terms]. Moscow: Russkii Yazyk, 1995.]
- Володина 1997 — Володина М. Н. Теория терминологической номинации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. [Volodina M. N. *Teoriya terminologicheskoi nominatsii* [A theory of terminological nomination]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1997.]
- Герд 1980 — Герд А. С. Еще раз о значении термина // Лингвистические аспекты терминологии. Воронеж: ВГУ, 1980. С. 3—9. [Gerd A. S. The meaning of the term revisited. *Lingvisticheskie aspekty terminologii*. Voronezh: Voronezh State Univ., 1980. Pp. 3—9.]
- Голованова 2008 — Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. 2-е изд., испр. и доп. М.: Элпис, 2008. [Golovanova E. I. *Kategoriya professional'nogo*

- deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* [The category of professional agent. Forming. Development. Status in language]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Elpis, 2008.]
- Головин, Кобрин 1987 — Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пос. М.: Высшая школа, 1987. [Golovin B. N., Kobrin R. Yu. *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh: ucheb. pos.* [Linguistic foundations of terminology: A study guide]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1987.]
- Городецкий 1987 — Городецкий Б. Ю. Термин и его лингвистические свойства // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1987. С. 54—62. [Gorodetskii B. Yu. The term and its linguistic characteristics. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*. No. 3. Leningrad: Leningrad State Univ., 1987. Pp. 54—62.]
- Гринев-Гриневиц 2008 — Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 2008. [Grinev-Grinevich S. V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. Moscow: Moskovskiy Litsey, 2008.]
- Даниленко 1977 — Даниленко В. П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). М.: Наука, 1977. [Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya (Opyt lingvisticheskogo analiza)* [Russian terminology (A linguistic study)]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Даниленко, Новикова 2001 — Даниленко В. П., Новикова Н. В. Гл. IV. Культура научной и профессиональной речи // Граудина Л. К. Ширяев Е. Н. (ред.). Культура русской речи: учебник для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА, 2001. С. 169—197. [Danilenko V. P., Novikova N. V. Chapter IV. Culture of scientific and professional language. *Kul'tura russkoi rechi: uchebnik dlya vuzov*. Graudina L. K. Shiryayev E. N. (eds.). Moscow: NORMA-INFRA, 2001. Pp. 169—197.]
- Канделаки 1977 — Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. [Kandelaki T. L. *Semantika i motivirovannost' terminov* [Semantics and motivation of terms]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Кодухов 1987 — Кодухов В. И. Введение в языкознание: учеб. для студентов пед. ин-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1987. [Kodukhov V. I. *Vvedenie v yazykoznanie: ucheb. dlya studentov ped. in-tov* [Introduction to linguistics: A textbook for students of pedagogical colleges]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prosveshchenie, 1987.]
- Комарова 1991 — Комарова З. И. Структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. [Komarova Z. I. *Struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie* [The structure of the professional word and its lexicographic description]. Sverdlovsk: Ural State Univ. Publ., 1991.]
- Лагута 2000 — Лагута О. Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: уч. словарь терминов. Уч. пос. Ч. 2. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2000. [Laguta O. N. *Stilistika. Kul'tura rechi. Teoriya rechevoi kommunikatsii: uch. slovar' terminov. Uch. pos.* [Stylistics. Speech culture. Theory of verbal communication: A student's dictionary of terms]. Part 2. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2000.]
- Лейчик 2009 — Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. [Leichik V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject matter, methods, structure]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: LIBROKOM, 2009.]
- Лемов 2000 — Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2000. [Lemov A. V. *Sistema, struktura i funktsionirovanie nauchnogo termina* [System, structure, and functioning of the scientific term]. Saransk: Mordovia Univ. Publ., 2000.]
- Лотте 1961 — Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. [Lotte D. S. *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoi terminologii. Voprosy teorii i metodiki* [Foundations of the structure of scientific and technical terminology. Problems of theory and methodology]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961.]
- Морозова 2004 — Морозова Л. А. Терминознание: основы и методы. М.: Прометей, 2004. [Morozova L. A. *Terminoznanie: osnovy i metody* [Terminology: Foundations and methods]. Moscow: Prometei, 2004.]
- Немченко 2008 — Немченко В. Н. Введение в языкознание. М.: Дрофа, 2008. [Nemchenko V. N. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Drofa, 2008.]
- Суперанская и др. 1989 — Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 1989. [Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General terminology. Problems of theory]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Фомина 1983 — Фомина М. Д. Анализ структурно-грамматических особенностей научных терминов: метод. рекомендации. М.: РУДН, 1983. [Fomina M. D. *Analiz strukturno-grammaticheskikh*

- osobennostei nauchnykh terminov: metod. rekomendatsii* [Analysis of structural-grammatical characteristics of scientific terms: Methodological recommendations]. Moscow: RUDN, 1983.]
- Шайкевич 1995 — Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. М.: Изд. центр «Академия», 2005. [Shaikovich A. Ya. *Vvedenie v lingvistiku* [Introduction to linguistics]. Moscow: Akademiya Publ., 2005.]
- Шелов 2003 — Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. [Shelov S. D. *Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya* [Term. Termhood. Terminological definitions]. St. Petersburg: Philology Department of St. Petersburg State Univ., 2003.]
- Felber 1984 — Felber H. *Terminology manual*. Paris: Unesco and Infoterm, 1984.
- Féng Tiānyú, Dèng Xīnhuá 2002 — 冯天瑜, 邓新华. 中、日、西语汇互动与近代新术语形成。《浙江社会科学》, 2002(4)。第121—128页。[Féng Tiānyú, Dèng Xīnhuá. Chinese, Japanese, and Western vocabulary and the forming of new modern terminology. *Zhèjiāng Shèhuì Kēxué*. 2002. Vol. 4. Pp. 121—128].
- Féng Zhiwěi 2011 — 冯志伟. 现代术语学引论 (增订本)。北京: 商务印书馆, 2011。[Féng Zhiwěi. *Introduction to modern terminology (updated)*. Beijing: Shangwuyinshuguan, 2011.]
- Liáng Àilín 2009 — 梁爱林. 从术语的价值看术语工作。《中国科技术语》, 2009(2)。第11—15页。[Liáng Àilín. Terminological work from the point of view of the value of terms. *Zhōngguó Kējì Shùyǔ*. 2009. Vol. 2. Pp. 11—15].
- Pān Shūxiáng 2005 — 潘书祥. 关于加强我国术语学建设的几点思考。《科技术语研究》, 2005(1)。第4—9页。[Pān Shūxiáng. Some thoughts on strengthening the construction of terminology in China. *Kējì Shùyǔ Yánjiū*. 2005. Vol. 1. Pp. 4—9].
- Quán Rújiān 2001 — 全如减. 术语的理论与实践。《术语标准化与信息技术》, 2001(3)。第9—11页。[Quán Rújiān. Theory and practice of terminology. *Shùyǔ biāozhǔnhuà yǔ xìnxī jìshù*. 2001. Vol. 3. Pp. 9—11].
- Rey 1979 — Rey A. *La terminologie: noms et notions*. Paris: Presses Univer. de France, 1979.
- Sager 1990 — Sager J. *A practical course in terminology processing*. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Shí Lìjiān 2010 — 石立坚. 专名与术语//刘青主编. 中国术语学研究与探索. 北京: 商务印书馆, 2010。[Shí Lìjiān. Proper names and terminology. *Zhōngguó shùyǔxué yánjiū yǔ tànso*. Liú Qīng (ed.). Beijing: Shangwuyinshuguan, 2010. Pp. 183—191].
- Sù Wǔbīn 1996 — 粟武宾. 术语学与术语标准化。《术语标准化与信息技术》, 1996(12)。第12—13页。[Sù Wǔbīn. Standardization of terminology and terms. *Shùyǔ Biāozhǔnhuà Yǔ Xīnxī Jìshù*. 1996. Vol. 12. Pp. 12—13].
- Temmerman 2000 — Temmerman R. *Towards new ways of terminology description: The sociocognitive approach*. Amsterdam: John Benjamins, 2000.
- Wáng Déshuāng 1986 — 王德双. 关于俄语术语及其翻译, 《外语学刊》, 1986(3)。第57—59页。[Wáng Déshuāng. On Russian terms and their translation. *Wàiyǔ Xuékān*. 1986. Vol. 3. Pp. 57—59].
- Wú Lìkūn 2009 — 吴丽坤. 俄罗斯术语学探究. 北京: 商务印书馆, 2009。[Wú Lìkūn. *Éluósī shùyǔxué tànjiū* [A study on Russian terminology]. Beijing: Shangwuyinshuguan, 2009].
- Zhèng Shùpǔ 2005 — 郑述谱. 术语的定义。《术语标准化与信息技术》, 2005(1)。第4—14页。[Zhèng Shùpǔ. The definition of terms. *Shùyǔ Biāozhǔnhuà Yǔ Xīnxī Jìshù*. 2005. Vol. 1. Pp. 4—14].

Получено/received 24.03.2017

Принято/accepted 27.06.2017

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016. [N. R. Dobrushina. *Soslagatel'noje naklonenije v russkom jazyke: opyt issledovanija grammatičeskoj semantiki* [Subjunctive mood in Russian: A study of grammatical semantics]. Praha: Animedia Company, 2016.]. ISBN 978-80-7499-231-5.

Елена Михайловна Коницкая

Elena M. Konitskaya

Вильнюсский университет, Вильнюс, LT-01513, Литва; jelkon@gmail.com

Vilnius University, Vilnius, LT-01513, Lithuania; jelkon@gmail.com

Исследование, выполненное в рамках проекта РГНФ № 14-04-00264а (2014—2016), представляет собой комплексный анализ семантики одной из категорий русского глагола — сослагательного наклонения — в письменных текстах. Основная цель работы, заключающаяся, по словам автора, в объяснении, «чем мотивируется употребление сослагательного наклонения в каждом типе контекстов, где оно встречается» (с. 3), достигается в обширной монографии путем последовательного детального описания разнообразных типов употребления сослагательного наклонения. Исследование проведено преимущественно с опорой на данные основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (с 1970 г.), в отдельных случаях также используются данные других подкорпусов (в частности, устного подкорпуса) или же привлекается материал текстов XIX в. для дополнительного диахронического исследования. Важной составляющей частью работы являются таксонометрические данные, полученные с применением выверенной методики. Обилие количественных данных, как правило организованных в таблицы, графики, схемы, убедительно иллюстрирующих рассматриваемые явления и наблюдения автора, составляет одну из привлекательных сторон монографии.

Исследование контекстов употребления глагольной категории предваряется анализом терминов, формы и основной семантики сослагательного наклонения, а также описанием материала и структуры работы (Часть I, Введение, с. 3—20). Рассмотрев существующие термины для определения наклонений, выражающих ирреальные значения в языках мира (субъюнктив, кондиционалис, конъюнктив, ирреалис и др.), Н. Р. Добрушина останавливается на традиционном для русской грамматики термине — **сослагательное наклонение**, оставляя, однако, термин **условное наклонение** для глагольных форм, маркирующих придаточные предложения в условных конструкциях.

В отношении формы устанавливается типологическая распространенность в ирреальных наклонениях граммемы прошедшего времени, в связи с чем входящая в состав сослагательного наклонения глагольная форма определяется в исследовании как форма прошедшего времени. Менее частотными являются сочетания частицы *бы* (*б*) с инфинитивом, предикативом, существительным и другими неглагольными единицами. Отмечая разногласия ученых в отнесении разного типа конструкций с *бы* (*б*) к сослагательному наклонению, Н. Р. Добрушина выстраивает иерархию анализируемых конструкций с точки зрения их близости к прототипическому сослагательному наклонению, в качестве которого выступает сочетание частицы с прошедшим временем (с. 6), и определяет предмет исследования — любые сочетания частицы *бы* (*б*) с вышеперечисленными единицами (с. 10). Распределение конструкций с частицей *бы* (*б*) по частотности задает структуру второй части исследования «Семантика сослагательного наклонения в независимых конструкциях» (с. 29—159).

Важным принципом в работе является различие между независимыми и подчиненными употреблениями сослагательного наклонения. Раздельное описание сослагательного наклонения в независимых конструкциях и в придаточных предложениях обосновывается, помимо формальных критериев, также тем, что в подчиненных предикациях (придаточных предложениях разных типов: условном, условно-уступительном, дополнительном, относительном и др.) семантика предиката может быть обусловлена различными внешними факторами: характером отношений между главным и зависимым предложениями, значением матричного предиката, референциальным статусом существительного, к которому относится относительное придаточное, и т. д., и поэтому должна описываться иначе, нежели семантика предиката независимого предложения (с. 11). Описание подчиненных употреблений, по мысли автора, предполагает следующее: отделение семантических употреблений от синтаксических, создание исчерпывающего описания условий синтаксического употребления сослагательного наклонения, сопоставление подчиненных контекстов с независимыми (с. 11; см. реализацию этих задач в третьей части работы «Сослагательное наклонение в подчиненных конструкциях», с. 161—391).

Полагая ирреальность общим семантическим компонентом для большинства контекстов употребления сослагательного наклонения, Н. Р. Добрушина предлагает воспользоваться моделью, в которой ирреальные значения располагаются на шкале от наиболее ирреальных (**контрфактивных**, то есть таких, которые, с точки зрения говорящего, не имели и не будут иметь места в действительности) к наиболее реальным: несмотря на то, что для обозначения реальных ситуаций обычно используются формы индикатива, в ограниченном типе контекстов возможно использование сослагательного наклонения, синонимичного индикативу, — это **диалогические реальные употребления** сослагательного наклонения, которые можно считать метафорическими (с. 14). Промежуточное положение на шкале занимает **гипотетическое значение**, совмещенное с выражением желания говорящего. Центральное значение русского сослагательного наклонения — контрфактивное. Подчиненные предикации либо не отличаются от главных, либо обусловлены особенностями главного предложения, что делает (ир)реальный статус подчиненной ситуации зависимым от главного предложения или же от типа семантической связи главного предложения с придаточным (с. 15). В соответствии со сказанным в монографии определяется набор контекстов употребления сослагательного наклонения, составляющих два больших блока: 1) независимые конструкции (в том числе главная часть условного предложения); 2) зависимые конструкции (разные типы придаточных предложений: условные, целевые, заместительные, дополнительные, ирреального следствия, причинные, условно-уступительные, относительные) (с. 16—17).

Прежде чем перейти к рассмотрению перечисленных контекстов, Н. Р. Добрушина детально анализирует употребление полного и сокращенного вариантов частицы сослагательного наклонения (*бы* и *б*) в разных фонетических контекстах, в составе разных сочетаний (*когда б(ы)*, *если б(ы)*, *чтоб(ы)* и т. д.), в различных типах конструкций и стилях речи, приходя к выводу, что дистрибуция вариантов, а также значительно более высокая частотность полной формы в современной письменной речи, резко расходящаяся с данными XIX в. (с. 21—22), не является следствием принципиальных различий между ними с функциональной точки зрения (с. 27).

Помимо частицы *бы* (*б*), носителями сослагательного наклонения выступают также такие частотные сочетания, как *если бы*, *хоть бы*, *лишь бы*, *еще бы*, *вот бы* и др., подробно представленные в третьей части исследования, посвященной употреблению сослагательного наклонения в подчиненных конструкциях. Отдельно анализируется союз *чтобы*, который по основному критерию — дистрибуции форм — содержит частицу сослагательного наклонения (с. 322 и далее). Следует отметить корректность исключения из анализа (прежде всего на основании дистрибуции форм) частотных сочетаний с частицей *бы* (*б*), не имеющих значения сослагательного наклонения, к которым относятся, в частности, сочетания *как бы*, *будто бы*, *вроде бы* (с. 7).

Переходя во второй части исследования к анализу употреблений сослагательного наклонения в независимых конструкциях, Н. Р. Добрушина отмечает их довольно высокую частотность: вопреки распространенным представлениям о преимущественном использовании сослагательного наклонения в подчиненных предикациях, по корпусным данным на главную предикацию приходится около 40 % контекстов употреблений частицы *бы* (*б*) в зависимых и независимых предикациях во всех сочетаниях (с. 29). Подавляющее число независимых употреблений отводится конструкциям с формой прошедшего времени, составляющим 92 % всех типов сочетаний с сослагательным наклонением как в независимых, так и в зависимых клаузах, ср. данные по другим типам конструкций: 4 % — инфинитивные, 2 % — предикативные, 2 % — прочие (с. 31).

Центральное место в исследовании семантики независимых употреблений сослагательного наклонения с прошедшим временем (с. 32—75) занимает детальное рассмотрение трех разных типов употреблений, выделяемых автором с точки зрения значения и распределяемых по шкале (ир)реальности: *повествовательные*, *диалогические реальные* и *диалогические желательные*. Повествовательные употребления связаны с необходимостью выразить ирреальность ситуации (контрфактивность), причем сослагательное наклонение может быть употреблено повествовательно в любом типе дискурса (в диалоге, нарративе) и в любом типе предикации (в главной или в подчиненной), тогда как диалогические употребления ограничены так называемой канонической речевой ситуацией, предполагающей наличие говорящего и слушающего в контексте сообщения, и для таких употреблений выделяются два типа значений: **диалогические реальные**, использующиеся для модификации коммуникативной цели — ее смягчения, и **диалогические желательные**, которые служат для выражения желания говорящего (с. 33—34).

Хотя в повествовательных контекстах сослагательное наклонение с прошедшим временем, как правило, обозначает контрфактивную пропозицию, возможны редкие контексты, где «ситуация является открытой и может быть реализована» — в том случае, если она относится к будущему (с. 35). Контексты употребления сослагательного наклонения при этом обычно содержат указание либо на условия, при которых эта ситуация могла бы иметь место, либо на препятствие, в силу которого она невозможна. Условие может быть выражено разными способами: конструкцией с предлогом *без*, наречием *иначе*, союзом *но*, сравнением, прилагательным *другой* и др., может также содержаться в более широком контексте (с. 36—37).

В диалогических реальных употреблениях форма сослагательного наклонения может заменяться индикативом без ущерба для смысла предложения, однако с нарушением коммуникативной задачи смягчения высказывания. Формы наклонения в этом случае относятся преимущественно к 1-му или 2-му лицу. Конструкции 1-го лица, как правило, сообщают о некотором коммуникативном действии говорящего, и именно такие конструкции исследователи склонны относить к желательным (с. 39—41). Однако, по мнению Н. Р. Добрушиной, выражение желания не является мотивирующим для использования сослагательного наклонения в таких контекстах, хотя может иметь место. Важную роль в этом типе употреблений играет лексическая семантика глаголов: так, глаголы со значением категорического побуждения или других коммуникативных действий, предполагающих решительное поведение (например, глаголы *требовать* и *объявить*), не употребляются в сослагательном наклонении с реальным значением. Преимущественно диалогическое употребление, по данным Н. Р. Добрушиной, имеют восемь глагольных лексем: *сказать*, *хотеть*, *мочь*, *назвать*, *посоветовать*, *предпочесть*, *ответить*, *предложить*, тогда как глаголы *взять*, *пойти* используются в контрфактивных контекстах; многие глаголы могут иметь как диалогические реальные, так и повествовательные употребления, ср. приводимые примеры: (71) *А если серьезно, то на этот вопрос я бы ответил так: не играть трудно, но играть нельзя* [«Театральная жизнь», 2003.05.26] и (72) *Уж лучше бы она спросила: «Ты гений?» Я бы ответил спокойно и положительно* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)] (с. 42—43). В довольно редких конструкциях 2-го лица диалогическое сослагательное наклонение

обычно используется в вопросах, причем отмечаются те же глаголы со значением различных коммуникативных действий, что и в конструкциях с 1-м лицом (с. 43).

Особое место в проблематике сослагательного наклонения отводится модальным глаголам *мочь*, *хотеть* и *хотеться*, которым посвящены отдельные разделы монографии (с. 44—53). Глагол *мочь* интересен тем, что он имеет семантику нереализованности, потенциальности и его индикатив в большинстве контекстов синонимичен сослагательному наклонению. Что касается глаголов *хотеть* и *хотеться*, то они заслуживают внимания в силу высокой частотности в сочетаниях с частицей *бы*, выступая в сослагательном наклонении более чем в 10% случаев использования, ср. глагол *быть* — в 1,7% случаев, *мочь* — в 4%, *знать* — в 0,4% и т. д. (с. 47). Подробный анализ конкретных употреблений разных форм глаголов *хотеть*, *хотеться* в сочетании с глаголами представляет широкую палитру реализуемых в конструкциях значений (с. 47—53). Сравнение различных по частотности контекстов диалогического сослагательного наклонения и индикатива глагола *хотеть* демонстрирует их семантическую близость.

Надо сказать, что важность категории модальности в исследовании сослагательного наклонения демонстрирует и рассмотрение модальных слов в отдельной главе «Слова с модальным значением и сослагательное наклонение» (с. 144—159). Анализ употреблений конструкций с модальными словами *должен*, *надо* и др. показывает ту же способность нейтрализации значения сослагательного наклонения (с. 158), проявляющуюся в разной степени: «синонимия индикатива и сослагательного наклонения больше характерна для модальных слов со значением высокой вероятности и необходимости (*должен*, *надо*), чем для модальных слов со значением невысокой вероятности и возможности (*мочь*, *можно*, *вряд ли*)» (с. 159).

Обобщая наблюдения над особенностями диалогических реальных и диалогических желательных употреблений, Н. Р. Добрушина устанавливает сходство реального диалогического сослагательного наклонения с индикативом по ряду свойств (сочетание с индикативным протазисом, способность сочиняться с индикативом), что позволяет ему выступать синонимично индикативу, в то время как диалогические желательные употребления индикативу не синонимичны: сослагательное наклонение в таких употреблениях может заменяться не на индикатив, а на императив, чаще же на перифрастические конструкции *хочу*, *чтобы...*, *надо*, *чтобы...* (с. 56—57).

Рассматривая традиции выделения желательного значения в русской грамматике со времен А. А. Шахматова, Н. Р. Добрушина приходит к выводу о неправомерности разговора о самостоятельном желательном наклонении в силу отсутствия специализированной на этом значении морфологической или аналитической формы. Данное значение выражается конструкциями частицы *бы* (*б*) с инфинитивами, предикативами и существительными без финитного глагола, и обсуждать вопрос о желательном наклонении возможно лишь применительно к ним, тогда как конструкции с прошедшим временем могут интерпретироваться как желательные только в том случае, если это обеспечивается тремя свойствами контекста (действующими, однако, не как жесткое требование): порядком слов, наличием референции к настоящему времени, отсутствием в предложении упоминаний условия (с. 59). Типологические данные приводят автора к выводу, что причиной отсутствия упоминания об условии в желательных конструкциях является их происхождение из условных клауз.

Заключая раздел о независимых употреблениях сослагательного наклонения с прошедшим временем (с. 73—75), Н. Р. Добрушина отмечает, что диалогические реальные и диалогические желательные употребления сослагательного наклонения имеют общие черты, отличающие их от повествовательных (в частности, неприменимость к ним понятия истинности / ложности, отсутствие указаний на условие употребление 1-го и 2-го лица, референция к настоящему или будущему), а также перечисляет различия между диалогическими реальными и желательными употреблениями, заключающиеся в круге глаголов, синонимических возможностях и т. д.

Последовательному рассмотрению употреблений независимых конструкций с частицей *бы* (*б*) и инфинитивом, предикативами или существительными, объединенных тем, что

«все они к концу XX века приобрели общий компонент значения — желательность или необходимость» (с. 76), посвящен следующий раздел второй части монографии (с. 76—139).

Инфинитив в сочетании с частицей сослагательного наклонения встречается гораздо реже, чем прошедшее время, выступая как в независимых, так и в зависимых конструкциях. Анализ двух выборок примеров (1970—1990 гг.), включающих конструкции с частицей в контактном положении к инфинитиву, но исключающих такие, где инфинитив использован в конструкции с предикативом, показал высокую частотность употребления инфинитива в независимом предложении — около 80 % от всех примеров. Отдельные группы образуют употребления в составе вопросительного предложения (3 %), в составе условной клаузы (4 % от общего числа примеров, включая бессоюзные предложения), а также в придаточных предикациях. Семантика инфинитивно-сослагательных независимых конструкций принципиально не отличается от других типов употреблений сослагательного наклонения: они выражают ирреальность (обычно гипотетического, реже — контрфактивного типа), однако, в отличие от независимых конструкций с прошедшим временем, в большинстве употреблений инфинитивно-сослагательные конструкции, помимо ирреальности, имеют дополнительные модальные оттенки необходимости или желания (значительно более редкий контрфактивный безоценочный инфинитив иллюстрируется примером: (220) *Еще миг, и лежать бы ей на земле, но Нина успела прижать ее локотками* [Руслан Киреев. Год лебедей. Библиотека «Огонек», 1989], с. 80). Определенные семантические оценочные эффекты создаются факторами контекста: частицами и лицом дативного субъекта конструкции (с. 81—89). В свою очередь, контрфактивные безоценочные инфинитивные конструкции, обозначающие заведомо нереализованную ситуацию, отличаются порядком слов — обычно следованием «инфинитив + частица» (что не является специфическим фактором), а также указанием на контрфактивное условие, позволяющим рассматривать высказывание как условную конструкцию, где инфинитив обозначает следствие (с. 90—91). В условных конструкциях сослагательный инфинитив менее типичен, чем прошедшее время (с. 97). Для них характерна возможность отсутствия союза *если*, особый порядок следования частей, место инфинитива и семантика (желательности) инфинитивного протазиса (с. 98—104), что сближает сослагательный инфинитив с императивом в условных конструкциях.

Рассматриваемые в следующем разделе (с. 111—122) второй части не содержащие нулевой связи конструкции с предикативами относятся к наименее исследованным в русской грамматике. Предикативы в работе понимаются расширительно: к ним причисляются наречия, прилагательные и компаративы, «основной функцией которых является использование в позиции сказуемого» (с. 111; список предикативов см. на с. 113—114). Анализ разных групп конструкций (со связкой и без, в условных конструкциях и других подчиненных предикациях), семантики отдельных форм и лексем позволяет Н. Р. Добрушиной сделать существенные выводы о семантике, выражаемой конструкциями с предикативами. Так, бессвязочные конструкции характеризуются наличием положительной оценки и обозначают только гипотетические ситуации, реализация которых связана с будущим, а также всегда выражают желание или необходимость, тогда как значение связочных конструкций зависит от семантики предикатива (с. 117): например, употребления в связочных конструкциях предикатива со встроенной негативной семантикой (*стыдно, нельзя* и т. п.) имеют значение необходимости (с. 115—116) и т. д.

Конструкциям с существительными и другими неглагольными единицами с частицей *бы* (*б*) (*Ему бы воды / Ему бы к тебе / Ему бы домой / Сюда бы двоих*) в русской традиции уделялось мало внимания. Н. Р. Добрушина в первую очередь отмечает общее для них значение желания или необходимости (с. 122—143). Эти конструкции, как правило, представляют собой результат эллипсиса инфинитива, что подтверждается легкостью восстановления глагола, безличностью, дативностью субъекта, невозможностью именительного падежа существительного. Отмечается, однако, тип конструкций (чаще всего отрицательных), в которых глагол не восстанавливается, например: *Лишь бы не лагерь!* (с. 125),

и которые, следовательно, не являются эллиптическими. Конструкции с существительными в подчиненных предикациях в целом отсутствуют, хотя возможны в дополнительных придаточных предложениях, не требующих обязательного употребления сослагательного наклонения, а также в составе протазиса условных конструкций, ср. приводимый пример: (405) *Если бы не война, окончил бы уже восемь* [Василь Быков. Болото (2001)] (с. 127).

Отличительной особенностью исследования Н. Р. Добрушиной является регулярное сопоставление выявленных качеств разных типов конструкций, позволяющее обобщенно представить семантические и формальные особенности каждого типа. Так, сравнивая инфинитивные конструкции с конструкциями с прошедшим временем, автор отмечает следующие различия между ними: в первых субъект желания чаще всего совпадает с главным участником ситуации, во вторых это происходит редко; инфинитив не используется для выражения побуждения ко 2-му лицу, как это происходит с прошедшим временем (с. 85 и далее). При сопоставлении безглагольных конструкций с инфинитивами, предикативами и существительными отмечаются такие различия между ними, как периферийность конструкций с предикативами без финитного глагола, обусловленная лексическими ограничениями, и отсутствие таковых в инфинитивных конструкциях, а также преимущественность бессвязного употребления конструкций с предикативами, при обычной невозможности связки (за исключением единичных случаев) в инфинитивных конструкциях и т. д. (с. 127—138).

Задачей третьей части исследования (с. 161—391), посвященной сослагательному наклонению в подчиненных конструкциях, является «обзор всех придаточных предложений с таким элементом *бы* (*б*), который можно заподозрить в близости к сослагательному наклонению, обсуждение причин, по которым эти придаточные маркируются с помощью *бы* (*б*), и в итоге обсуждение того, какой грамматический статус должен быть приписан предикатам этих придаточных» (с. 161). В соответствии с поставленной задачей рассматриваются все типы придаточных предложений. Их обзор предваряет обсуждение формальных критериев отбора материала исследования (с. 163—173), поскольку «не все придаточные, в которых встречается частица *бы*, могут претендовать на то, что они содержат форму сослагательного наклонения» (с. 163). На основе формальных критериев (дистрибуция форм, возможность ее повторения, опущения, а также дистантность) из дальнейшего анализа исключаются конструкции со сравнительными союзами *будто бы*, *как будто бы* и *словно бы*, не содержащими показателя сослагательного наклонения (с. 169; см. также табл. 30 на с. 176). Рассмотрение функционирования сослагательного наклонения в составе придаточных предложений начинается с условных конструкций (с. 177—211), далее анализируются условно-уступительные (с. 214—235), относительные (с. 236—263) и др. В каждом типе придаточных предложений определяется специфика семантики конструкций, которая может быть связана как с типом предложения, так и с конкретными составляющими элементами — модальными словами, наречиями определенной семантики, специфичными предикатами, эллипсисом, позицией частицы *бы* и т. д. (с. 177—371). Завершая анализ подчиненных конструкций обзором конструкций сослагательного наклонения (с прошедшим временем, инфинитивом, предикативом без связки) в придаточных предложениях разного типа (табл. 61, с. 372), Н. Р. Добрушина отмечает, что за вычетом отдельных исключений «прошедшее время и инфинитив могут быть использованы во всех типах придаточных, в то время как предикатив допустим в подчиненных конструкциях почти только при семантическом употреблении сослагательного наклонения. Исключение составляют условные придаточные, в которых встречаются некоторые предикативы» (стр. 371—372).

Обобщая наблюдения над семантикой форм сослагательного наклонения в подчиненных клаузах разного типа (с. 373—378), Н. Р. Добрушина делает существенные замечания о синтаксическом и семантическом употреблении сослагательного наклонения в придаточных предложениях, указывая, что при семантическом употреблении сослагательного наклонения в подчиненных предикациях встречаются все три типа значений, отмеченных для независимых предикаций (контрфактивное, желательное, реальное диалогическое). Употребление сослагательного наклонения в синтаксических контекстах отличается по своему

значению от семантических контекстов (с. 373). Особенности синтаксического употребления сослагательного наклонения являются неопределенность статуса подчиненной ситуации по шкале реальности / ирреальности, отсутствие эпистемических маркеров, невозможность диалогических контекстов сослагательного наклонения и др. (с. 374—377). Синтаксические и семантические употребления сослагательного наклонения в подчиненных конструкциях в некоторой мере определяют положение частицы *бы* в конструкции. Его детальный анализ в придаточных разного типа с семантическим и синтаксическим употреблением (с. 379—389) позволяет автору сделать вывод: «Если придаточное предложение с сослагательным наклонением вводится союзом, а сослагательное наклонение употреблено синтаксически, то частица *бы* обычно находится после союза. Если же придаточное с союзом имеет семантическое сослагательное наклонение, то частица находится на дистанции от союза. При этом для условных придаточных это правило действует менее жестко: позиция не после союза *если* встречается редко, но допустима» (с. 388).

Исследование завершается заключением (с. 393—397), в котором подводятся основные итоги работы и определяется дальнейшее направление научного поиска: «следующим этапом исследования должно стать сопоставление результатов, полученных на материале русского языка, со столь же детальными описаниями других языков» (с. 397), с целью установления типичных контекстов употребления сослагательного наклонения в языках мира.

Выполненное на огромном, тщательно проанализированном фактическом материале исследование семантики сослагательного наклонения в современном русском языке, опирающееся на обширную теоретическую базу, связанную как с русской грамматической традицией, так и с типологическими исследованиями и актуальными направлениями в лингвистике (см. библиографию на с. 391—413), дает комплексное представление о категории, уточняет многие представления о русском сослагательном наклонении, значении его форм, их частотности, различиях в употреблении разного рода конструкций в разных контекстах, специфике лексического наполнения конструкций в частных случаях его использования, накладываемых ограничениях и т. п., а в ряде случаев опровергает устоявшиеся мнения, базирующиеся на ограниченном количестве примеров и не учитывающие множественность факторов, влияющих на употребление сослагательного наклонения.

Детальное описание значения разных типов конструкций с формами сослагательного наклонения и внимание к изменениям в семантике отдельных типов обеспечивает, помимо возможности включения полученных сведений в широкий контекст типологического изучения сослагательного наклонения, их значимость и для диахронических исследований русского языка. Представляющее собой своего рода энциклопедию по русскому сослагательному наклонению исследование Н. Р. Добрушиной станет неоценимым источником сведений для всех, кто занимается проблематикой сослагательного наклонения как в русском языке, так и в языках мира.

P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. viii, 600 p. (Cognitive Linguistics Research, 58.) ISBN 9783-11-037752-1.

Анна Андреевна Зализняк^{a, b, @},
Анна Александровна Смирнитская^a

Anna A. Zalizniak^{a, b, @},
Anna A. Smirnitckaya^c

^a Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; ^b Институт проблем информатики ФИЦ ИУ РАН, Москва, 119333, Российская Федерация; ^c Институт востоковедения РАН, Москва, 107996, Российская Федерация; [@]anna.zalizniak@gmail.com

^a Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; ^b Institute of Informatics Problems of the FRC CSC, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation; ^c Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107996, Russian Federation; [@]anna.zalizniak@gmail.com

Сборник «Лексическая типология семантических переходов»¹ посвящен памяти недавно ушедшего от нас замечательного лингвиста, специалиста в области романского языкознания и диахронической семантики Петера Коха, которому принадлежат многие идеи, послужившие основанием лексической типологии и теории мотивации и развиваемые в статьях, вошедших в сборник. Книга включает исследование в области лексической типологии, типологии семантических переходов, теории мотивации и других смежных подходов к типологическому изучению лексической семантики, выполненные учеными из Швеции, Дании, Германии, Нидерландов, России, Украины и Австралии. Часть статей написана по результатам работы международного проекта «Core vocabulary in a typological perspective: Semantic shifts and form—meaning correlations», поддержанного ИНТАС и продолжавшегося с 2006 по 2009 г.

Идея инвентаризации семантических переходов, восходящая в своей диахронической части к мыслям Э. Бенвениста о методах семантической реконструкции, О. Н. Трубачева о создании словаря диахронических семантических переходов в индоевропейских языках, словарь индоевропейских синонимов К. Бака [Buck 1949], а также к исследованиям конца XX в. в области когнитивной диахронической семантики (Э. Траугот, Э. Свитцер, Дж. Байби, П. Коха, А. Бланка и др.), на рубеже нашего столетия оформилась в виде трех независимых исследовательских проектов: это проект [DECOLAR] (Dictionnaire Étymologique et Cognitif des Langues Romanes) под руководством П. Коха; (проект осуществлялся с 1997 г.; с 2011 г. база данных доступна в интернете: <http://www.decolar.uni-tuebingen.de>); «Словарь грамматикализации» [Heine, Kuteva 2002]; проект «Каталога семантических переходов в языках мира», предложенный в [Зализняк 2001] — в этой статье, в частности, было определено понятие **семантического перехода** как единицы языковой системы, объединяющей в себе синхронный и диахронический аспекты и составляющей объект типологии². Параллельно в те же годы происходило интенсивное развитие лексической типологии, задачей которой является изучение устройства лексических систем с точки зрения выбираемого тем или иным языком способа лексикализации той или иной предметной или концептуальной области; теоретические основы данного направления исследований изложены в [Lehmann 1990; Koch 2001; Рахилина, Плунгян 2007; Koptjevskaja-Tamm 2008; 2012; Evans 2010; Рахилина, Резникова 2013 и др.].

¹ Здесь и далее перевод наш.

² Актуальное состояние концепции типологии семантических переходов, а также опыт воплощения этой концепции в форме «Базы данных семантических переходов в языках мира» [DatSemShift] изложены в статьях [Zalizniak et al. 2012; Зализняк 2013].

Во вводной статье М. Копчевской-Тамм дан обзор новейшей литературы и излагаются ключевые понятия тех концепций, в рамках которых выполнены собранные в книге исследования, — это семантический переход (или «семантическое сближение» (semantic association) [Vanhove 2008]), семантическая параллель, мотивация, колексификация (последний термин введен в статье [François 2008]). Под семантическим переходом (semantic shift) понимается пара языковых значений, связанных некоторым генетическим отношением — диахронически (ср. лат. *caput* ‘голова’ и франц. *chef* ‘начальник’) или синхронно (ср. англ. *head* ‘голова’ и ‘начальник’). Это центральное для концепции книги понятие так или иначе затрагивается почти во всех вошедших в нее статьях. Характеризуя означенную область исследований, М. Копчевская-Тамм пишет: «Объектом исследования в данной книге являются семантические переходы и мотивационные модели, реализованные в лексике разных языков. Исследование опирается на традиции когнитивной лингвистики, лексической типологии, исторической и ареальной лингвистики и представляет собой вклад в развитие всех этих дисциплин». Внутри лексической типологии М. Копчевская-Тамм различает две «перспективы», или два исследовательских «фокуса». Проблема категоризации концептуальных областей средствами лексики относится к ономаσιологическому фокусу, и эта область исследования остается для лексической типологии центральной, но имеется еще и семасиологический фокус, которому принадлежат механизмы семантической деривации: вопрос о том, какие различные значения могут объединяться синхронно или диахронически в пределах одного слова.

В качестве наиболее масштабных из существующих сегодня проектов, имеющих целью выявление «кросс-лингвистически воспроизводимых моделей семантических сближений», во введении названы: уже упоминавшаяся база данных семантических переходов [DatSemShift] (Database of Semantic Shifts in the Languages of the World), содержащая более 3000 семантических переходов, реализованных в более 300 языках мира, и база данных колексификаций [CLICS] (Database of Cross-Linguistic Colexifications), созданная на основе доступных лексикографических онлайн-ресурсов и содержащая 16239 связей между 1280 концептами [List et al. 2014].

Сборник открывает статья П. Коха (Peter Koch) «Изменение значения и семантические переходы» (изначально предназначавшаяся автором для сборника [Riemer 2016], что обусловило ее отчасти обзорный и одновременно фундаментальный в методологическом отношении характер). Статья посвящена методам исследования путей семантической эволюции в рамках традиционной парадигмы (начиная с античной риторики и кончая структурализмом) и в свете достижений современной когнитивной семантики и прагматики (упоминается концепция «invited inferences», концепция «субъективизации», теория концептуальной метафоры и др.). При анализе процесса диахронического изменения значения вводится разграничение «инновативного» (появление нового) и «редукционного» (утрата старого) изменения, при этом каждое конкретное изменение значения от M1 к M2 обычно включает оба эти этапа, а также промежуточный этап полисемии. Отмечено, что такие категории, как инференция, имплицатуры дискурса и релевантность, обеспечивают эффективное взаимодействие между диахронической семантикой и прагматическими подходами. Демонстрируется, что процесс конвенционализации семантических сдвигов представляет собой путь от прагматически окрашенного «utterance-token» значения к «utterance-type» значению — и, далее, к кодифицированному значению как элементу семантической системы. Также рассматривается проблема «speaker-induced vs. hearer-induced meaning change». В качестве примера изменения значения, спровоцированного слушающим, приводится латинская фраза *Audiāmus tēstimōnium proximum!* ‘Давайте выслушаем следующее свидетельское показание’, которая может быть интерпретирована слушающим как приглашение выступить следующему свидетелю, что порождает семантический переход ‘свидетельское показание’ → ‘свидетель’.

Подробно рассматриваются различные традиционно выделяемые типы семантических изменений: генерализация, специализация, когипонимический переход, метафора, метонимия, пейоративный и мелиоративный сдвиг и др. Предлагается критический обзор

когнитивных теорий метонимического и метафорического переноса и вносятся некоторые существенные уточнения. Обсуждается также автоконверсивный перенос (ср. лат. *hospes*, реализующее значения ‘гость’ и ‘хозяин’ в рамках фрейма ‘гостеприимство’). Относительно перехода «по контрасту» (антифразис) отмечается, что это достаточно редкий случай и что связь между исходным и производным значением устанавливается здесь не напрямую, а на уровне коннотаций — или же является следствием эвфемистической замены. «Автоантонимичный» перенос является крайне редким и обусловлен иронией или особыми дискурсивными условиями, ср. ниже об энантиосемии.

Говоря о перспективах изучения изменения значения, П. Кох высоко оценивает эффективность корпусных методов и «usage-based» подхода, а также отмечает, что концептуальные связи между исходным и производным значением в диахронии представляют собой лишь одно из «измерений» исследований в данной области — наряду со словообразовательным измерением и заимствованием (заметим, что в [DatSemShift] имеются, помимо синхронной полисемии и диахронической семантической эволюции, также такие типы реализаций семантических переходов, как «морфологическая деривация» и «заимствование»). И наконец, важнейшей характеристикой семантического перехода является его воспроизводимость, выявляемая в ходе семантико-типологических исследований.

Статья А. Д. Шмелева «Семантические переходы и источники энантиосемии», в которой развиваются идеи автора, изложенные в [Шмелев 2009] и ряде других публикаций, посвящена феномену энантиосемии, понимаемой в широком смысле. Расширение (по сравнению с определением антонимии, принятым в Московской семантической школе) производится в двух направлениях. С одной стороны, рассматриваются значения, которые являются противоположными лишь в некотором смысле (в частности, автоконверсивы, ср. *одолжить* ‘дать в долг’ и ‘взять в долг’). С другой стороны, отношение энантиосемии устанавливается не только между значениями одного слова в лексикографическом смысле (например, *прослушать* <лекцию> — ‘услышать’ и ‘не услышать, пропустить’), а шире: привлекаются также случаи, когда пару составляют морфологические дериваты (например, *исход* ‘конец’ и *исходная точка* ‘начальная точка’) или когнаты (например, русск. *урод* ‘безобразный человек’ и польск. *uroda* ‘красота’). Автор демонстрирует, что энантиосемия в широком смысле возникает в силу того обстоятельства, что языковая единица реализовала два различных пути семантической эволюции, результаты которых оказались в некотором смысле противоположными. Показано, что этот эффект достаточно широко распространен и что источниками энантиосемии являются: ирония, меняющая знак оценки на противоположный; конвенционализация значения оценки или речевых импликатур; феномен «подразумеваемого» отрицания; метонимические и метафорические сдвиги. Различные примеры возникновения эффекта энантиосемии рассмотрены в статье на обширном материале русского и некоторых других языков, продемонстрировано наличие семантических параллелей, показывающих регулярность описанного феномена.

В статье Е. В. Рахилиной и Т. И. Резниковой «Фреймовый подход к лексической типологии» излагаются методологические принципы и приемы «фреймового подхода» к типологическому анализу лексики, основанного на соединении процедур семантического анализа Московской семантической школы с методами анализа, применяемыми в грамматической типологии. Согласно этому подходу сопоставление лексических подсистем разных языков, обслуживающих некоторую предметную или концептуальную область, должно производиться на основе выявления способов лексикализации (т. е. противопоставления vs. совмещения) тех или иных «фреймов». Так, в семантической зоне ‘плавание’ различаются фреймы: активное плавание, плавание неодушевленного предмета по течению, статичное положение на поверхности воды, движение судов и на судах. Сами эти фреймы извлекаются из значения языковых единиц при помощи анализа их сочетаемостного поведения в составе характерных для них конструкций, проводимого на базе материала, полученного из электронных корпусов и опроса информантов. Результаты лексико-типологического анализа могут быть визуализированы в форме семантических карт, в узлах которых находятся фреймы.

В статье демонстрируется применение данных принципов к типологическому исследованию лексики нескольких предметных областей (плавание, вращение, боль; качественные признаки) в ряде генетически и ареально далеких языков. Согласно замыслу авторов, лексическая типология, занимающаяся сопоставлением лексических систем и объема входящих в нее единиц на основании релевантных параметров, имеет конечной целью составление мультязычного (в идеале — универсального) словаря, входом которого были бы фреймы.

В статье К. Парадис (Carita Paradis) «Корпусные методы межъязыкового исследования антонимов» излагается методология ономаσιологического анализа антонимов. Автор исходит из существования во всех языках некоторого множества жестко противопоставленных лексических пар антонимов (описывающих скорость, освещенность, силу и размер), а также существенно более обширного класса лексических пар (таких как ‘постный’ — ‘жирный’, ‘скучный’ — ‘интересный’, ‘тусклый’ — ‘яркий’ и т. п.), которые функционируют как антонимы в дискурсе, но эта антонимия по разным причинам не конвенционализирована. Семантика «канонических» антонимичных пар взята за исходную точку типологического анализа, целью которого является обнаружение антонимических отношений, возникающих в дискурсе. Методология, реализованная на базе корпусов английского и шведского языков, может быть в дальнейшем применена для более масштабных кросс-лингвистических исследований.

Работа Р. Эстлинга (Robert Östling) «Исследование колексификации по данным параллельных корпусов большого объема» основана на использовании процедуры автоматического извлечения межъязыковых соответствий из корпуса переводов Нового завета, содержащего 1142 текста на 1001 языке. Автор отмечает, что информация, полученная при помощи этой процедуры, в дальнейшем должна уточняться путем более тщательного анализа, проводимого «вручную». В работе демонстрируются полученные в ходе исследования типологически интересные результаты, касающиеся колексификации значений ‘дерево’/‘огонь’, которая широко распространена в языках Австралии и Папуа — Новой Гвинеи. (Исследованию этой колексификации посвящена также помещенная в рецензируемом сборнике статья А. Шеппер, Л. Сан Рок и Р. Хендери.)

Статья известного типолога О. Виберга (Åke Viberg) «Полисемия в действии: шведский глагол *slå* ‘бить, ударять’ в межъязыковой перспективе» продолжает многолетнюю работу автора над полисемией глаголов со значением ‘бить, ударять’. Исходной точкой анализа является шведский глагол *slå*, рассматриваемый на материале параллельных корпусов «Multilingual Parallel Corpus» (шведский, английский, немецкий, французский и финский языки) и «English—Swedish Parallel Corpus». Прототипическое значение включает последовательность целенаправленных телесных движений: быстрое протягивание руки (или инструмента в ней) к объекту-мишени, сильное соприкосновение с ним, в результате чего происходит удар. Найденные случаи употребления исследуемого глагола автор классифицирует по значению и характеру семантической связи с прототипическим значением. Полисемии глагола *slå* автор рассматривает в рамках когнитивной модели полисемии Римера, распределяющей полисемические отношения по типам механизмов, лежащих в их основе: метонимии эффекта, метонимии составляющих, контекстной метонимии и метафоры применения [Riemer 2005]. Семантические области, в которые переходит в шведском языке значение *slå*, значительно шире, чем в других рассмотренных языках: помимо борьбы, причинения боли и смерти, это также абстрактные победа и поражение, движения руки, манипуляции физическими объектами с помощью рук, создание артефактов, наливание жидкости, открывание/закрывание, включение/выключение, звонок по телефону и др.

Статья П. Ювонен (Päivi Juvonen) «Конструкции со вспомогательным глаголом *make/do* в составе лексики пиджинов» также посвящена семантическому развитию глагольного значения, в данном случае — значения *make/do*. Особенность этой работы — языковой материал пиджинов, отличающихся крайней бедностью лексического состава, в среднем насчитывающего менее 2000 лексических единиц. Материалом исследования послужил единственный на сегодняшний день корпус пиджинов «The Parkvall Corpus» (составитель

Mikael Parkvall), включающий 32 варианта пиджинов из разных стран мира, в том числе два российских: говорка на Таймыре и русско-китайский пиджин Приморья. Автор приходит к выводу, что «тенденция к прозрачному упаковыванию лексики», которая наблюдается в пиджинах, объясняется широким использованием семантических переходов и грамматикализации.

Работа С. Вейдемо (Susanne Vejdemo) и С. Вандевинкеля (Sigi Vandewinkel) «Расширенное использование телесно-ориентированных обозначений температуры» продолжает проект М. Копчевской-Тамм, посвященный типологии семантического поля «температура» в языках мира [Koptjevskaja-Tamm 2015]³. Фраза *A warm heart is important in love, but a cool head is better in this sort of work* напоминает слова Ф. Дзержинского: «чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками»; именно такие устойчивые выражения, как *холодная голова*, являются предметом исследования. Материалом служит опрос информантов — носителей семи языков: английского, японского, ибибио, каннада, китайского (путунхуа), оджибве и шведского. С помощью опросника, созданного на основе анкеты М. Копчевской-Тамм, для изучаемых языков был составлен список базовых наименований температуры (*холодно, жарко, тепло, прохладно*) и список названий частей тела и связанных с ними выражений (*голова, голос, сердце* и др.). Авторы предлагали носителям языков соотнести каждую часть тела с каждым названием температуры и сказать, возможно ли такое сочетание и значит ли оно что-то еще помимо температуры участка тела. Демонстрируется, что в основе таких выражений в рассмотренных языках лежит сходная концептуализация метафор: 1) контроль — это холод, потеря контроля — это жар и 2) забота — это тепло, безразличие — это холод.

М. Фортескую (Michael Fortescue) в статье «Семантическое поле эмоций в эскимосском и соседних с ним языках» рассматривает лексическое выражение эмоций в языках эскимосского ареала на территории США, Канады и России и с помощью диахронического анализа реконструирует картину древней категоризации внутреннего эмоционального опыта. В эскимосско-алеутских языках наблюдается большое разнообразие «эмоциональных основ», составляющих отдельную морфологическую категорию. Их отличает значение ‘эмоциональные состояния, реакции или эмоционально окрашенные психические отношения’ и обязательное сочетание с системой эмоционально-аспектуальных аффиксов. Автор прослеживает диахроническое развитие эмоциональной лексики от прото-эскимосского состояния, реконструированного им в «Сравнительном словаре эскимосского языка» [Fortescue et al. 2010], до современных идиомов в разных ветвях эскимосско-алеутских языков. Так, например, в диалекте инувиялуктун инуитского языка *iva* ‘лежать рядом с кем-то в кровати, нежно обнимая’, возводится к прото-эским. **ava-* ‘сидеть на яйцах’ (о птицах).

Граница, отделяющая лексику эмоций от когнитивной лексики и лексики восприятия, проходит в эскимосских языках не так, как в европейских или соседних атабаскских. На основании тщательного анализа автор делает вывод о том, что развитие обычно шло по направлению от физиологических коррелятов эмоций или характерных действий к культурно обусловленным эмоциональным концептам, ср. прото-эским. **tupəkə* ‘вздрагивать’ → западно-гренландское *tupi(gi)* ‘удивляться’. Основной движущей силой семантических переходов здесь выступает метонимия и контекстная обусловленность.

В статье Г. Яворской и Г. Зимовец «Сценарии мотивации и семантические фреймы общественных отношений в славянских, романских и германских языках — друзья, враги и другие» также объединяется синхронный и диахронический подход. Предмет исследования составляют семантические переходы в лексике общественных отношений: межличностного взаимодействия (*друг* и *враг*), общественных отношений доминирования (*власть*), общественной организации (*гражданин*) и социальных ролей (*правитель*). Полученная картина развития когнатов показывает различия в семантических фреймах, описывающих социальные отношения в разных языках. Так, когнаты, выражающие значение power, происходят

³ См. рецензию на эту книгу [Рудницкая 2017].

от значения обладания в славянских языках, физической силы — в романских, способности что-то делать — в германских. С другой стороны, концепт *power* становится источником семантических переходов в названия территориальных единиц, военных подразделений (во всех рассмотренных языках), обозначение насилия (только в германских языках) и т. д.

Работа А. Шеппер (Antoinette Schapper), Л. Сан Рок (Lila San Roque) и Р. Хендери (Rachel Hendery) «Дерево, дрова и огонь в языках Сахула» посвящена исследованию колексификации данных значений в языках Австралии и Папуа — Новой Гвинеи, которая обсуждается в лингвистике уже больше 30 лет, см. [Dixon 1980] и др. Гипотеза о колексификации этих значений проверяется на материале 300 языков территории древнего континента Сахула, объединявшего Австралию и Папуа — Новую Гвинею и заселенного около 45000 лет назад. Рассматриваются паттерны колексификации непроемчивых слов, включающие варианты: {abc} (полная дифференциация), {abb}, {aab}, {aba} и {aaa} (полная колексификация: например, в языке сирва *au* ‘дерево, огонь, дрова’). Далее вводится понятие «субколексификации» (с учетом деривации и сложных слов): например, в языке абун, где имеются единицы *kwe* ‘дерево’, *kwe-gu* ‘дрова’ (букв. ‘дерево сухое’), *bot* ‘огонь’, используется паттерн субколексификации {aAb}. С учетом субколексификации становятся видны особенности распределения паттернов. Во-первых, чаще встречается полная колексификация, причем в Новой Гвинее она точно соотносится с восточной частью острова, что подтверждает выводы [Laycock 1986]; в Австралии она встречается только на севере континента. Во-вторых, паттерн {aba} не встречается. В-третьих, полная дифференциация свойственна языкам северной части Новой Гвинеи. И в-четвертых, наиболее частотный паттерн — колексификация значений ‘огонь’ и ‘дрова’ {abb} — распространен на всей территории Папуа — Новой Гвинеи и всей территории Австралии (а также в некоторых языках Южной Америки). Общность и специфика рассмотренных в статье паттернов лексикализации, как считают авторы, является аргументом в пользу выделения ареальной лингвистики Сахула в отдельное направление исследований.

Статья Д. Марцо (Daniela Marzo) и Б. Умбрайт (Birgit Umbreit) «Исследование лексической мотивации во французском и итальянском языках» посвящена изучению мотивации с необычной стороны — как процесса осознанного мотивирования лексических единиц носителем языка и свойства лексической единицы «быть мотивированной» (motivatability). Материалом исследования стал онлайн-опросник о мотивационных предпочтениях из двух частей, предъявленный 30 информантам — носителям французского и итальянского языков. Лексические стимулы — 100 французских и 100 итальянских лексических единиц, выбранные на основе предыдущих исследований авторов по показателям частотности и «значимости». Исследование состояло из двух этапов («түбингенский двухэтапный метод» [Koch, Marzo 2007]): этапа установки носителем отношения мотивации и этапа определения концептуальной основы, связывающей лексические единицы. На первом этапе предъявлялся опросник с лексической единицей, ее толкованием, примерами и второй лексической единицей, связь с которой проверялась. Предлагался вопрос: «Как вы считаете, почему данное слово может быть использовано в данном значении?» На втором этапе носителю предлагалось выбрать концептуальную связь двух стимулов, пользуясь списком из девяти парафраз, составленных на основе [Koch 2001] и описывающих, среди прочего, концептуальное тождество, концептуальную смежность, метафорическое сходство, котаксономическое сходство, таксономическое подчинение и концептуальный контраст.

Работа В. Михача (Wiltrud Mihatsch) «Типы мотивации в наивной таксономии растений» посвящена изучению мотивации в иерархиях применительно к семантическому полю растений на материале романских языков. Исследуя мотивационные отношения между категориями разного уровня в иерархии, автор использует понятие «базового уровня» обобщения, разрабатываемое в когнитивной лингвистике и семантике прототипов. Лексика, выражающая эти понятия, более продуктивна, чем лексика других уровней обобщения; она является мотиватором по отношению как к лексике более высокого уровня обобщения, так и к более конкретной лексике. Выделяются, в числе прочих, следующие типы мотивации

в таксономии растений: семантический переход между когипонимами, как прото-индоевр. **bhāgós*-s ‘бук’ >> дорийский греч. *phagós* ‘дуб’; переход от прототипа к базовому уровню, как в норвежск. *gress* ‘трава’ >> саамск. *rassi* ‘растение’; переход от базового уровня к прототипу, как в нем. *Kraut* ‘растение’ >> южно-нем. ‘капуста’; переход от базового уровня к концепту более высокого уровня, как в южном кечуа *sach’a* ‘дерево’ >> *sach’a* ‘растение’; переход от более высокого уровня к базовому уровню, как во франц. *plante* ‘растение’ >> ‘травянистые растения’ и др.

М. Руссо в статье «Различие и взаимное влияние между научной и “наивной” биологической таксономией» также исследует «наивные» таксономические иерархии в поле названий растений и животных и их взаимоотношение с научной таксономией. «Наивная» таксономия чрезвычайно богата и включает около 600 видов растений и примерно столько же животных. В частности, она выделяет свои «формы жизни», ср. русское обозначение *гады*, включающее змей, ящериц, лягушек, жаб, черепах и змеевидных рыб, некоторых млекопитающих (в первую очередь крыс и мышей), а также насекомых, особенно ядовитых и паразитов. Схожую форму жизни выделяют языки: арабский, навахо, китайский (путунхуа), японский, дугум дани, каян, занде, кугу-мумин, оджибе и др. Исследуя пути появления наивной терминологии в номенклатуре царств животных и растений, автор пользуется аппаратом «Каталога семантических переходов в языках мира» [Zalizniak et al. 2012]. На основании анализа материала языков различных семей выделяются следующие семантические переходы: ‘to grow’ > ‘plant’, ‘tree’ > ‘plant’, ‘green’ > ‘plant’, ‘to live’ > ‘animal’, ‘to breathe’ > ‘animal’, ‘meat’ > ‘animal’, ‘to hunt’ > ‘animal’, ‘fish’ > ‘animal’, ‘bird’ > ‘animal’, ‘insect’ > ‘animal’ и др. Влияние наивной и научной систематик двунаправленное. С одной стороны, наивная таксономия оказывает влияние на научную, начиная с Карла Линнея и даже Плиния Старшего; с другой стороны, современная научная систематика все больше проникает в сферу обиходного языка.

В работе М. Айзинга (Markus Ising) «Холистическая мотивация в общей системе мотивации и в семантическом поле “приготовление пищи”» исследуется «целостная», или «холистическая», мотивация. Автор основывается на описании мотивации в [Koch, Marzo 2007] и дополнительно выделяет типы сегментной (segmental) мотивации, описывающей состав мотивированной языковой единицы, и целостной (holistic), описывающей ее отношение с новым смыслом, полученным в результате мотивации. Так, англ. *redskin* ‘североамериканский индеец’ (букв. ‘краснокожий’ из *red* + *skin*) демонстрирует сегментную мотивацию, если рассматривается как результат сочетания слов *red* + *skin*, а при рассмотрении соотношения семантики *redskin* и *native American* — холистическую. Материалом исследования послужило онлайн-анкетирование специалистов по разным языкам из сообщества SIL International. В результате были получены данные по 75 языкам, из которых холистическая мотивация была подтверждена в 14, как, например, в лакота: *lol’ix’q* ‘готовить <еду>’ (букв. ‘делать мягким’). Основные отношения, лежащие в основе этого типа мотивации, включают концептуальную смежность, метафорическое сходство и таксономические семантические переходы; в материале данного исследования отношения, связанные с таксономией, преобладают.

Статья М. Урбана (Matthias Urban) «Формальная разложимость при мотивации: типологическая перспектива, оценка вариативности и попытка объяснения» представляет современный подход к изучению внешней, формальной стороны лексической мотивации. На материале 78 языков из разных языковых семей автор анализирует 160 «именных» концептов, выясняя типологический профиль «морфологической прозрачности» (morphological analyzability) лексики данного языка. Каждый случай мотивации связывает элементы двойным отношением: содержательной связью двух концептов и формальным соотношением между лексическими единицами, варьирующим от полного различия до полного совпадения при полисемии. Автор отвечает на поставленный в [Koch, Marzo 2007] вопрос о том, различаются ли языки по степени формальной «прозрачности», и обсуждает возможные влияющие на это факторы. Как показывает исследование, профиль «морфологической

прозрачности» языков (уровень относительной разложимости лексики) различается существенно: от 4,9% в языке аймара, до 50,2% в килива. При этом ареальный фактор не влияет на этот параметр. В поиске других релевантных факторов автор обращается к статистическому анализу типологической базы WALS, проведенному в [Maddieson 2013], согласно которому релевантными оказываются факторы инвентаря согласных и структуры слога. Показано, что при увеличении размера инвентаря согласных относительная прозрачность лексики действительно уменьшается, но этот фактор имеет слабую значимость. Влияние фактора структуры слога более существенно: в языках со сложной структурой слога, консонантными кластерами и т. д. лексика менее «прозрачна». Однако этого недостаточно: анализ оказывается точнее, если также учитывать фактор структуры корня, поскольку при увеличении сложности корня разложимость лексики уменьшается. Обсуждая результаты работы, автор пишет, что в противодействии морфологической «прозрачности» и фонологической сложности проявляется давно известный в лингвистике конфликт между стремлением говорящего к экономии усилий, с одной стороны, и необходимостью достичь успеха в коммуникации, с другой.

Рецензируемая книга безусловно представляет собой важнейший вклад в развитие современной лексико-семантической типологии как в теоретическом, так и в дескриптивном отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зализняк 2001 — Анна А. Зализняк. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13—25. [Anna A. Zalizniak. Semantic derivation in synchrony and diachrony: A project of “The Catalogue of semantic shifts”. *Voprosy jazykoznanija*. 2001. No. 2. Pp. 13—25.]
- Зализняк 2013 — Анна А. Зализняк. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32—51. [Anna A. Zalizniak. Semantic change as an object of a typological investigation. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 2. Pp. 32—51.]
- Рахилина, Плунгян 2007 — Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян. О лексико-семантической типологии // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 9—26. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. On lexical-semantic typology. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007. Pp. 9—26.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3—31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 2. Pp. 3—31.]
- Рудницкая 2017 — Рудницкая Е. Л. [Рец. на:] Koptjevskaja-Tamm M. (ed.). The linguistics of temperature. Amsterdam: John Benjamins, 2015 // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 136—141. [Rudnitskaya E. L. [Review of:] Koptjevskaja-Tamm M. (ed.). The linguistics of temperature. Amsterdam: John Benjamins, 2015. *Voprosy jazykoznanija*. 2017. No. 5. Pp. 136—141.]
- Шмелев 2009 — Шмелев А. Д. «Незначущее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии) // Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. С. 173—202. [Shmelev A. D. “Insignificant” and “unexpressed” negation (cognitive and communicative sources of enantiosemia). *Logicheskij analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 2009. Pp. 173—202.]
- Buck 1949 — Buck C. D. *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages: A contribution to the history of ideas*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1949.
- CLICS — List J.-M., Mayer Th., Terhalle A., Urban M. *Database of Cross-Linguistic Colexifications: Version 1.0*. Available at: <http://clics.lingpy.org/>.
- DECOLAR — Blank A., Gévaudan P., Koch P. *Dictionnaire Étymologique et Cognitive des Langues Romanes*. Available at: <http://www.decolar.uni-tuebingen.de>.
- DatSemShift — Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. *Database of semantic shifts in the languages of the world: Version 1.0*. Available at: <http://semshifts.iling-ran.ru>.
- Dixon 1980 — Dixon R. M. W. *The languages of Australia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980.
- Evans 2010 — Evans N. Semantic typology. *The Oxford handbook of typology*. Jae Jung Song (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 504—533.

- Fortescue et al. 2010 — Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L. *Comparative Eskimo dictionary with Aleut cognates*. 2nd ed. Fairbanks: Alaska Native Language Center Press, Univ. of Alaska, 2010.
- François 2008 — François A. Semantic maps and the typology of colexification. *Towards a typology of lexical semantic associations*. Vanhove M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 163—216.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Koch 2001 — Koch P. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view. *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2001. Pp. 1142—1177.
- Koch, Marzo 2007 — Koch P., Marzo D. A two-dimensional approach to the study of motivation in lexical typology and its first application to French high-frequency vocabulary. *Studies in Language*. 2007. Vol. 31. No. 2. Pp. 259—291.
- Koptjevskaja-Tamm 2008 — Koptjevskaja-Tamm M. Approaching lexical typology. *Towards a typology of lexical semantic associations*. Vanhove M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 3—54.
- Koptjevskaja-Tamm 2012 — Koptjevskaja-Tamm M. New directions in lexical typology. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. Pp. 373—394.
- Koptjevskaja-Tamm 2015 — Koptjevskaja-Tamm M. (ed.). *The linguistics of temperature*. Amsterdam: John Benjamins, 2015.
- Laycock 1986 — Laycock D. C. Papuan languages and the possibility of semantic classification. *Papers in New Guinea Linguistics*. No. 24 (Pacific Linguistics, A70). Canberra: Australian National Univ., 1986. Pp. 1—10.
- Lehmann 1990 — Lehmann Ch. Towards lexical typology. *Studies in typology and diachrony. Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th birthday*. Croft W., Denning K., Kemmer S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1990. Pp. 161—186.
- List et al. 2014 — List J.-M., Mayer Th., Terhalle A., Urban M. *CLICS: Database of Cross-Linguistic Colexifications*. Marburg: Forschungszentrum Deutscher Sprachatlas, 2014.
- Maddieson 2013 — Maddieson I. Consonant inventories. *The World Atlas of Language Structures Online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/1>.
- Riemer 2005 — Riemer N. *The semantics of polysemy: Reading meaning in English and Warlpiri*. Berlin: Walter de Gruyter, 2005.
- Riemer 2016 — Riemer N. (ed.). *The Routledge handbook of semantics*. London: Routledge, 2016.
- Vanhove 2008 — Vanhove M. (ed.). *Towards a typology of lexical semantic associations*. (Studies in Language Companion, 106.) Amsterdam: John Benjamins, 2008.
- Zalizniak et al. 2012 — Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. Pp. 633—670.

M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015. ix, 667 p. (Typological Studies in Language, 108.) ISBN 978-9-02720-689-3.*

Иван Андреевич Стенин

Ivan A. Stenin

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, 105066,
Российская Федерация; ystein88@gmail.com

National Research University Higher School of Eco-
nomics, Moscow, 105066, Russian Federation;
ystein88@gmail.com

Уральские языки достаточно хорошо известны в типологической литературе, не в последнюю очередь благодаря преобладающей в них стратегии образования стандартного отрицания: в большей части уральских языков в его формировании участвует отрицательный глагол, выражающий лично-числовые противопоставления, а иногда и значения ряда семантических глагольных категорий, в частности времени, тогда как смысловой глагол обычно принимает специальную форму так называемого коннегати́ва. По крайней мере в некоторых уральских языках выражение как стандартного, так и других видов отрицания в значительной степени дифференцировано в зависимости от ряда параметров и общее число самих показателей и стратегий образования отрицания приближается к десяти или даже превосходит это значение, как, например, в мордовских языках. Таким образом, отрицание можно назвать своеобразной «роскошью» (luxury) уральских языков, если воспользоваться недавней метафорой Р. Диксона [Dixon 2016].

Однако, несмотря на богатый в этом отношении материал уральских языков, его явный интерес для типологического и теоретического языкознания и даже определенную известность [Dahl 1979; Comrie 1981], до сих пор, как кажется, не было специального описания, которое рассматривало бы отрицание в уральских языках в целом. Разумеется, интерес к этой области существовал в уралистике давно. Известны работы, посвященные отрицанию в отдельных уральских языках или группах языков и выполненные в рамках традиционного финно-угроведения, а также обзорные статьи [Honti 1997a; 1997b; 1997c] (см. подробную библиографию в этих статьях). Из недавних типологически ориентированных описаний следует упомянуть монографию [Wagner-Nagy 2011], где предметом детального анализа стало отрицание в самодийских и обско-угорских языках в типологической перспективе. Тем не менее необходимость в обобщающем справочнике по отрицанию в уральских языках оставалась насущной. В этой связи выход рецензируемого сборника представляется чрезвычайно актуальным.

Сборник, являющийся результатом многолетнего коллективного проекта, состоит из трех частей. Во **введении** (М. Миестамо, А. Тамм, Б. Вагнер-Надь) дана основная информация об уральских языках (традиционная генеалогическая классификация, территория распространения, социолингвистический статус, важнейшие типологические особенности), отрицании и статьях, включенных в сборник. По словам редакторов (с. 1—2), одной из основных целей проекта и сборника было показать на примере систем отрицания в уральских языках преимущества, которые получают лингвистическая типология и частное языкознание, когда они влияют друг на друга.

Специальным **приложением** к введению опубликована анкета, которой руководствовались авторы сборника при описании отрицания в отдельных языках. Анкета представляет собой иерархически упорядоченный список исследовательских вопросов, которому должны были следовать авторы отдельных глав:

* Работа поддержана грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

- 1) основная информация о языке;
- 2) клаузальное отрицание:
 - 2.1) стандартное отрицание,
 - 2.2) отрицание в вопросительных и неиндикативных клаузах,
 - 2.3) неглагольное отрицание,
 - 2.4) отрицание в зависимых клаузах,
 - 2.5) другие аспекты клаузального отрицания;
- 3) неклаузальное отрицание:
 - 3.1) отрицательные ответы,
 - 3.2) неопределенные местоимения и наречия и отрицание,
 - 3.3) показатели каритива (абессива, приватива),
 - 3.4) прочие отрицательные конструкции и выражения;
- 4) другие аспекты отрицания:
 - 4.1) сфера действия отрицания,
 - 4.2) отрицательно поляризованные единицы,
 - 4.3) падежное маркирование в отрицательных предложениях,
 - 4.4) эмфатическое отрицание (reinforcing negation),
 - 4.5) отрицание в сложных предложениях,
 - 4.6) прочие аспекты отрицания.

Основную часть сборника составляют описания систем отрицания в 17 уральских языках, выполненные в соответствии с этой анкетой. Выбранные языки представляют все традиционно выделяемые группы уральских языков:

- a) самодийские: лесной энецкий (Ф. Сигл), тундровый ненецкий (Н. Муш), нганасанский (В. Ю. Гусев), селькупские диалекты (Б. Вагнер-Надь);
- b) угорские: восточнохантыйский (А. Ю. Фильченко), северномансийский (К. Шипёз), венгерский (К. Э. Киш);
- c) пермские: коми-зырянский (А. Хамари), удмуртский (С. Едыгарова);
- d) мордовские: эрзянский (А. Хамари, Н. Аасмяе);
- e) марийские¹ (С. Сааринен);
- f) саамские: южносаамский (М. Миестамо, Э. Копонен), колтта-саамский (Р. Блокланд, Н. Инаба);
- g) прибалтийско-финские: эстонский (А. Тамм), ливский (Х. Метсланг, К. Паюсалу, Т.-Р. Вийтсо), финский (М. Вилкуна), водский (Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус).

Заключительная часть сборника включает пять статей, объединенных по остаточному принципу. Две из них — статья Л. Ван Алсеной и Й. ван дер Ауверы «Indefinite pronouns in Uralic languages» и статья Л. Веселиновой (при участии Х. Хиргод) «Special negators in the Uralic languages: Synchrony, diachrony and interaction with standard negation» — являются обобщающими и учитывают данные большинства уральских языков. Другие три статьи посвящены отдельным, не связанным друг с другом, проблемам: статья Ф. Кифера «The privative derivational suffix in Hungarian: A new account», статья Ш. Шоша «Negation in Eastern Khanty narratives from the perspective of information flow» и статья Дж. Манцелли «Mutual influences in negative patterns between Finno-Ugric and Turkic languages in the Volga-Kama area». Кроме того, сборник содержит предметный указатель и список сокращений.

¹ Во введении мордовские и марийские языки объединены под названием волжских, хотя на настоящий момент большинство исследователей сходится во мнении, что подобной языковой общности не существовало.

В целом представленный набор языков выглядит весьма репрезентативно, а авторы большинства статей являются признанными специалистами по «своим» языкам, к тому же многие из них уже имели до этого опыт исследования отрицания.

Разумеется, статьи, написанные в рамках одного проекта по определенному плану, имеют как свои преимущества, так и свои недостатки. С одной стороны, такой книгой гораздо удобнее пользоваться типологу и любому лингвисту, перед которым стоит задача сопоставить данные различных языков, поскольку в каждой статье так или иначе будут содержаться ответы на одни и те же ключевые вопросы, даже если эти ответы отрицательные. Так, например, в большинстве статей сборника в пункте 4.3 анкеты указано, что отрицание не влияет на падежное маркирование аргументов, — за исключением статей по прибалтийско-финским языкам, в которых это влияние имеет место. С другой стороны, читать такую книгу последовательно, как non-fiction или художественную литературу, уже несколько сложнее, чем сборник проблемных статей, поскольку глаз устает от единообразия. В то же время нельзя не признать, что редакторам сборника удалось соблюсти в своих рекомендациях для авторов² баланс строгости и свободы, так что все 17 статей основной части — это несомненно разные статьи, написанные исследователями с разным научным опытом и разными интересами и уделяющими в зависимости от этого большее или меньшее внимание отдельным вопросам анкеты. Тем не менее мы не будем давать каждой статье первой части собственную характеристику, а лишь кратко перечислим основные закономерности, общие проблемы и наиболее примечательные особенности этих описаний.

Сопоставление отдельных языков в сборнике опирается на распространенные в типологии понятия клаузального и неклаузального, а также стандартного и нестандартного отрицания. Последние два типа выделяются внутри клаузального отрицания, при этом под стандартным отрицанием понимается основной способ отрицания утвердительных индикативных глагольных независимых клауз, то есть, выражаясь совсем неформально, такие отрицательные конструкции, которые используются в самых простых типах клауз. Дальнейшая классификация стандартного отрицания основывается, прежде всего, на том, является ли оно симметричным или асимметричным [Miestamo 2005]. В первом случае отрицательные конструкции отличаются от соответствующих утвердительных лишь наличием показателя отрицания, во втором имеются определенные структурные различия между утвердительными и отрицательными предложениями. Нестандартное отрицание, в свою очередь, включает отрицательные конструкции, используемые в следующих случаях: а) в предложениях, иллюстрирующих речевые акты, отличные от декларативных; б) в неглагольных предложениях; в) в зависимых клаузах.

Симметричное отрицание является единственной стратегией стандартного отрицания в угорских языках и основной — в ряде селькупских диалектов. Кроме того, симметричное отрицание возможно в качестве одной из стратегий стандартного отрицания в пермских и мордовских языках. В остальных уральских языках преобладает асимметричное отрицание. Это единственная стратегия стандартного отрицания в большинстве самодийских (за исключением селькупских диалектов) и прибалтийско-финских языков (за исключением эстонских диалектов), а также в марийских и саамских языках. Кроме того, она активно используется в пермских (в первом прошедшем и непрошедших временах) и мордовских языках (в первом прошедшем времени).

Интерес представляет то, какие грамматические категории выражаются на отрицательном, а какие на смысловом глаголе. Так, в большинстве прибалтийско-финских идиомов, в частности в литературном финском, отрицательный глагол «берет на себя» только выражение лица и числа.

² В данном случае множество редакторов является собственным подмножеством множества авторов.

(1) финский

- a. *Minä* *lue-n* *tä-tä* *kirja-a.*
я читать-1SG ЭТОТ-PART книга-PART
‘Я читаю эту книгу’.
- b. *Minä* *lue-n* *tämä-n* *kirja-n.*
я читать-1SG ЭТОТ-GEN книга-GEN
‘Я прочитаю эту книгу’.
- c. *Minä e-n* *lue* *tä-tä* *kirja-a.*
я NEG-1SG читать-CN ЭТОТ-PART книга-PART
1. ‘Я не читаю эту книгу’.
2. ‘Я не прочитаю эту книгу’.
- d. *Minä* *lui-n* *tämä-n* *kirja-n.*
я читать-PST-1SG ЭТОТ-GEN книга-GEN
‘Я прочитал эту книгу’.
- e. *Minä e-n* *luke-nut* *tä-tä* *kirja-a.*
я NEG-1SG читать-PTCP.ACT.PST ЭТОТ-PART книга-PART
‘Я не прочитал эту книгу’.
- f. *Minä* *ole-n* *luke-nut* *tämä-n* *kirja-n.*
я быть-1SG читать-PTCP.ACT.PST ЭТОТ-GEN книга-GEN
‘Я читал эту книгу’.
- g. *Minä e-n* *ole* *luke-nut* *tä-tä* *kirja-a.*
я NEG-1SG быть-CN читать-PTCP.ACT.PST ЭТОТ-PART книга-PART
‘Я не читал эту книгу’.

В примерах (1a—b) представлены утвердительные формы непрошедшего времени: в (1a) — с референцией к настоящему, в (1b) — с референцией к будущему. Предложение (1c) является одновременно отрицанием (1a) и (1b), показатели лица и числа выражены на отрицательном глаголе, а смысловой глагол стоит в специальной форме коннегатива, которая, впрочем, совпадает с формой императива 2 л. ед. ч. (в других языках это необязательно верно для всех глаголов) и представляет собой — по крайней мере орфографически³ — «чистую» основу. Несмотря на то что в финском нет грамматического противопоставления настоящего и будущего времен, в значительной части переходных клаузов, как в (1a) и (1b), на референцию к настоящему с большой долей вероятности указывает то, что прямое дополнение оформлено партитивом, а на референцию к будущему — то, что прямое дополнение оформлено каким-либо «тотальным» падежом, например генитивом, как в (1b). В соответствующих отрицательных клаузах, однако, такое семантическое противопоставление невозможно. Тем не менее отрицательные формы различают то же количество грамматических времен, что и утвердительные, но не за счет двух разных основ отрицательного глагола в прошедшем и непрошедшем временах (как, например, в пермских языках) и не с помощью дефолтного словоизменения на отрицательном глаголе (как, например, в северносамодийских), а перифрастически. В (1d) дана утвердительная форма прошедшего времени, а в (1e) — отрицательная, в образовании которой участвует тот же отрицательный глагол, что и в (1c), а смысловой глагол стоит в другой нефинитной форме — в форме

³ В действительности форма коннегатива, как и форма императива 2 л. ед. ч., по-видимому, оканчивается на нулевую морфему, вызывающую в значительной части идиолектов стандартного финского так называемое финальное удвоение (*loppukahdennus*), то есть если следующее слово начинается с согласного, то он удваивается, а если с гласного — на стыке возникает (двойной) гортанный смычный. Исторически обе формы оканчивались на *-k.

активного причастия прошедшего времени, изменяющегося только по числу. Та же нефинитная форма используется в перфекте, где финитные категории выражает глагол-связка *olla* 'быть' (1f). Как следует из (1g), в отрицательных формах перфекта в коннегативе стоит именно глагол-связка, поскольку смысловой глагол принимает нефинитную форму уже в утвердительной конструкции.

На другом «крайнем полюсе» — северносамодийские языки, в которых отрицательный глагол выражает и лицо, и число, и время, и наклонение, и даже отдельные аспектуальные деривации (но не залог!⁴). Что характерно, в северносамодийских языках отрицательный глагол имеет и значительную часть нефинитных форм, в отличие от всех остальных уральских языков. В традиционной самодистике отрицание неформально используется как своеобразная «лакмусовая бумажка»: считается, что при отрицании на отрицательный глагол «переезжает» выражение именно словоизменительных категорий, а все словообразовательные по-прежнему выражаются на смысловом глаголе, правда, здесь всегда приходится делать оговорки.

Традиционно считается, что именно северносамодийский тип был характерен для уральского праязыка [Honti 1997a]. Из языков с нерасщепленной системой ближе всего к северносамодийскому идеалу оказываются лугово-восточный марийский и коми-пермяцкий, в которых лицо, число и время последовательно выражаются на отрицательном глаголе. В большинстве уральских языков выражение отрицания зависит от времени или от лица, как в горномарийском языке. Наконец, отдельный случай представляет собой эстонский язык, в котором отрицательный глагол потерял словоизменительные возможности и является частицей, как в языках с симметричным отрицанием, однако смысловой глагол тем не менее стоит в коннегативе. Таким образом, финитные категории в принципе не выражаются в эстонской парадигме стандартного отрицания.

Для уральских языков еще в работе [Comrie 1981: 354] была предложена следующая иерархия, определяющая, какие глагольные категории будут чаще других выражаться на отрицательном слове, а не на смысловом глаголе:

(2) imperative > tense/person/number > mood > aspect > voice

В полном соответствии с этой иерархией залог в уральских языках никогда не выражается на отрицательном слове, аспектуальные противопоставления и наклонение (помимо императива) — крайне редко, лицо и число — относительно часто (при этом существенно чаще, чем время, так что объединение согласовательных категорий и времени в одну группу сомнительно). В императиве почти все уральские языки используют конструкции, отличные от стандартного отрицания, при этом «императивность» может быть выражена либо в отрицательном слове (стандартными средствами, с помощью супплетивной основы или комбинацией двух этих способов), либо получать двойное выражение: как на отрицательном слове, так и на смысловом глаголе. Во всяком случае, среди уральских языков нет таких, в которых императив при отрицании был бы выражен только на смысловом глаголе.

Классификация стратегий, использующихся при отрицании в императиве, основана в сборнике на двух параметрах: 1) совпадает ли отрицательная стратегия, использующаяся в императиве, со стандартным отрицанием; 2) совпадает ли маркирование императива с тем, которое встречается в утвердительных предложениях. Учет этих двух параметров дает простую четырехчастную типологию (см. табл., с. 136).

При этом четвертый тип, в котором и отрицание в императиве, и императив при отрицании маркируются особым образом, наиболее распространен в уральских языках. Второй тип (нестандартное отрицание, стандартное маркирование императива) также весьма частотен, тогда как первый (стандартное отрицание, стандартное маркирование императива)

⁴ Таким образом, замечание редакторов, что в нганасанском все глагольные категории выражаются в отрицательном глаголе (с. 16), все-таки неточно.

Таблица

Типология отрицания в императиве

№	Отрицание в императиве совпадает со стандартным	Императив при отрицании маркируется так же, как при утверждении	Пример уральского языка
1	+	+	нганасанский
2	—	+	селькупский
3	+	—	лесной энецкий
4	—	—	тундровый ненецкий

среди уральских языков, анализируемых в сборнике, встречается, помимо нганасанского, лишь в коми⁵ языках, а третий тип (стандартное отрицание, нестандартное маркирование императива) засвидетельствован лишь в энецком языке. К сожалению, по соображениям объема мы вынуждены опустить рассмотрение прочих типов нестандартного (и тем более неклаузального) отрицания.

Уральские языки впечатляют различными особенностями, имеющими отношение к отрицанию: венгерский — прежде всего стройностью базовой системы отрицания, в которой элементы *sem*, *se* и *sincs* при определенных условиях выступают на месте *nem*, *ne* и *nincs* соответственно (условия эти, правда, артикулированы в статье К. Э. Киш нечетко); удмуртский и марийские — наличием синтетического отрицания по крайней мере в части финитных глагольных форм; литературный коми-зырянский — возможностью употребления спрягаемого отрицания в одной клаузе с финитным смысловым глаголом для отрицания отдельно взятой составляющей. Однако больше всего поражает, на наш взгляд, материал нганасанского языка, как, впрочем, и в ряде других аспектов.

Основной отрицательный глагол *ni-* в нганасанском, пожалуй, самый регулярный отрицательный глагол среди всех уральских языков. Он образует формы всех косвенных наклонений и большинство нефинитных форм, включая коннегатив. Последняя форма, правда, используется лишь в сочетании с другими вспомогательными глаголами, как в следующем примере.

(3) НГАНАСАНСКИЙ

ɲukəgəə *maɖajtʲi* *mintʲagəni* *ni-*² *əkʲi-tʲi* *hu-*²
 many visitor probably NEG-CN maybe-PRS.3SG.S want-CN

‘He probably doesn’t want to have many visitors’ (с. 108).

Вспомогательный глагол *əku-*, являющийся вершиной предложения (3), требует, чтобы отрицательный глагол, который от него зависит, стоял в форме коннегатива; в свою очередь, отрицание объясняет коннегативную форму смыслового глагола *hu-*. Схожее поведение демонстрируют также другие вспомогательные глаголы: *kasa-* ‘чуть не’, *lədi-* ‘тщетно’ и *ɲəli-* ‘конечно’. Некоторые нерегулярности тем не менее присущи и нганасанскому отрицательному глаголу.

В статьях первой части используются различные источники данных. Для литературных языков это, прежде всего, корпуса и специально отобранные коллекции текстов (в статье об эстонском, например, в качестве одного из основных источников используются речи бывшего президента Эстонии) или собственная языковая интуиция автора. Статьи о языках, у которых отсутствует сколько-нибудь длительная литературная традиция, основываются либо практически полностью на данных опубликованных текстов и грамматик (ненецкий, селькупский), либо на материале собственной интенсивной полевой работы автора с носителями языка (хантыйский, нганасанский). В ряде случаев авторы стремятся комбинировать все возможные источники информации. При этом большинство статей остается

⁵ При этом устроены прохибитивные формы в нганасанском и коми языках принципиально различным образом.

текстоцентричным, а отрицательный языковой материал в виде исключения встречается лишь в статьях о венгерском, финском, эстонском и мансийском языках.

Большинство авторов стремится соблюсти баланс между использованием первостепенных данных одного идиома или литературной нормы и привлечением диалектного материала, однако, например, в статье о селькупском автор, хотя и основывается на северноселькупском материале, пытается тем не менее охватить данные всех селькупских языков, что может несколько запутать читателя. С другой стороны, хотелось бы найти в сборнике информацию о диалектах «больших» государственных языков (венгерского, финского, эстонского), но авторы соответствующих статей ограничиваются лишь единичными упоминаниями диалектных данных.

Вопросы сферы действия отрицания и функции фразового акцента в отрицательных предложениях обсуждаются, прежде всего, в статьях К. Э. Киш, М. Вилкуна и С. Едыгаровой, тогда как другие авторы не уделяют этим вопросам должного внимания. Мало кто из авторов эксплицитно пишет о том, могут ли какие-то из отрицательных конструкций анализироваться как двойное отрицание, хотя в статье об эстонском можно найти пример даже якобы «тройного» отрицания (с. 420), взятый из староестонских текстов.

Лишь в статье об удмуртском упоминается своеобразное поведение показателя, образующего каритивные прилагательные, в сочетании с названиями парных частей тела. В подобных сочетаниях он обозначает отсутствие сразу обеих названных частей; ср. *pid-tem* (ногасар) 'безногий'. Для того чтобы отрицать наличие одной из парных частей, используется префикс *pal-*, например, *pal-pid* 'одноногий' (с. 283). Несмотря на то что схожие явления существуют и в ряде других уральских языков, в частности венгерском⁶, они не упоминаются в других статьях.

Авторы в общем случае крайне мало распространяются о семантике даже тогда, когда это, казалось бы, необходимо. Так, в статье о южносаамском сообщается, что для отрицания императива используются два отрицательных глагола: *aell-* в запретах, *oll-* в предостережениях (с. 382), однако примеров, подтверждающих эту закономерность, нет (и вообще в статье нет ни одного примера на глагол *oll-*).

Иногда отдельные авторы противоречат сами себе. В частности, на с. 61 утверждается, что энецкие глаголы типа *pirič* 'мочь', у которых есть антонимы со «встроенным» отрицанием (в данном случае — *lodič* 'не мочь'), не могут отрицаться с помощью отрицательных глаголов, в то время как пример 73 на с. 65 иллюстрирует обратное. Однако гораздо чаще в статьях можно встретить те или иные странные утверждения: конверб на *-š* в лесном энецком требует односубъектности (с. 59); в энецком существует связка *d'agu*, возможная только в третьем лице, и регулярный лексический глагол *d'aguš*, имеющий полную парадигму (с. 70); внешний вид одной из эмфатических клитик, присоединяющихся к отрицательному глаголу в тундровом ненецком, зависит от числа подлежащего (с. 97); коми языки (коми-зырянский, коми-пермяцкий, коми-язьвинский) называются тремя диалектами (с. 239). Некоторые из подобных высказываний просто не соответствуют действительности, другие представляются как минимум спорными.

Охарактеризуем кратко вторую часть сборника. Л. Ван Алсеной и Й. ван дер Аувера в своей статье представили, пожалуй, первое типологически ориентированное сопоставительное описание неопределенных местоимений и наречий в уральских языках в целом. Авторы статьи выделяют четыре типа неопределенных местоимений и наречий, использующихся при отрицании: 1) морфологически отрицательные (исконные — в угорских языках, а также с заимствованным из русского показателем отрицания — во многих других); 2) морфологически неотрицательные местоимения и наречия, употребляющиеся исключительно в отрицательных предложениях (в частности, в северносамодийских языках); 3) местоимения и наречия с отрицательной поляризацией (*negative polarity indefinites*), то есть

⁶ В венгерском используется когнатный показатель *fél-*, при употреблении в качестве независимого слова имеющий значение 'половина', тогда как в удмуртском *pal* значит 'сторона'.

такие показатели, которые употребляются не только в отрицательных, но и в других контекстах снятой утвердительности (например, финская серия на *-(ka)An* может использоваться также в вопросах и сравнительных конструкциях); 4) нейтральные неопределенные местоимения и наречия (в частности, в эстонском, ливском, мордовских, восточнохантыйском). В языках, демонстрирующих последнюю стратегию, в ряде случаев высказывания с неопределенными местоимениями могут быть неоднозначными, ср. следующий пример из эстонского языка, где для подчеркивания отрицательной интерпретации может использоваться частица *mitte* (с. 531).

(4) ЭСТОНСКИЙ

<i>keegi</i>	<i>ei</i>	<i>mängi</i>	<i>malet</i>
who.INDEF	NEG	play	chess

a. 'Somebody doesn't play chess'.

b. 'Nobody plays chess' (с. 539).

Вне зависимости от конкретного типа все неопределенные местоимения и наречия в уральских языках требуют в отрицательных предложениях клаузуального отрицания. Сказать что-то подобное *I saw nobody* по-уральски в норме нельзя.

Статья Л. Веселиновой, написанная при участии Х. Хиргод, представляет собой попытку классификации типов нестандартного отрицания в 26 уральских языках, часть из которых не анализируется в основной части сборника. Показатели нестандартного отрицания, отличные от показателей стандартного отрицания, называются в данной работе показателями специального отрицания (*special negators*). В уральских языках исследователи выделяют три типа таких показателей: 1) используемые для отрицания экзистенциальных предложений (*negative existentials*); 2) используемые для отрицания таксономических предложений, предложений идентификации и характеристики (*ascriptive negators*); 3) используемые для отрицания любых неглагольных предикаций (*stative negators*). В статье также уделяется внимание диахроническим источникам показателей нестандартного отрицания. В последней части на материале уральских языков тестируется диахроническая модель У. Крофта, согласно которой показатели стандартного отрицания происходят из показателей экзистенциального отрицания. Статья содержит 18 страниц приложений, среди которых таблицы с исходными данными и различными классификациями, а также семантические карты, на которых изображены функции показателей нестандартного отрицания в части исследованных языков.

Статья Ф. Кифера является исправленным и дополненным вариантом его прежней работы на ту же тему и посвящена дистрибуции и продуктивности привативного (карикативного) суффикса в венгерском языке. Новый вариант статьи, однако, по-прежнему не свободен от спорных моментов и странных утверждений: например, на с. 608 утверждается, что названия цветов вместо одного имеют множество антонимов. Автором выбрана риторическая стратегия, приводящая в конечном итоге к тому, что читатель остается в полной уверенности в том, что лексика и словообразование — вещи абсолютно бессистемные. Впрочем, утверждения о непредсказуемости описываемой деривации встречаются и в самом тексте статьи (с. 606).

Название статьи Ш. Шоша — «Отрицание в восточнохантыйских нарративах с точки зрения информационного потока» — с трудом осязаемо. Во введении и аннотации сообщается, что утвердительные и отрицательные предложения чем-то отличаются друг от друга, в частности, отрицание якобы вводит только данную информацию. К сожалению, содержание статьи не позволяет читателю убедиться в истинности этого положения. Работа содержит подробнейшее описание терминологии и методологии так называемого дискурсивного функционализма, множество графиков и подсчетов, однако всего лишь пять языковых примеров, из которых три иллюстрируют хантыйское отрицание в общем, а один, по словам автора, не поддается объяснению.

Наконец, статья Дж. Манцелли посвящена четырем возможным случаям интерференции в области отрицания между тюркскими и финно-угорскими языками, распространенными

на территории Волго-Камского бассейна. Рассматриваются отрицательный кондиционал в мокшанском и тюркских, отрицательные формы второго прошедшего времени в горномарийском, удмуртском и тюркских языках, перенос ударения при отрицании на первый слог в удмуртском и татарском, прохибитив в удмуртском и чувашском языках.

Несмотря на то, что сборник издан в целом весьма добротно, отдельные опечатки все-таки встречаются: *es nem* вместо *is nem* на с. 221, *is* вместо *ist* в немецком примере на с. 609, два идущих подряд артикля *the* на с. 479, неверные библиографические ссылки в статье Ш. Шоша. Кроме того, оформление некоторых примеров способно сильно запутать читателя. Прежде всего, это касается ряда примеров в статье о марийском отрицании, в частности на с. 340—341, где зачастую строка текста не соответствует строке перевода. Ошибки в глоссах тоже встречаются; больше всего их, как кажется, в примерах из тундрового немецкого, в особенности в статье Л. Веселиновой.

Рецензируемый сборник, фиксируя базовые факты об отрицании в значительном числе уральских языков, подводит своего рода черту под одним из этапов их изучения. Сетования на разрыв между традиционной уралистикой и современной лингвистикой, а также на неосведомленность типологов в данных уральских языков, высказанные редакторами во введении, пожалуй, не стоит принимать полностью всерьез. Совершенно очевидно, что сейчас существует не только традиция частного уральского языкознания и не только традиция сравнительно-исторических уральских штудий, но и традиция типологического описания уральских языков, и рецензируемая книга — яркое тому подтверждение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
CN — коннегатив
CAR — каритив
GEN — генитив
INDEF — неопределенность
NEG — отрицание

PART — партитив
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время
PTCP.ACT — активное причастие
SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Comrie 1981 — Comrie B. Negation and other verb categories in the Uralic languages. *Congressus quintus internationalis fenno-ugristarum*. Ikola O. (ed.). Pars VI. Turku: Suomen Kielen Seura, 1981. Pp. 350—355.
- Dahl 1979 — Dahl Ö. Typology of sentence negation. *Linguistics*. 1979. Vol. 17. No. 1—2. Pp. 79—106.
- Dixon 2016 — Dixon R. M. W. *Are some languages better than others?* Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Honti 1997a — Honti L. Die Negation im Uralischen I. *Linguistica Uralica*. 1997. No. 2. Pp. 81—96.
- Honti 1997b — Honti L. Die Negation im Uralischen II. *Linguistica Uralica*. 1997. No. 3. Pp. 161—176.
- Honti 1997c — Honti L. Die Negation im Uralischen III. *Linguistica Uralica*. 1997. No. 4. Pp. 241—252.
- Miestamo 2005 — Miestamo M. *Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective*. (Empirical Approaches to Language Typology, 31.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2005.
- Wagner-Nagy 2011 — Wagner-Nagy B. *On the typology of negation in Ob-Ugric and Samoyedic languages*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 262.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011.

E. Coghill. The rise and fall of ergativity in Aramaic. Cycles of alignment change. Oxford: Oxford University Press, 2016. xxii, 381 p. (Oxford Studies in Diachronic and Historical Linguistics, 21.) ISBN 978-0-19-872380-6.

Пётр Михайлович Аркадьев

Peter M. Arkadiev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; peterarkadiev@yandex.ru

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; peterarkadiev@yandex.ru

Несмотря на то, что стратегии кодирования ядерных актантов¹ — номинативно-аккузативная, эргативная, активная и проч. — являются одним из излюбленных и наиболее детально изученных объектов лингвистической типологии, исследование их с диахронической точки зрения, в первую очередь тех случаев, когда в течение зафиксированной памятниками истории язык или группа языков меняли набор основных стратегий кодирования (например, из чисто аккумулятивных становились частично эргативными или наоборот), до сравнительно недавнего времени было «вотчиной» частных лингвистических традиций. Наиболее хорошо изученными в этом отношении, что неудивительно, являются индоевропейские языки — индоарийские и иранские. Наряду с классическими трудами Э. Бенвениста [1974/1952] и Л. А. Пирейко [1968] и целым рядом последовавших за ними публикаций можно упомянуть несколько работ недавнего времени, например, [Haig 2008; Stroński 2011; Jügel 2015]. Не меньший интерес представляют исследования эволюции эргативности, выполненные на материале совсем других языков и предлагающие убедительные реконструкции исторических процессов, не зафиксированных памятниками, см. в первую очередь уже ставшую классической книгу [Harris 1985] о картвельских языках и работы [Gildea 1992; 1998] о карибских языках.

Рецензируемая монография британской исследовательницы Элинор Когил (ныне профессора семитологии в университете Упсалы, Швеция) вводит в типологический оборот поучительный материал арамейских языков — единственных в семитской семье, обладающих эргативной конструкцией. Несмотря на то что как синхроническому, так и диахроническому изучению развития стратегий кодирования в арамейских языках посвящена весьма обширная литература, практически вся она оставалась в рамках традиционной семитологии и за редкими исключениями была неизвестна и во многих отношениях недоступна неспециалистам. Книга Э. Когил написана с очевидным расчетом на широкую аудиторию, в том числе на типологов (в частности, все примеры даются в стандартизированной латинской транскрипции и сопровождаются морфологическим глоссированием), и тем самым открывает перед не имеющими семитологической подготовки лингвистами новую и чрезвычайно важную эмпирическую область. Значимость арамейских данных для диахронической типологии эргативности определяется и тремя тысячелетиями почти непрерывной письменной традиции арамейских языков, и нетривиальными особенностями весьма разнообразных грамматических структур, возникавших в ходе их истории, и, наконец, ролью в их эволюции контактов с иранскими языками.

Книга состоит из восьми глав, нескольких приложений, библиографии и указателей. В краткой главе 1 «Introduction» дается введение в проблему и описывается дальнейшая структура книги. Глава 2 «Alignment» представляет собой типологический обзор

¹ К сожалению, в русской лингвистической традиции до сих пор не выработано адекватного однословного перевода английского термина «alignment», букв. «выравнивание» или «расстановка».

проблематики кодирования актантов. Наиболее подробная и интересная часть второй главы посвящена диахронической типологии стратегий кодирования. Отдельно рассматривается развитие в индоиранских языках так называемой «расщепленной эргативности» (split ergativity), которая, как известно, обусловлена видо-временными формами глагола (tense-conditioned ergativity): в системе прошедшего времени, перфекта или перфектива наблюдается эргативное кодирование, в то время как система настоящего времени или имперфектива устроена аккумулятивно. Сходная картина наблюдается и в арамейских языках. В целом вторая глава может быть рекомендована как глубокое и ясно написанное введение в проблематику диахронии стратегий кодирования, пригодное в том числе в преподавании.

Глава 3 «Aramaic» также может быть названа вводной. В ней выделяются следующие исторические этапы арамейских языков (с. 45; ср. [Лёзов 2009: 429—430]): древнеарамейский язык надписей из арамейских царств (IX—VIII вв. до н. э.), имперский арамейский Персидского царства (VII—III вв. до н. э.), среднеарамейский эллинистической и римской эпох (II в. до н. э. — II в. н. э.), позднеарамейский, или классический арамейский (III—VII вв. н. э.), включающий сирийский, вавилонский и классический мандейский варианты, и, наконец, многочисленные новоарамейские языки и диалекты, наиболее ранняя фиксация которых датируется XVI в. Из последних наибольшее внимание уделяется языку туройо (Турция) и группе северо-восточных диалектов (North-Eastern Neo-Aramaic; северный Ирак и западный Иран к югу от озера Урмия). Также кратко описываются основные грамматические черты арамейских языков: рефлексy общесемитской глагольной морфологии, маркирование актантов, порядок слов и именная морфология.

В главе 4 «Alignment in Eastern Neo-Aramaic dialects» описываются стратегии кодирования актантов в восточных новоарамейских диалектах. Во всех новоарамейских идиомах основным способом кодирования ядерных актантов является вершинное маркирование с помощью глагольных лично-числовых аффиксов; зависимостное маркирование именных групп либо вовсе утрачено, либо ограничено предложным оформлением определенных прямых дополнений (см. об этом [Coghill 2014]). Лишь некоторые диалекты туройо сохраняют эргативное/активное кодирование агенса, выраженного именной группой или свободным местоимением; в качестве маркера эргатива выступает предлог *l-*, имеющий также функции аккумулятива и датива.

Глагольные лично-числовые аффиксы в арамейских языках принято делить на две серии, так называемые S-суффиксы и L-суффиксы, распределение которых в зависимости от переходности глагола и его видо-временной формы и создает различия в стратегиях кодирования. «Расщепленную» эргативность иллюстрируют следующие примеры из языка туройо² (с. 56):

туройо

(1)	a. <i>nəšq-o-le</i>
целовать.PRS-S(NOM).3SG.F-L(ACC).3SG.M
'Она целует его'.	b. <i>dəmx-o</i>
спать.PRS-S(NOM).3SG.F
'Она спит'.
(2)	a. <i>nšiq-o-le</i>
целовать.PST-S(ABS).3SG.F-L(ERG).3SG.M
'Он поцеловал ее'.	b. <i>damix-o</i>
спать.PST-S(ABS).3SG.F
'Она спала'.

Как следует из примеров (1a) и (1b), в настоящем времени S-суффикс маркирует агенса переходного глагола и субъект непереходного, в то время как L-суффикс маркирует объект переходного глагола, тем самым кодирование актантов следует аккумулятивной модели. Напротив, в прошедшем времени S-суффикс маркирует субъект непереходного глагола (2b) и объект переходного, а L-суффикс маркирует агенса переходного глагола (2a), так что стратегия кодирования эргативная. «Расщепленная» эргативность такого типа представлена в языке

² Здесь и далее глоссирование, используемое в рецензируемой монографии, адаптировано к Лейпцигским правилам.

туройо и ряде еврейских диалектов, распространенных к востоку от реки Большой Заб (северный Ирак и западный Иран). В прочих же новоарамейских идиомах наблюдается последовательное аккузативное маркирование, при этом во многих из них временная форма глагола обуславливает выбор показателя, кодирующего субъект как переходного, так и непереходного глагола: в настоящем времени S-суффиксы, в прошедшем — L-суффиксы. Тем самым фактически такие аккузативные системы отличаются от аккузативно-эргативной системы в туройо лишь формой лично-числовых суффиксов у непереходных глаголов в прошедшем времени (отмечу, что, к сожалению, об этом можно судить лишь по словесному описанию, поскольку примеров непереходных глаголов в соответствующем разделе главы почему-то не приводится). Очевидно, что такая ситуация могла сложиться лишь в результате перестройки прежней «расщепленно-эргативной» системы, а именно путем обобщения L-суффиксов в качестве маркеров подлежащего в прошедшем времени. Такому аналогическому выравниванию способствует то обстоятельство, что на самом деле во всех новоарамейских идиомах с эргативностью в прошедшем времени L-суффиксы используются для кодирования не только агенса переходного глагола, но и субъекта некоторых непереходных глаголов, поэтому стратегию кодирования актантов корректнее называть не эргативной, а активной или «семантической» (semantic alignment, см. [Donohue, Wichman (eds.) 2008]). Так, в еврейском диалекте Сулеймании глагол 'кричать' принимает в прошедшем времени L-суффикс (*srəx-le* 'он крикнул'), а глагол 'спуститься' — S-суффикс (*kwiš-Ø* 'он спустился') (с. 73).

Помимо этого, в ряде еврейских диалектов наблюдается не-аккузативное кодирование актантов в формах перфекта, причем если в одних диалектах (Сулеймания, Санандадж) кодирование актантов в перфекте в целом следует модели прошедшего времени, то в некоторых других диалектах (например, в урмийском) перфект является единственной формой с не-аккузативным кодированием.

В новоарамейских языках встречаются также разнообразные вариации кодирования актантов, связанные с такими параметрами, как лицо и определенность (неопределенный или нереферентный объект может не вызывать согласования в глаголе, а определенный или референтный в ряде диалектов маркируется предлогом). Так, в еврейском диалекте Сулеймании индексирование пациенса 1 или 2 лица в глаголах прошедшего времени невозможно, и они должны выражаться предложными формами местоимений, ср. пример (3) (с. 69).

ЕВРЕЙСКИЙ ДИАЛЕКТ СУЛЕЙМАНИИ

- (3) a. **gor-äke lbäl-na-le*
 человек-DEF взять.PST-S(ABS).1SG-L(ERG).3SG.M
 b. *gor-äke lbäl-le ?all-i*
 человек-DEF взять.PST-L(ERG).3SG.M ACC-1SG
 'Человек взял меня'.

Напротив, в туройо объект 1 или 2 лица при прошедшем времени глагола выражается с помощью L-суффикса, следующего за L-суффиксом, индексирующим агенса (4a), в отличие от объекта 3 лица, кодируемого S-суффиксом, присоединяющимся по общему правилу ближе к корню, чем L-суффиксы (4b) (с. 86).

ТУРОЙО

- (4) a. *grəš-le=lux*
 тянуть.PST.TR-L(ERG).3SG.M=L(ACC).2SG.M
 'Он тащил тебя'.
 b. *grīš-i-le*
 тянуть.PST.TR-S(ABS).3PL-L(ERG).3SG.M
 'Он тащил их'.

Таким образом, существенным упрощением было бы считать, что новоарамейские диалекты являются либо последовательно аккузативными, либо «расщепленно-

эргативными», — в действительности, в зависимости от тех или иных факторов, в них представлены различные сочетания стратегий кодирования, включая трехчастную и активную, проявляющиеся в форме и позиции глагольных аффиксов, а также в оформлении объектных именных групп.

Отдельно Когил рассматривает вопрос о синтаксической эргативности в новоарамейских языках, т. е. о синтаксических конструкциях и процессах, одинаково трактующих субъект непереходного глагола и объект переходного в отличие от агенса переходного. Ни один из стандартных критериев (сочинительный эллипсис, контроль рефлексивов, релятивизация) не дает положительного результата.

Большое место в главе 4 уделено непереходным глаголам, допускающим «активное» кодирование субъекта с помощью L-суффиксов. Когил подробно анализирует глаголы, представляющие такие лексико-семантические группы, как телесные проявления ('кашлять', 'испражняться'), звукопроизводство человека, животных и природных объектов, перемещение, деятельность одушевленного агенса ('танцевать', 'работать'), и показывает, что основные группы глаголов с «активным» кодированием субъекта в туройо и северо-восточных новоарамейских диалектах составляют глаголы, обозначающие телесные функции и звуки животных, к которым в туройо добавляются также некоторые глаголы перемещения. Как показывает Когил, с типологической точки зрения такие лексические ограничения, скорее, указывают на акциональную (связанную с неопределенностью), нежели ролевую (связанную с агентивностью) семантическую доминанту, а в ареальном плане хорошо согласуются с данными географически близких неродственных языков (иранских, картвельских и лезгинских).

Главы 5, 6 и 7 посвящены диахронии стратегий кодирования актантов в арамейских языках. В главе 5 «The verbal system and alignment in earlier Eastern Aramaic» описываются глагольная система и выражение актантов в поздневосточноарамейских языках, в первую очередь сирийском. Основное внимание уделяется функционированию конструкции (традиционно называемой *Qṭil li*), состоявшей из пассивного причастия и актанта с дативным предлогом *l-*, как правило, соответствовавшего подлежащему активной конструкции; именно эта конструкция является диахроническим источником форм прошедшего времени в новоарамейских языках. В целом кодирование актантов в позднеарамейских языках следовало аккузативной модели: и субъект непереходного, и агенс переходного глагола обязательно выражались общесемитскими лично-числовыми суффиксами; определенный объект переходного глагола, равно как и непрямой объект, маркировались предлогом *l-* и нередко индексировались на глаголе общесемитскими объектными суффиксами. Тем не менее конструкция *Qṭil li* использовалась в функции акционального перфекта от переходных глаголов с выраженным агенсом, как в следующем примере из сирийской «Книги законов стран» (с. 114):

КЛАССИЧЕСКИЙ СИРИЙСКИЙ

- (5) *qrē-n* *l-āk* *ktābē* *d-kaldāyē* *da-b-bābel*
 читать.PP-PL.M DAT-2SG.M книга(М).PL GEN-халдеи REL-в-Вавилон

‘Читал ли ты книги вавилонских халдеев?’ (букв. ‘прочитаны ли у тебя книги...’)

В главе 5 на большом корпусе сирийских, вавилонских и классических мандейских примеров подробно обсуждаются морфосинтаксические характеристики конструкции *Qṭil li*: выражение пациенса (формального субъекта конструкции) с помощью лично-числового согласования, в частности немногочисленные случаи отсутствия согласования и единичные примеры предложного маркирования, ср. (6) из сирийских «Деяний святых и мучеников» (с. 125), где оба ядерных участника маркируются одним и тем же предлогом *l-*:

КЛАССИЧЕСКИЙ СИРИЙСКИЙ

- (6) *kaḏ* *ʔasir-Ø* *l-eh* *l-sāṭānā* *b-šēšaltā*
 когда связать.PP-3SG.M DAT-3SG.M DAT-Сатана INS-цепь

‘после того, как он связал Сатану цепью’

Что же касается выражения агенса с помощью дативной группы, то, по данным Когил, уже в классических арамейских языках есть свидетельства того, что такие группы с местоименным объектом вели себя как энклитики (практически всегда следовали непосредственно за причастием и записывались слитно с ним, подвергались сандхи, обычно повторялись при сочиненных причастиях). В редких случаях, когда агент был выражен именной группой, местоименная энклитика, как правило, сохранялась, что вызывало двойное маркирование, как в примере (7) из еврейского вавилонского (с. 131). Была возможна и топиализация агенса без предлога, а в сирийском — и выражение агенса именной группой с предлогом без кореферентного местоимения.

ЕВРЕЙСКИЙ ВАВИЛОНСКИЙ

- (7) *ʔi šmīš-ā l-eh li-šmuʔel hā d-tany-ā*
 если слышать.PP-SG.F DAT-3SG.M DAT-Самуил этот.SG.F REL-повторить.PP-SG.F
 ‘Если Самуил услышал то, что было повторено...’

Подробно обсуждается роль коммуникативной структуры в выражении агенса. Как уже было сказано, наиболее часто встречалась конструкция с местоименным, т. е. высоко топикальным, агенсом, и лишь в сирийском отмечаются конструкции с фокусированным агенсом. Небезынтересен и тот факт, что конструкция *ʔil li* систематически употребляется в относительных предложениях, преимущественно при релятивизации объекта; впрочем, примеры с релятивизацией агенса также встречаются. Что касается лексического состава конструкции, то в классических арамейских языках она образуется почти исключительно от переходных глаголов.

Глава 6 «The origin and development of the *ʔil li* construction» во многих отношениях является центральной в книге. В ней Когил подвергает критическому разбору существующие теории возникновения конструкции *ʔil li* и выдвигает свою собственную гипотезу, основанную на детальном исследовании лексических и синтаксических свойств конструкции в ранних арамейских языках. В предшествующих исследованиях данной проблемы, как и в работах, посвященных аналогичному развитию конструкций с пассивным причастием и агенсом в косвенном падеже в индоиранских языках, выдвигались две основные теории развития *ʔil li*: из пассивной конструкции с выраженным агенсом (данная концепция была подвергнута сомнению уже в 1960-е гг., в частности, на основании того, что регулярным способом выражения агенса в пассиве был предлог *men*, а не дативный *l-*) либо из посессивного перфекта с реанализом обладателя как агенса (гипотеза Э. Бенвениста). Кроме того, предполагалось контактное влияние древнеперсидского, где конструкция *manā krtam* ‘мною/у меня сделано’ обладала во многом сходными чертами.

Когил выдвигает целый ряд аргументов против «посессивной» и «пассивной» гипотез о происхождении конструкции *ʔil li*. Во-первых, морфосинтаксически конструкция была предикативной, а не атрибутивной, как предполагала бы концепция посессивного перфекта; кроме того, в классических арамейских языках в посессивных конструкциях выступала бытийная связка, отсутствующая в *ʔil li*. Во-вторых, гипотеза о пассивном происхождении *ʔil li* сомнительна с функциональной точки зрения, поскольку, как уже было отмечено выше, в классических арамейских языках агент конструкции был почти исключительно топикальным, что противоречит коммуникативным функциям пассива, где, если агент вообще выражен, он является рематическим. Более того, связь *ʔil li* с топикальным агенсом отмечается и на более ранних стадиях развития конструкции.

Для уточнения функций *ʔil li* Когил проводит сплошной анализ всех несомненных примеров этой конструкции из корпуса раннесирийских текстов и приходит к выводу, что почти половина (22 из 46) всех употреблений приходится на глаголы восприятия и знания (*šmī* ‘слышать’, *hzy* ‘видеть’, *hkm* ‘знать’ и т. п.). Такое распределение наводит на мысль о том, что исходным значением конструкции было кодирование не посессора и не агенса пассива, а экспериенцера, что хорошо согласуется как с независимо отмеченной в арамейских языках дативной стратегией выражения субъекта восприятия и мысли при медиопассивных

породах тех же глаголов, так и с преимущественной топикальностью дативной группы. Аналогичное распределение наблюдается и в еврейском вавилонском. При этом Когил отмечает, что изначально конструкция *Qṭil li* выражала меньшую степень агентивности восприятия, нежели конструкции с номинативным субъектом при тех же глаголах ('я видел' vs. 'мне было видно'), но со временем приобрела и агентивное значение, с которым затем проникла и в другие лексические группы переходных глаголов. Схематически предлагаемый Когил сценарий эволюции представлен в таблице 1 (ср. с. 194).

Таблица 1

Функциональная эволюция конструкции *Qṭil li* в позднеарамейском

Форма		Глаголы восприятия и знания		Прочие переходные глаголы
		Меньшая агентивность	Большая агентивность	
Финитный глагол (прошедшее время)		<i>ʔeṭḥzi l-i</i> 'мне показалось'	<i>ḥzay-t</i> 'я увидел'	<i>qṭal-t</i> 'я убил'
Пассивное причастие (перфект)	Стадия 1	<i>ḥzē l-e</i> 'мне показалось'	—	—
	Стадия 2	<i>ḥzē l-e</i> 'мне показалось'	<i>ḥzē l-e</i> 'я видел'	—
	Стадия 3	<i>ḥzē l-e</i> 'мне показалось'	<i>ḥzē l-e</i> 'я видел'	<i>qṭil l-i</i> 'я убил'

Для объяснения употреблений конструкции *Qṭil li* с переходными глаголами действия, такими как *ʿbd* 'делать' или *bny* 'строить', Когил обращается к примерам, допускающим понимание дативной группы и как агенса, и как бенефицианта, ср. (8) из классического мандейского (с. 213):

- КЛАССИЧЕСКИЙ МАНДЕЙСКИЙ
- (8) *b-škinat-un* *ḏ-škin-a-l-ḥ* *l-ab-Ø*
 в-жилище(F)-POSS.3PL.M REL-основать.PP-PL.F-DAT-3SG.M DAT-отец-POSS.1SG
 'в их [тайных] жилищах, которые основал мой отец/которые были основаны для моего отца'

Когил выдвигает гипотезу о том, что промежуточной стадией реанализа бенефицианта как непосредственного агенса могло быть бенефактивно-каузативное понимание: 'было сделано для меня' > 'было сделано по моей воле' > 'я сделал'. При этом реанализ достиг финальной стадии уже в сирийском, где отмечаются примеры вроде (9) с двумя дативными группами, первая из которых кодирует агенса, а вторая — бенефицианта (с. 216).

- КЛАССИЧЕСКИЙ СИРИЙСКИЙ
- (9) *da-mʿattq-in* *l-i* *l-āk*
 REL-готовить.PP-PL.M DAT-1SG DAT-2SG.M
 'то, что я приготовил для тебя'

Таким образом, конструкция *Qṭil li* имеет два независимых, но связанных между собою источника — кодирование экспериенцера при глаголах знания и восприятия и кодирование бенефицианта при пассиве, — претерпевших функциональную и структурную конвергенцию. При этом, несмотря на то что гипотеза о происхождении *Qṭil li* из **пассивной конструкции** с выраженным агенсом отвергается как несостоятельная, Когил подчеркивает первостепенную значимость **пассивной диатезы** причастия в развитии эргативности. Действительно, именно объектная ориентация причастия оказалась основной предпосылкой для возникновения эргативного кодирования актантов.

Важной стадией развития конструкции *Qṭil li* стало ее превращение из перфекта с относительно ограниченной «функциональной нишей» в стандартный способ выражения

перфективного прошедшего — развитие, хорошо документированное во многих языках как в Юго-Западной Азии, так и за ее пределами. Во многом аналогичным образом конструкции с предикативными активными причастиями превратились в новоарамейских языках в формы настоящего времени. Помимо этого, Когил описывает также морфологические процессы, приведшие к возникновению новоарамейских S-суффиксов и L-суффиксов: если последние прозрачно восходят к дативным местоименным энклитикам, то первые являются результатом слияния окончаний причастий с энклитическими субъектными местоимениями (в случае 1 и 2 лица), либо продолжают древние причастные суффиксы (для 3 лица).

Как уже было отмечено выше, новоарамейские языки, за исключением туройо, утратили представленное в классическом арамейском кодирование «эргативного» агенса, выраженного именной группой, с помощью дативного предлога. Тем не менее в новоарамейских языках встречается дативное маркирование фокусированного агенса в пассивных конструкциях, отличающихся от активных отсутствием обязательного кодирования агенса с помощью L-суффиксов, ср. следующий пример из христианских рукописей Мосульской равнины (с. 235), где представлены обе конструкции:

ХРИСТИАНСКИЙ ДИАЛЕКТ РУКОПИСЕЙ МОСУЛЬСКОЙ ДОЛИНЫ

- (10) *ṡāw de-lviš-Ø l-ṡalāhā wa-lveš-Ø-lan*
 он REL-одеть.PST-S.3SG.M DAT-Бог и-одеть.PST-S.3SG.M-L.1PL
 ‘Тот, Кто был одет Богом и Кого мы одели’.

Наконец, возвращаясь к роли языковых контактов в развитии арамейской конструкции *Qṭil li*, Когил выделяет следующие свойства, характерные для целого ряда языков Передней Азии и Кавказа (арамейских, картвельских, иранских и некоторых нахско-дагестанских): 1) наличие конструкции с не-аккузативным кодированием (необязательно строго эргативной), обусловленной прошедшим временем или перфективным аспектом; 2) это кодирование проявляется лишь на морфологическом уровне, не затрагивая синтаксиса; 3) некоторые непереходные глаголы, а именно, в первую очередь, глаголы звукопроизводства и телесных функций, кодируют своего субъекта так же, как агенса переходных глаголов. Роль контакта арамейских языков с иранскими проявилась в том, что последние способствовали семантическому развитию и распространению конструкции *Qṭil li*, которая сама по себе возникла независимо от внешних влияний. При этом отрицать значимость иранского влияния, по мнению Когил, ошибочно, поскольку в его пользу говорит и относительная хронология развития аналогичных конструкций в двух группах языков, и отсутствие эргативности в тех семитских и арамейских языках, которые находились вне иранской сферы.

В главе 7 «The decline of ergative alignment and new developments» рассматриваются исторические процессы, приведшие к исчезновению эргативности в большей части восточно-арамейских диалектов. Основные факторы этого развития — это, во-первых, аналогичное обобщение оформления субъекта с помощью L-суффиксов на непереходные глаголы и, во-вторых, развитие новых стратегий оформления переходного объекта, нарушавшие его формальную идентификацию с непереходным субъектом. При обсуждении первого фактора Когил среди прочего приводит примеры непереходных глаголов, способных сочетаться с конструкцией *Qṭil li* уже в классических арамейских языках. Интересно, что этот класс включал в себя вовсе не глаголы звукопроизводства и телесных функций, а в первую очередь предикаты перемещения (*qwm* ‘встать’, *hlk* ‘идти’) и деятельности (*šwm* ‘поститься’). Когил выдвигает гипотезу о том, что распространение модели *Qṭil li* на эти глаголы могло быть связано с отсутствием у них способа выражения экспериментивного перфекта, характерного для конструкции *Qṭil li* от переходных глаголов. Действительно, стандартная субъектно-ориентированная конструкция с отглагольным прилагательным и энклитическим местоимением, давшая впоследствии новоарамейское прошедшее время (пациентивных) непереходных глаголов, использовалась лишь в стативном (результативном) значении.

Отдельно рассматривается судьба старой формы прошедшего времени с S-суффиксами (past-S), которая сохранилась даже в тех новоарамейских диалектах, где выражение субъекта

с помощью L-суффиксов было генерализовано. В некоторых северо-восточных новоарамейских диалектах (например, в еврейских диалектах Амадии и Бетануре и в христианском диалекте Телкепе) эта форма выражает пассивный перфект переходных глаголов, в других (например, в еврейском диалекте Заху), скорее, активный имперсонал с подразумеваемым агенсом множественного числа, в третьих же (например, в христианском диалекте Артувина и еврейских диалектах Урмии, Кёй Санджака и Рустаки) она приобрела специализацию для выражения перфекта непереходных глаголов. Последний тип употребления *PAST-S* является архаизмом, поскольку представлен он в географически и генеалогически отдаленных идиомах, а также в текстах XVII в. на еврейском диалекте Нервы. В указанных диалектах возникла асимметричная система прошедших времен: если у переходных глаголов бывшая конструкция *Qtil li* была единственной формой, сочетающей значения претерита и перфекта, то у непереходных глаголов различались претерит (< *Qtil li*) и перфект/результатив (< *PAST-S*). Эта асимметрия разрешалась разными способами: в христианском диалекте бохтан и языке млахсо перфект с S-суффиксами распространился по аналогии на переходные глаголы, а в еврейском урмийском и ряде других диалектов переходный перфект стал использовать конструкцию с результативным причастием и связкой; в большей части северо-восточных новоарамейских диалектов, однако же, конструкция *PAST-S* вообще была утрачена и новая конструкция с результативным причастием и связкой ныне используется в качестве перфекта и у непереходных, и у переходных глаголов.

В главе 8 «Conclusions» Когил подводит итоги книги и обсуждает ряд важных следствий из своей работы для диахронической типологии стратегий кодирования актантов. Основное состоит в том, что арамейские данные, наряду с индоиранскими и севернорусскими, указывают на появление новых стратегий кодирования актантов именно вследствие развития видо-временной системы, в особенности возникновения и распространения новых перфектных конструкций. При этом эргативность появляется лишь в том случае, если, во-первых, новый перфект использует пассивное причастие (в отличие от, например, современных арабских диалектов или балто-славянских языков, где перфект строится с помощью активных причастий) и, во-вторых, если перфект от переходных глаголов строится по непереходной модели, в которую может быть введен агенс в косвенном падеже (в отличие от сохраняющего грамматическую переходность западноевропейского *habeo*-перфекта). Не менее важно и то, что сценарии развития тех или иных конструкций обусловлены такими «частными» и требующими детального изучения факторами, как конкретные значения маркера, использующегося для кодирования агенса, лексико-семантические классы глаголов, с которыми в первую очередь сочетается новая конструкция (например, различие между глаголами физического действия и восприятия), ее видо-временная семантика (например, противопоставление результативного и экспериентивного значений), а также конкретно-языковыми морфосинтаксическими свойствами конструкций и их элементов. На с. 302—303 Когил приводит обобщающую таблицу, представляющую типологию диахронических путей развития перфекта с точки зрения результирующих стратегий кодирования актантов, которую я в сокращенном виде приведу ниже (см. табл. 2, с. 148).

Обширные приложения содержат корпус примеров конструкции *Qtil li* в классическом сирийском, вавилонском и классическом мандейском, а также ряд других примеров и списки глаголов. Здесь следует отметить, что одно из несомненных достоинств книги Когил — обилие и разнообразие примеров из множества арамейских идиомов разных эпох, причем на каждое явление автор, как правило, приводит более одной иллюстрации, а в некоторых случаях, особенно для ранних и древних текстов, такие примеры исчисляются десятками. Богатство иллюстративного материала позволяет читателю не только оценивать эмпирическую обоснованность выводов автора, но и даже делать самостоятельные наблюдения.

Книга Когил радует практически полным отсутствием опечаток, что, к сожалению, как не раз приходилось отмечать, нехарактерно даже для лучших современных издательств и в чем, по всей видимости, немалая доля заслуги автора. Достойных упоминания критических замечаний, за исключением уже отмеченной иллюстративной лакуны в главе 4, у рецензента нет.

Таблица 2

Диахроническая типология перфекта и стратегии кодирования

Исходная конструкция	Предпосылки развития перфекта	Морфосинтаксические признаки	Исходная лексическая дистрибуция	Стратегия кодирования актантов	Примеры
Глагольная посессивная конструкция с причастием	Глагол 'иметь'	'иметь' как вспомогательный глагол; причастие в форме атрибута или вторичного предиката	Предельные переходные глаголы	Аккузативная	Романские и германские языки
Посессивная предикация с посессором в косвенном падеже и причастием	Посессивная конструкция с посессором в косвенном падеже	Причастие в форме атрибута или вторичного предиката	Предельные переходные глаголы	Эргативная	Латынь?
Пассивное причастие + вовлеченный участник	Более частотное выражение вовлеченного участника	Одинаковые маркеры агенса и вовлеченного участника; причастие в предикативной форме	Предельные переходные глаголы	Эргативная	Северно-русские диалекты
Пассивное причастие + бенефициант	—	Одинаковые маркеры агенса и бенефицианта; причастие в предикативной форме	Переходные предельные глаголы	Эргативная	Восточно-арамейские?
Пассивное причастие + экспериенцер	—	Одинаковые маркеры агенса и экспериенцера; причастие в предикативной форме	Переходные глаголы восприятия и знания	Эргативная	Восточно-арамейские
Причастие без залоговой ориентации	Наличие неориентированного причастия	Причастие в предикативной форме	—	Аккузативная	Западно-арамейские, новый перфект в СВ ново-арамейских
Активное причастие	Наличие активного причастия	Причастие в предикативной форме	—	Аккузативная	Арабские диалекты, балтийские языки

Книга Когил наглядно демонстрирует плодотворность синтеза достижений частной лингвистической традиции, в том числе scrupulousного филологического анализа древних текстов, с теоретическими и методологическими установками современной типологии. Когил не только квалифицированный «классический» семитолог, разбирающийся в особенностях письменных памятников и не считающий нужным «избавлять» читателя от сносок, тщательно фиксирующих расхождения между ними, но и полевой лингвист, владеющий всеми методами анализа живого языка и хорошо разбирающийся в типологических и теоретических материях.

Заключая, еще раз подчеркну, что книга Элинора Когил показывает, насколько значимы при изучении изменений в стратегиях кодирования актантов, относящихся к «базовой» грамматике

языка, такие, казалось бы, частные факторы, как лексико-семантические классы глаголов и характерные для них модели управления, семантика видо-временных форм и падежных маркеров, наконец, динамически взаимодействующие оппозиции между формами, конструкциями и глагольными классами. Богато проиллюстрированное и ясно изложенное детальное описание всех этих факторов на разных хронологических срезах и в разных идиомах, встроенное в эмпирически обоснованную концепцию и сопровождающееся ценными наблюдениями ареального и общетипологического свойства, делают рецензируемую книгу исключительно важным событием не только и, возможно, даже не столько в семитологии (о чем рецензент, не будучи специалистом, не может судить), сколько в первую очередь в типологии, причем как в типологии стратегий кодирования актантов, так и в типологии перфекта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	NOM — номинатив
ABS — абсолютив	PAST — прошедшее время
ACC — аккузатив	PL — множественное число
DAT — датив	POSS — посессор
DEF — определенный артикль	PP — пассивное причастие
ERG — эргатив	PRS — настоящее время
F — женский род	PST — прошедшее время
GEN — генитив	REL — релятивизатор
INS — инструменталис	S — S-суффикс
L — L-суффикс	SG — единственное число
M — мужской род	TR — переходность

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бенвенист 1974/1952 — Бенвенист Э. Пассивное оформление перфекта переходного глагола // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 192—202. [Benveniste É. The passive construction of the transitive perfect. Benveniste É. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress, 1974. Pp. 192—202.] (Benveniste É. La construction passive du parfait transitif. *Bulletin de la Société Linguistique de Paris*. 1952. Vol. 48. Pp. 52—62.)
- Лёзов 2009 — Лёзов С. В. Арамейские языки // Белова А. Г., Коган Л. Е., Лёзов С. В., Романова О. Е. (ред.). Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 414—496. [Lezov S. V. Aramaic languages. *Yazyki mira. Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki*. Belova A. G., Kogan L. E., Lezov S. V., Romanova O. E. (eds.). Moscow: Academia, 2009. Pp. 414—496.]
- Пирейко 1968 — Пирейко Л. А. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М.: Наука, 1968. [Pireyko L. A. *Osnovnye voprosy ergativnosti na materiale indoiranskikh yazykov* [Basic issues of ergativity in Indo-Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1968.]
- Coghill 2014 — Coghill E. Differential object marking in Neo-Aramaic. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 2. Pp. 335—364.
- Donohue, Wichman (eds.) 2008 — Donohue M., Wichman S. (eds.). *The typology of semantic alignment*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Gildea 1992 — Gildea S. *Comparative Cariban morphosyntax: On the genesis of ergativity in independent clauses*. PhD dissertation. Eugene: Univ. of Oregon, 1992.
- Gildea 1998 — Gildea S. *On reconstructing grammar: Comparative Cariban morphosyntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
- Haig 2008 — Haig G. *Alignment change in Iranian languages: A Construction Grammar approach*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2008.
- Harris 1985 — Harris A. C. *Diachronic syntax: The Kartvelian case*. San Diego (CA): Academic Press, 1985.
- Jügel 2015 — Jügel Th. *Die Entwicklung der Ergativkonstruktion im Alt- und Mitteliranischen. Eine korpusbasierte Untersuchung zu Kasus, Kongruenz und Satzbau*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015.
- Stronński 2011 — Stronński K. *Synchronic and diachronic aspects of ergativity in Indo-Aryan*. Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 2011.

С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова (ред.). Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. 300 с. [S. G. Shulezhkova, A. A. Osipova (eds.). *Daite miru shans! Slovar' sovremennykh politicheskikh lozungov Rossii i Germanii* [Give peace a chance! Dictionary of Russian and German political slogans]. Magnitogorsk: Magnitogorskii Dom pechati; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016. 300 p.] ISBN 978-5-7114-0583-2*.

Валерий Михайлович Мокненко

Valerii M. Mokienko

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; mokienko40@mail.ru

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mokienko40@mail.ru

Лозунг давно стал настолько концентрированным символом политической пропаганды, что многими языковедами не воспринимается как лингвистическое явление, достойное специального анализа. Не случайно в большинстве словарей лингвистических терминов это понятие отсутствует. В толковых словарях русского языка также подчеркивается, прежде всего, его политико-пропагандистская доминанта. Типична дефиниция этого слова: «**ЛОЗУНГ**, -а, м. [нем. *Losung*]. 1. Призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или политические требования. // Кратко выраженная идея, ведущий принцип, которым руководствуется в жизни человек, индивидуум. 2. Плакат с таким призывом» [БТС: 504].

Естественно, что на идеологическую подоплеку этого термина не могли не оказать влияния экстралингвистические изменения в жизни России и Германии последнего времени. Так, новая избирательная система привела к тому, что *лозунг* стал обозначать и «краткую фразу из 2-5 слов, адресованную избирателям и образно выражающую основную идею имиджа кандидата (избирательного объединения, блока) и идею избирательной кампании» [Полит-словарь.ру]. Широко используются лозунги не только властными структурами, но и оппозицией, благотворительными и религиозными организациями и т. п., что ведет к расширению функционального диапазона этого пропагандистского жанра. Более того, современные русские лозунги, как это ни парадоксально, по форме и содержанию начинают тесно смыкаться с рекламными роликами, иногда представляя собой языковой симбиоз с последними.

Сама этимология в какой-то степени объясняет довольно широкий терминологический диапазон слова *лозунг*. Известно, что в русском языке оно заимствовано из немецкого *die Losung*, которое первоначально значило ‘пароль или опознавательный знак’, а еще более конкретно — ‘опознавательный крик’. Именно в этом военном значении его впервые употребил Петр I в 1704 г. [Фасмер, II: 513]. Немецкое же слово известно уже с XV в. и образовано от глагола *losen* ‘бросать жребий, решать что-либо с помощью жеребьевки’ (ср. нем. *das Los* ‘жребий’ [DN: 426; Pfeifer: 812]). Такой путь заимствования подтверждает и словарь В. И. Даля, дающий этому слову такую характеристику: «**ЛОЗУНГ** м. воен. с немецк. слово, для опознавания часовыми своих, при входе и выходе ночью из места расположения войска. *Пароль, отзвыв и лозунг отдаются на одну начальную букву, для облегченья памяти*» [Даль², II: 264].

Немецкий язык, собственно говоря, сохранил оба значения слова *Losung* — политическое ‘призыв, лозунг’ и военное ‘пароль, пропуск’, причем второе сейчас употребительнее первого. Более того, в семантическую его структуру вклиниваются и такие далекие по значению омонимы, как ‘жеребьевка’ (спортивное), ‘тираж, лотерея [займа]’, ‘помёт’ (охотничье), что также является косвенным доказательством его исконности в немецком языке.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062).

Один момент в истории этого заимствования кажется особо важным: с Петровского времени и до начала XX в. германизм *лозунг* употребляется в русском языке лишь как военный термин, синонимичный слову *пароль*, заимствованному из французского. Характерно, что в переиздании словаря В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене точно воспроизведена словарная статья первого издания [Даль, II: 682]. Известно, что у Бодуэна де Куртене было обостренное внимание ко всем семантическим приращениям русской лексики, особенно если она относилась к социально-политической области. Это свидетельствует о том, что в начале прошлого века «лозунговое» (в современном смысле) значение слова *лозунг* еще не прорвалось в активное употребление. Оно прямое немецкое наследие социал-демократической и коммунистической идеологии. Не случайно в других европейских языках понятие «лозунг» обозначается иными словами — англ. *slogan*, фр. *mot d'ordre*, чеш. *heslo* и т. п. Кстати, лексемное расхождение сейчас востребовано при попытках разграничить *лозунг* и *рекламный ролик*, ср.: *политический лозунг* vs. *рекламный слоган*.

Как видим, даже краткий экскурс в историю термина «лозунг» обнаруживает его семантическую и функциональную специфику в русском языке. Изначально он был идеологемой ленинизма, но смена политической структуры российского общества и ориентация на западные ценности не могли, как уже говорилось, оставить идеологическую семантику этого термина неизменной. Но поскольку потребность в емких и однонаправленных призывах к народу не уменьшилась, то расширился и его диапазон. Не случайно современный русский язык и здесь обогатился новым синонимом этого понятия — англицизмом *слоган*. И в tandem с привычным *лозунгом* он уже дает семантическую подвижку в сторону рекламного ролика.

История термина *лозунг* и расширение функционального диапазона современных лозунгов alias слоганов в какой-то мере объясняет отсутствие единообразия в выборе лозунгов для рецензируемого словаря и даже определенный диссонанс в понимании термина *лозунг* по сравнению с его традиционными дефинициями, приведенными выше. Некоторые из представленных в рецензируемом Словаре «лозунгов», как будет показано ниже, не всегда можно назвать лозунгами в строгом терминологическом понимании. Авторам следовало бы четче сформулировать критерии отбора материала.

При всех исторических и идеологических мутациях термина «лозунг» в русском обществе и языке он оставался и остается европеизмом и подчиняется тем же функционально-семантическим закономерностям, что и его эквиваленты в других славянских и неславянских языках Европы. Это убедительно доказывают авторы рецензируемого «Словаря современных политических лозунгов России и Германии», составленного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Немецкого Научного Общества (DFG) в рамках совместного проекта «Das publizistische Arsenal gesellschaftlicher Bewegungen in Russland und Deutschland. Verbale Mittel zur Konfliktlösung und zur Erreichung von Toleranz» (DFG: WA 1689/5-1). Это первый опыт лексикографической систематизации политических жанров малой формы русского и немецкого языков, причем систематизации с четко выраженной лингвистической направленностью, без чрезмерных идеологических «перехлестов» и субъективных оценок и переоценок. Авторы стремятся точно и корректно воспроизводить зафиксированные ими лозунги, предлагая читателю объективированную дефиницию описываемых единиц и снабжая словарные статьи множеством контекстных иллюстраций, отражающих политическую ангажированность, заложенную в них. Словник книги тем самым становится яркой палитрой лозунгов, призывов, здравий, девизов, активно используемых в современном коммуникативном пространстве различными политическими партиями и общественными движениями России и Германии.

Количественно рецензируемый Словарь может показаться небольшим: в нем около 250 устойчивых словесных комплексов, ставших лозунгами, из которых четыре пятых — русские и одна пятая — немецкие. Но по качественной насыщенности и лексикографической наполненности это оригинальный и инновативный лексикографический труд со всеми необходимыми параметрами соответствующего лингвистического жанра.

Словарные статьи, расположенные по алфавиту первого компонента, четко и достаточно единообразно структурированы по пяти параметрам — в лексикографических традициях «Большого словаря русских крылатых слов» [Берков и др. 2000; 2008—2009]. После заголовочной вокабулы следует указание на первоисточник лозунга (обычно весьма развернутое), история его перехода в крылатое выражение и эволюции в публицистическом дискурсе. Далее предлагается семантико-функциональная дефиниция описываемого выражения, которая затем подтверждается обильным иллюстративным материалом из прессы, Национального корпуса русского языка и интернет-источников. В этой рубрике ценным подразделом является иллюстративная часть с обилием вариантов и трансформаций разного типа. Наконец, в конце словарной статьи читатель получает исчерпывающую библиографическую справку о фиксациях описываемого лозунга в хронологическом порядке.

Представление о структуре словарных статей рецензируемой книги можно получить по вокабуле, вынесенной составителями в ее заглавие (с. 53—55):

ДАЙТЕ МИРУ ШАНС!

Фраза *Дайте миру шанс!* восходит к названию и рефрену песни, сочиненной лидером знаменитой ливерпульской четверки Джоном Ленноном. Произошло это, когда Леннон уже расстался с группой «Битлз». В 1969 г. Йоко Оно и Джон Леннон организовали две акции протеста против развязанной США войны во Вьетнаме, получившие название «постельные». Сидя на кровати в белых одеждах, молодожены говорили с простыми посетителями и с журналистами о мире. Первая акция состоялась в отеле «Hilton» в Амстердаме, вторая — в отеле «Queen Elizabeth» в Монреале, где впервые и была исполнена песня «Дайте миру шанс!» Песню подхватили протестующие против военных действий во Вьетнаме. 15 октября 1969 г. ее хором исполнило более полу-миллиона участников демонстрации в Вашингтоне (Give Peace a Chance: <http://> «Все кричат без устали: “Вещизм, хиппизм, трепизм, туризм, / Тудизм, сюдизм, тамизм, маразм, оргазм”. / А мы говорим: “Дайте миру шанс!” / А мы говорим: “Дайте миру шанс!”» (Give Peace a Chance (...)). Фраза превратилась в крылатую и вошла в лозунговый арсенал борцов за мир в Америке, в европейских странах и в СССР. Она используется и в современном политическом дискурсе России представителями различных партий и общественных организаций.

► Призыв к мирному решению вооруженного противостояния, к прекращению войны.

Леннон в знак протеста против поддержки Англией американской агрессии вернул Ее Величеству свой Орден Британской империи. Скандал, разумеется, визг буржуев и все такое. А лидер «Битлз» уже был в рядах борющихся за мир демонстрантов. Финансировал он и изготовление антивоенных плакатов. Позже в Штатах отстаивал гражданские права индейцев, обличал расизм... Но главное, его творчество наполнилось идейным смыслом. По одним только названиям песен, вошедших в репертуар, без сомнения, самого выдающегося за всю историю рок- и поп-музыки ансамбля и в сольные альбомы его лидера Джона Леннона, можно судить, какой был этот смысл: «Революция», «Дайте миру шанс», «Герой рабочего класса», «Власть народу». Офицеров А. Могильщики против мечтателей // Правда. Орган ЦК КПРФ, 30.01—02.02.2009; Пятый Московский открытый инклюзивный фестиваль искусств проводился в этом году под девизом «Дайте миру шанс» и был посвящен 70-летию окончания Второй мировой войны. Участникам фестиваля предлагалось поразмышлять о войне и мире, о страстных борцах за мир и своей собственной позиции в этом вопросе. Сразу три воспитанника объединения «Журналистика и риторика» — Натали Авакова, Алексей Астров и Алина Устинова — стали победителями. Ура! «Дайте миру шанс». Департамент образования города Москвы. Центр развития творчества детей и юношества // «Пресня», 26.12.2015. (...); *Дайте миру шанс* [В тексте:] Хождение по мукам вооруженного противостояния не принесет нам ничего, кроме новых жертв, переполненных кладбищ и госпиталей, горя близких, разрушений, еще более обременительных расходов, растущей социально-экономической напряженности и внутренней нестабильности. Реальным победителем останется только «партия войны», но не народы (...) И у меня осталась всего одна мечта, которую я хотел бы увидеть воплощенной в реальность еще при своей жизни, — это мир между нашими народами. Я мечтаю

опять, как в далеком детстве, созерцать азербайджанца и армянина, ведущих неспешную мирную беседу за игрой в нарды и стаканом чая в тени карабахской чинары. И я верю, что моя мечта сбудется! Фархад Ахмедов, российский бизнесмен азербайджанского происхождения: «Дайте миру шанс!» // Комсомольская правда. КП.ру. <...>.

Роман «Война и мир» — длинный, старый и очень русский. А еще он понятный, актуальный и человеческий. Ваша жизнь может обрести больший смысл, если вы дадите Толстому шанс. Совершенно ясно, что Эндрю Кауфман (Andrew Kaufman) из Виргинского университета (University of Virginia) не просто так написал книгу «Дайте “Войне и миру” шанс»: мудрость Толстого в смутные времена». После материалов в литературных журналах и публикации труда «Понять Толстого» (Understanding Tolstoy, 2011), он хотел бы рассказать о своей любви обычным людям. В результате появился этот восторженный отзыв на самое известное творение Толстого, который показывает, насколько захватывающим может быть чтение. Несмотря на то, что Кауфман может избавить читателей от испытания длиной в 1500 страниц, он справедливо обращает наше внимание на обилие ярких персонажей и сюжетных линий в авторском изображении жизни российской аристократии в эпоху вторжения Наполеона в Россию. Лун А. ван. Дайте «Войне и миру» шанс: обзор книги Эндрю Кауфмана // ИНОСМИР.РУ, 29.06.2014. <...>.

⌚ **Сведения о фиксации:** Шулежкова, вып. 3, 1994: 29—30; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 133; Грушко, Медведев 2000: 115; Душенко 2002: 241; Серов 2003: 131; Шулежкова 2003: 86; Хлебда, Мокиенко, Шулежкова 2003: 146—147; Берков, Мокиенко, Шулежкова, т. 1, 2008: 289; Шулежкова 2011: 173.

В состав лозунгов, как и крылатых слов, входят языковые единицы различного типа, что делает их объединение в общем словаре нелегкой задачей. Составители, избрав семантико-функциональный критерий за основу вычленения объекта описания, успешно справились с этой задачей. Ими, по сути, выявлен и охарактеризован словарными средствами основной, активно функционирующий в русском и немецком языках лозунговый корпус. Лексикографические параметры словаря позволяют при этом достаточно определенно очертить источники лозунгов во всем их многообразии.

Какие же исходные устойчивые словесные комплексы образуют корпус современных лозунгов? Этот корпус пополняется за счет традиционных европейских афоризмов: *Благо народа — высший закон!*; *Глас народа — глас Божий!*; *Знание — сила!*; *Einer für alle — alle für einen* ♦ *Один за всех и все за одного!*; *Schneller, höher, teurer* ♦ *Быстрее, выше, дороже*; *Nicht für die Schule, sondern für das Leben lernen wir* ♦ *Мы учимся не для школы, а для жизни*. Многие из них имеют древнее происхождение. Таков, например, последний афоризм (с. 267—268), который представляет собой перевод латинской крылатой фразы *Non scholae sed vitae discimus* и является перефразированным высказыванием Сенеки-старшего, который иронически критиковал философские школы своего времени, где преподавались «школьные премудрости», а не то, что необходимо для жизни: *Non vitae, sed scholae discimus* — «К сожалению, мы учимся не для жизни, а для школы», — такими словами он закончил свое 106-е письмо («*Epistulae morales*» 106 des Lucius Annaeus Seneca). Этот древний афоризм используется в качестве лозунга во многих учебных заведениях Германии и часто повторяется учителями в качестве призыва к сближению школьного образования с потребностями жизни. Связь школы с жизнью подчеркивается и многими европейскими выражениями, например русск. *школа жизни*; чеш., словац. *škola života*; хорв. *dobra škola*; чеш., словац. *dobrá škola, čo je dobrou školu (dobrá škola)* и др. Из того же педагогического «гнезда» вышли и немецкие выражения *die Schule des Lebens* (букв. *школа жизни*), *Schule machen* (букв. *делать школу*) и *etw. ist eine gute Schule* (букв. *что-л. является хорошей школой*).

Становясь лозунгами, такого рода афоризмы претерпевают как формальные, так и функционально-семантические изменения и обрастают вариантами, ср.: *Жизнь [есть] борьба — И вся-то наша жизнь есть борьба!*; *Когда говорят пушки, музы молчат — Когда гремит*

оружие, музы молчат и др. Некоторые из таких преобразований могут резко переключать идеологический смысл, заложенный в источнике афоризма, и становиться мощными позитивными или негативными идеологическими символами.

Своеобразна в этом плане история немецкого афоризма *Arbeit macht frei!* ♦ *Работа освобождает* (с. 242—243). Первоначально это заголовок романа немецкого писателя-националиста Лоренца Дифенбаха, вышедшего в Вене в 1872 г. Фраза пародировала средневековое немецкое выражение *Stadtluft macht frei* (*Городской воздух освобождает* — обычай, по которому крепостной крестьянин, проживший в городе достаточно долго, становился свободным). До XIX в. выражение означало свободу, толерантность, взаимное уважение. В 1928 г. правительство Веймарской республики использовало этот афоризм в качестве лозунга для большой программы общественных работ, нацеленной на преодоление безработицы. И лишь применение его национал-социалистами «извратило» изречение, сделав его символом наивысшего презрения к людям, «девизом», который был прикреплен над входными воротами концентрационных лагерей Дахау, Освенцим, Заксенхаузен, Флоссенбрюк и др., что на фоне трагической судьбы арестованных выглядело как циничная насмешка. Такой же была «переориентация» античной пословицы *Jedem das Seine* ♦ *Каждому / всякому свое* (с. 78—79, 258—259).

Особую группу традиционных крылатых изречений, ставших лозунгами, представляют библейские выражения: *Вера без дел мертва!*; *Кто не работает, тот не ест!*; *Кто не с нами, тот против нас!*; *Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет*; *Nicht nur an heute denken, sondern auch an morgen* ♦ *Думать не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем*; *Schwerter zu Pflug scharen!* ♦ (букв. *Мечи на плуги!*) *Перековать мечи на орала* и др. Хотя в русском и немецком языках они имеют общее происхождение, но в восприятии носителями языка могут иметь разную маркировку. Так, опрос показал, что библеизм *Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет* носителями словацкого и немецкого языков воспринимается на фоне текста Евангелия, в то время как многие русские информанты связали его с советским кинофильмом «Александр Невский», выпущенным на экран 1 декабря 1938 г. (сценарий П. А. Павленко). Именно в устах героя фильма Александра Невского эти слова приобрели «крылатую» форму и стали лозунгом, в то время как в словацком и немецком языках они представляют собой цитату из Библии: *Kto mečom bojuje, mečom zahyne*; *Wer das Schwert nimmt, wird durch das Schwert umkommen* [Балакова и др. 2012: 66].

В Словаре представлены разные типы крылатых выражений, маркированные печатью конкретного автора и претерпевшие процесс превращения их в лозунги. Во всех них составители уловили главное свойство лозунга — быть призывом, что и сделало их современными лозунгами. Таковы, например: *Со щитом или на щите!*; *Государство — это я!* (ср.: *Wir sind das Volk!* ♦ *Народ — это мы!*); *Тяжело в учении — легко в бою*; *Король умер! Да здравствует король!*; *Пока свободой горим, / Пока сердца для чести живы, / Мой друг, Отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!*; *Оглянись во гнев!*; *Прощай, оружие!*; *Светить всегда, светить везде, жизнь станет ярче на земле!*; *Бороться и искать, найти и не сдаваться!*; *Всё лучшее — детям!* и др. Особо оригинальны здесь, естественно, такие крылатые выражения, которые принадлежат известным современным политическим деятелям или являются порождением особой политической акции. Такова, например, крылатая фраза *Ich bin ein Berliner* ♦ *Я берлинец!* (с. 257—258) из исторической речи американского президента Джона Кеннеди 26 июня 1963 г. в Западном Берлине или фраза *Я — Шарли!* (*Je suis Charlie*), ставшая спонтанной реакцией на террористический акт в редакции сатирического журнала «Charlie Hebdo» 7 января 2015 г. в Париже (с. 237—240).

«Призывность» вовлекла в корпус лозунгов и достаточное число крылатых выражений из песенного творчества. Характерно, что почти во всех из них присутствует политическая тональность: *Весь мир насилья мы разрушим*; *Кто был ничем, тот станет всем!*; *Вихри враждебные веют над нами*; *Вперед, заре навстречу [товарищи в борьбе!]*; *Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет!* (ср.: *Молодым дорогу!*); *Allen Stürmen zum Trotz* ♦ *Всем штормам назло*; *Die Gedanken sind frei* ♦ *Мысли свободны* и др. Составители

словаря уделяют особое внимание и песням, возникшим в эпоху перестройки, которые стали символами назревающих политических изменений, породив целый ряд лозунговых перевоплощений, ср.: *Мы ждем перемен!*; *[Мы] хотим перемен!*; *Требуем перемен!*; *Хотите реальных перемен — голосуйте!*

В духе названия Словаря — богатый подбор пацифистских лозунгов: *Nein zum Krieg!* ♦ *Нет войне!*; *Нет нацизму!*; *Нет терроризму!*; *Нет фашизму!*; *Фашизму — нет!*; *Фашизм не пройдет!*; *Они не пройдут!*; *Обнимитесь, миллионы!* и др. Ср. также: ИГИЛ (запрещенная в России организация) — *раковая опухоль [на теле] ислама*.

Арсенал лозунгов, как видим, активно пополнялся и пополняется за счет крылатых слов и выражений разного рода — от библеизмов и античных афоризмов до новейших фраз известных политиков и песенных цитат. Но в Словаре обильно представлены и, так сказать, «первородные» лозунги, т. е. такие, которые изначально служили лапидарными призывами, выражающими какие-либо доминирующие идеи или политические требования. И здесь временный диапазон такого рода материала весьма широк — от устаревшего ныне русского патриотического лозунга *За Веру, Царя и Отечество!* до ультрасовременного высказывания *Денег нет, но вы держитесь!* (с. 56—57). Фраза широко распространилась в Рунете и стала мемом. Она активно обыгрывается в российских средствах массовой информации и переросла в ироничное название проправительственной партии «Единая Россия» и характеристику ее политики.

Высоко оценивая рецензируемый Словарь, нельзя не обратить внимания и на некоторые критические моменты.

Обзревая лозунги, вошедшие в Словарь, внимательный читатель может упрекнуть составителей в некотором идеологическом «смещении» ракурса описания в сторону «российскости», а не сбалансированной «русскости». Не случайно основной раздел книги так и назван — «Российские лозунги» (с. 7). Как говорится, *noblesse oblige*, и уже потому на авансцену Словаря выходят «сгущенные» идиологемы типа *А ты стал участником народной инициативы?* (с. 7—8) или *Патриоты России — за национальный прорыв!* (с. 176—177). На фоне пацифистских призывов дисгармонично выглядят, как кажется, такие цитаты-псевдо-лозунги, как *ВДВ — это мужество высшего класса, храбрость первой категории, боевая готовность номер один!* или *ВДВ — это мужество, стойкость, успех, натиск, престиж!* (с. 21—23), принадлежащие одному из родоначальников Воздушно-десантных войск Российской Федерации В. Ф. Маргелову (1908—1990). И не потому, что эти цитаты окрашены армейским колоритом, а потому, что по своим лингвистическим характеристикам они не вписываются в жанр лозунгов, составляющих корпус рецензируемого Словаря. Сами составители подчеркивают в дефиниции к этим фразам, что это «констатация морально-волевых качеств десантников современной Российской Армии, постоянной боевой готовности ее Воздушно-десантных войск». Именно констатация, а не **призыв**, являющийся функциональной сущностью лозунга как типа языковых единиц.

Жанровая последовательность, как кажется, составителями Словаря нарушается при включении в корпус наряду с лозунгами и фраз-**девизов**. Они, в сущности, тоже являются констатациями, а не призывами. Ведь *девиз*, по издавна принятой дефиниции, — это «краткое изречение, выражающее руководящую идею поведения или деятельности» [СУ, 1: 667]. Это и отличает его от собственно лозунга: не случайно в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, где дана эта дефиниция, примером девиза является пионерское *Всегда готов!*, а не призывное, лозунговое *Будь готов!* Справедливости ради нужно оговориться, что между лозунгом и девизом границы не всегда четко очерчены. Пожалуй, с некоторой натяжкой к лозунгам можно, как кажется, все-таки причислить такие девизы, как *Благо народа — высший закон!*; *Гвардия умирает, но не сдается!*; *Смелость, смелость и еще раз смелость!*; *Тяжело в учении — легко в бою*. Но девизы-констатации типа *Душа — Богу, сердце — женщине / даме, долг / жизнь — Отечеству / Родине, честь — никому!*; *Пока свободой горим, / Пока сердца для чести живы, / Мой друг, Отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!*; *Все люди — братья*; *Процветание в единстве*; *Своих [в беде] не бросаем!*; *Своих не сдаем!* от лозунговой «призывности» уже достаточно удалены.

Сущностная политическая ангажированность лозунгов как особого лингвистического жанра требует, как представляется, от их лексикографирования особой толерантности и объективности. Хотя составители рецензируемого Словаря к этому в принципе и стремились, удастся им это не всегда. Особо отклонение от объективации заметно, пожалуй, в фиксации и словарной характеристике лозунгов, связанных с трагическими украинскими событиями. Здесь авторы занимают прямолинейно однозначную позицию, режущую лингвистический слух. И дело не только в необходимости разумного миролюбивого — в духе названия книги «Дайте миру шанс!» — «просеивания» лозунгов в целях их объективации, но и в расстановке ролей их отправителя и адресата. Поскольку русская часть словаря названа «Российские лозунги», то совмещение в одной плоскости словника таких русскоязычных лозунгов, как *Бандера придет, порядок наведет!* (с. 8—9) и *Бандеровцы, руки прочь от Украины!*; *Банду геть!* (с. 9—13) или *Украина, очнись!* (с. 230) и *Слава Украине! Героям слава!* (с. 216—217); *Украина для украинцев!* (с. 228—230), *Украина превыше всего!* (с. 230—232); *Москалей на ножи! Москаляку на гиляку!* (с. 124—126) вносит диссонанс в их «российскую» идентификацию. Ведь второй ряд приведенных лозунгов однозначно относится не к «российским» лозунгам, а к националистическим украинским, хотя и русскоязычным. Понятно, что в самих словарных статьях идентификация проводится, но это как раз и доказывает их «нероссийскость». Здесь, как кажется, нужна особая осторожность и корректность — именно в пользу того шанса, который пацифистские лозунги дают миру.

В этом отношении, надо сказать, немецкая часть Словаря оказалась идеологически намного более толерантной, чем «российская». Не случайно первая ее вокабула является именно призывом к такой позиции — *Aktiv gegen Rechtsextremismus, Gewalt und Menschenfeindlichkeit* ♦ *Активно против правого экстремизма, насилия и человеконенавистничества* (с. 241). Несколько, правда, озадачивает ее название — «Германские лозунги», точнее было бы назвать «Немецкие», хотя, возможно, оно навеяно включением в словник таких пацифистских англицизмов, как *Make love, not war!* (с. 283), уже ставших и германизмами.

Русскому читателю могут показаться достаточно непривычными и буквальные переводы немецких лозунгов, предлагаемые составителями. Так, крылатая фраза *Schwerter zu Pflug scharfen*, известная всем как библейское выражение *Перековать мечи на орала* переводится как *Мечи на плуги!* (с. 272), популярный американизм *Das Boot ist voll* (Не раскачивайте лодку!) как *Лодка полна!* (с. 246), а современная поговорка *Wer bestellt, bezahlt* (Кто платит, тот и заказывает музыку) как *Кто заказывает, тот платит* (с. 276). Приводя выше подобный немецкий материал из рецензируемого Словаря, мы позволили себе сопроводить его пометой «букв.» (буквально), а некоторые вокабулы снабдить полноценными русским эквивалентами, отличными от буквального их перевода, предложенного составителями.

Понятно, что первый опыт лексикографического обобщения такого политизированного и разнородного словесного жанра, как лозунги, потребовал от составителей максимализма в поисках и фиксации материала. Уже поэтому отмеченный субъективизм в его отборе во многом оправдан стремлением к полноте его презентации. Коллекция собственно лозунгов в Словаре действительно представлена во всем их многообразии. Вот краткая выборка, дающая представление о лозунговом калейдоскопе в лексикографическом отражении: *Свобода, равенство, братство!*; *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*; *Великому Октябрю — слава!*; *Владыкой мира будет / станет труд!*; *Готов к труду и обороне!*; *Спеши(те) делать добро!*; *Прощетание в единстве!*; *Благополучный человек — благополучная страна!*; *Верим в Россию, верим в себя!*; *Вперед, в СССР!*; *Голосуйте за кого угодно, кроме «Единой России»!*; *Слава Украине! Героям слава!*; *Das Boot ist voll!* ♦ (букв. Лодка полна!) *Не раскачивайте лодку!*; *Demokratie und Freiheit verteidigen!* ♦ (букв. Защищать демократию и свободу!) *На защиту демократии и свободы!*; *Der Westen muss Freiheit und Demokratie achten!* ♦ букв. Запад должен уважать свободу и демократию!; *Einigkeit und Recht und Freiheit* ♦ (букв. Единство, и Право, и Свобода) *За единство, право и свободу!*; *Frieden, Freiheit, Souveränität* ♦ букв. Мир, свобода, суверенитет; *Gleicher Lohn für gleiche Arbeit am gleichen Ort. Das fordern wir ein!* ♦ букв. Одинаковая плата за одинаковую работу на одном и том же месте.

Мы требуем!; *Kein Benzin ins Feuer giessen!* ♦ букв. *Не подливать в огонь бензин!* (ср.: *Не подливайте масла в огонь!*); *Keine Freiheit ohne Sicherheit* ♦ букв. *Без безопасности нет свободы*; *Keine Spekulation mit Nahrungsmitteln [Nahrung]!* ♦ букв. *Нет спекуляции продуктами питания!*; *Kindergarten / Kitas kostenfrei / kostenlos / gebührenfrei!* ♦ букв. *Бесплатный детский сад!*; *Miteinander. Für einander* ♦ (букв. Вместе. Друг для друга) *Друг с другом! Друг за друга*; *Mitmachen — Mitentscheiden — Mitverantworten* ♦ букв. *Делать вместе — решать вместе — нести ответственность вместе*; *Russlandsanktionen aufheben!* / *Die Sanktionen gegen Russland aufheben / rückgängig machen!* ♦ букв. *Снять / отменить санкции против России*; *Schluss mit der Unterwürfigkeit gegenüber den USA!* ♦ (букв. *Конец раболепию перед США!*) *Xvatim rabolebnstvovat' (progiбат'sя) перед США!*; *Von der Willkommenskultur zur Integrationskultur* ♦ букв. *От культуры гостеприимства к культуре интеграции*; *Wer bestellt, bezahlt* ♦ (букв. *Кто заказывает, тот платит*) *Кто платит, тот заказывает музыку*; *Zukunft braucht Erfahrung!* ♦ букв. *Будущему нужен опыт!* и мн. др.

Каждый из этих лозунгов точно документирован, прокомментирован и истолкован, а злободневные иллюстрации к ним дают яркое представление о мощи политических страстей, которые ими выражаются. Тем самым составителями Словаря создается живая картина лозунгового мира, в котором живут наши русские и немецкие современники. Живут, откликаясь на лозунговые призывы, заложенные и в Библии, и в античных мудрых речениях, и в рекомендациях современных политиков — например бывшего президента СССР, «архитектора Перестройки» М. С. Горбачева (*Wer zu spät kommt, den bestraft das Leben* ♦ *Кто опаздывает, того наказывает жизнь*), бывшего президента США Барака Обамы (*Yes, We Can!* ♦ *Да, мы можем!*) или канцлера Германии Ангелы Меркель (*Wir schaffen das!* ♦ *Мы справимся!*). Откликаясь и задумываясь над теми из лозунгов, которые, пройдя через горнило исторических катаклизмов, сохранили свою непреходящую истинность. Ту, например, которая запечатлена в крылатой фразе чешского писателя Юлиуса Фучика в книге «Reportáž psaná na oprátce» (1943), написанной в пражской тюрьме Панкрац: *Lidé, měl jsem vás rád. Bděte!* — *Люди, я любил вас, будьте бдительны!* Ее прототипом стал известный евангельский призыв Иисуса Христа к своим ученикам в ночь перед его распятием на Голгофе: «А вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Мк. 13:37). Призыв, звучащий по-чешски так же, как и у Ю. Фучика: *Bděte!* Этот древний евангельский клич особенно актуален сейчас, когда призывы к бдительному миру нужны человечеству гораздо больше, чем лозунги, зовущие к военным конфронтациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балакова и др. 2012 — Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В. М. Лепта библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов. Грайфсвальд: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2012. [Balakova D., Walter H., Mokienko V. M. *Lepta bibleiskoi mudrosti. Kratkii rusско-slovatsko-nemetskii slovar' krylyatkh slov* [The contribution of Biblical wisdom. A concise Russian-Slovak-German phraseological dictionary]. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2012.]
- Берков и др. 2000 — Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. [Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. *Bol'shoi slovar' krylyatkh slov russkogo yazyka* [An unabridged phraseological dictionary of Russian]. Moscow: Russkie Slovari; Astrel'; AST, 2000.]
- Берков и др. 2008—2009 — Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2-х т. / Под ред. Шулежковой С. Г. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск: МаГ У; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008—2009. [Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. *Bol'shoi slovar' krylyatkh slov i vyrazhenii russkogo yazyka: v 2-kh t.* [An unabridged phraseological dictionary of Russian: In 2 vol.]. Shulezhkova S. G. (ed.). 2nd ed., revised and enlarged. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Univ.; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008—2009.]
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. [*Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The great explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (comp. and ed.). St. Petersburg: Norint, 1998.]

- Даль₂ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. 2-е изд. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1881. М.: ГИС, 1955. [Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian language]. Vol. II. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow: M. O. Vol'f, 1881.]
- Даль₃ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. 3-е изд. СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1903—1909. [Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian language]. Vol. I—IV. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow: Izdanie Tovarichestva M. O. Vol'f, 1903—1909.]
- Полит-словарь.ру — Полит-словарь.ру // <http://www.polit-slovar.ru>. [*Polit-slovar'.ru*. Available at: <http://www.polit-slovar.ru>.]
- СУ — Толковый словарь русского языка. Т. 1—4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. [*Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ushakov D. N. (ed.). Vol. 1—4. Moscow, 1935—1940.]
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1986—1987. [Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translation from German and addendum by O. N. Trubachev. Vol. I—IV. Moscow: Progress, 1986—1987.]
- DH — *Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*. 2., völlig neu bearb. und erw. Aufl. v. Günther Drosdowski. Duden. Bd. 7. Mannheim: Dudenverlag, 1989.
- Pfeifer — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Erarbeitet von einem Autorenkollektiv des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. Bd. 2. Berlin: Akademie-Verlag, 1989.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 2017 г.*

INDEX OF THE PAPERS published in «Voprosy Jazykoznanija» in 2017

Статьи

Апресян В. Ю. Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов	2
Бондаренко Т. И. Две аспектуальные подсистемы в грузинском языке	4
Бондарь В. А. <i>Habban</i> + причастие II с глаголами движения в древнеанглийском языке	5
Валова Е. А., Слюсарь Н. А. Исследование синтаксических свойств энклитики <i>же</i> : корпусный и экспериментальный подход	2
Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. « <i>X есть X</i> » значит « <i>X это X</i> »? Ищем ответ в синхронии и диахронии	3
Виноградова Е. Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке	5
Гаспаров Б. М. Теоретическая лингвистика как миропонимание	3
Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе	4
Горьбова Е. В. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии)	1
Гращенко П. В. Как нарушить три запрета: немного о русских глаголах на <i>сам-...-ся</i>	4

* Информацию о всех статьях, опубликованных с 1952 г., можно найти в электронном архиве журнала: <http://issuesinlinguistics.ru>.

Заика Н. М. Наложение просодических составляющих в старосудетинском диалекте баскского языка.....	2
Иванов В. Б., Додыхудоева Л. Р. Синтаксические отношения имен в северо-западных иранских языках (на мазандеранском и гилякском материале)	2
Иванова Е. Ю., Петрова Г. М. Болгарские возвратные клитики <i>се</i> и <i>си</i> : омонимия, полисемия, синтаксис	1
Инькова О. Ю. Генерализация: определение, текстовые функции, показатели (на материале русского, французского и итальянского языков)	3
Киси́лиер М. Л. Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: предварительные наблюдения и перспективы исследования	1
Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода	6
Котин М. Л. Нереальный условный период и автономное предложение желательного условия: проблемы грамматического статуса	2
Красухин К. Г. Был ли праиндоевропейский языком активного строя? (к типологии индоевропейского праязыка)	2
Крылова Т. В. <i>Горе от ума</i> : оценка ума в русской языковой картине мира	4
Лауринавичюте А. К., Крабис А. В., Фаризова Н. О., Толкачева В. А., Драгой О. В. Влияние сенсомоторных стереотипов на понимание пространственных конструкций: данные движений глаз	3
Летучий А. Б. Русские наречия со значением времени <i>только</i> , <i>только-только</i> , <i>только что</i> : значение недавнего прошлого и результативное значение	1
Падучева Е. В. О семантике русского вида в дискурсивном контексте	1
Патроева Н. В. Синтаксис русской поэзии XVIII века в связи с метрикой, строфикой, жанром стихотворения	6
Пичхадзе А. А. Славянская номинативная конструкция при глаголах восприятия, мысли и речи	6
Разлогова Е. Э. Стандартные и нестандартные варианты перевода	4
Сердобольская Н. В. Бессоюзные актантные предложения с глаголом <i>думать</i> в русском языке	5
Слюсарь Н. А., Петрова Т. Е., Михайловская Е. В., Череповская Н. В., Прокопья В. К., Чернова Д. А., Черниговская Т. В. Экспериментальные исследования ментального лексикона: словосочетания с буквальным и небуквальным значением	3
Сунь Шуфан, Шелов С. Д. Термин как основная единица терминологии: разнообразие определений и единство понимания	6
Урысон Е. В. Предлог или наречие? (Частеречный статус наречных предлогов)	5
Шлуинский А. Б. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида	3
Эйсмонт П. М. «Как стать большим?»: предикативные прилагательные в детской речи	6
Jovanović V. Ž. Formative semantic models of adjective compounds in English and Serbian	6

Обзоры

Лютикова Е. А. Конфигурационный падеж в параметрической модели	5
Шаврина Т. О. Методы обнаружения и исправления опечаток: исторический обзор	4
KONOSHENKO M. B. Tone in grammar: What we already know and what we still don't?	4

Рецензии

Аркадьев П. М. <i>A. D. Sims. Inflectional defectiveness. Cambridge: Cambridge University Press, 2015</i> ...	4
Аркадьев П. М. <i>E. Coghill. The rise and fall of ergativity in Aramaic. Cycles of alignment change. Oxford: Oxford University Press, 2016</i>	6
Бердичевский А. М. <i>Baerman, D. Brown, G. G. Corbett (eds.). Understanding and measuring morphological complexity. Oxford: Oxford University Press, 2015</i>	5
Герасимов Д. В. <i>MacWhinney, A. Malchukov, E. Moravcsik (eds.). Competing motivations in grammar and usage. Oxford: Oxford University Press, 2014</i>	1
Доброва Г. Р. <i>E. Tribushinina, M. D. Voeikova, S. Nocetti (eds.). Semantics and morphology of early adjectives in first language acquisition. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015</i> ...	3

ДЫМАРСКИЙ М. Я. А. В. <i>Циммерлинг</i> . Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянских культур, 2013.....	4
Зализняк Анна А., Смирнитская А. А. <i>P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm</i> (eds.). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016.....	6
Изотов А. И. <i>J. Marvan</i> . Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800—1800: Malý průvodce cestami české lingvokologie. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015	2
Козлов А. А. <i>T. Nessel</i> . How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of the Russian language. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2015	3
Коницкая Е. М. <i>Н. Р. Добрушина</i> . Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Praha: Animedia Company, 2016.....	6
Косогорова М. А. <i>D. Creissels, K. Pozdniakov</i> (éds.). Les classes nominales dans les langues atlantiques. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2015	3
МАКАРЦЕВ М. М. А. А. <i>Плотникова</i> . Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016	1
МОКИЕНКО В. М. С. Г. <i>Шулежкова, А. А. Осипова</i> (ред.). Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2016.....	6
ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ Е. В. Е. О. <i>Aboh</i> . The emergence of hybrid grammars: Language contact and change. Cambridge: Cambridge University Press, 2015	5
ПИПЕРСКИ А. Ч. <i>N. Levshina</i> . How to do linguistics with R. Amsterdam: John Benjamins, 2015.....	2
ПЛОТНИКОВА А. А. А. Н. <i>Соболев, А. А. Новик</i> (ред.). Голо Бордо (Gollobordë), Албания: из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008—2010 гг. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013	4
РУДНИЦКАЯ Е. Л. М. <i>Koptjevskaja-Tamm</i> (ed.). The linguistics of temperature. Amsterdam: John Benjamins, 2015	5
СИЧИНАВА Д. В. I. A. <i>Seržant, B. Wiemer</i> (eds.). Contemporary approaches to dialectology: The area of North, North-West Russian and Belarusian dialects. Bergen: University of Bergen, 2014.....	2
СИЧИНАВА Д. В. Е. В. <i>Вельмезова</i> . История лингвистики в истории литературы. М.: Индрик, 2014....	1
СТЕНИН И. А. М. <i>Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy</i> (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015	6
ТЯПКО Г. Г. С. <i>Танасић</i> . Синтакса пассива у савременом српском језику. Београд: Београдска књига — Институт за српски језик САНУ, 2014.	3
ШКАПА М. В. E. <i>van Gelderen</i> (ed.). Cyclical change continued. Amsterdam: John Benjamins, 2016.....	2
ШЛУИНСКИЙ А. Б. Z. <i>Guentchéva</i> (ed.). Aspectuality and temporality: Descriptive and theoretical issues. Amsterdam: John Benjamins, 2016	5
ЭДЕЛЬМАН Д. И., Молчанова Е. К. М. <i>Хасандуст</i> . Этимологический словарь персидского языка. Т. 1—5. Тегеран: Академия персидского языка и литературы, 1393/2014. На персидском языке	2

Подписано к печати 26.10.2017 Дата выхода в свет 25.12.2017
 Формат 70×100% Цифровая печать Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 5,2 тыс.
 Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0 Тираж 389 экз. Зак. 1728
 Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66704 от 28 июля 2016 г.
 в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций
 Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
 телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6